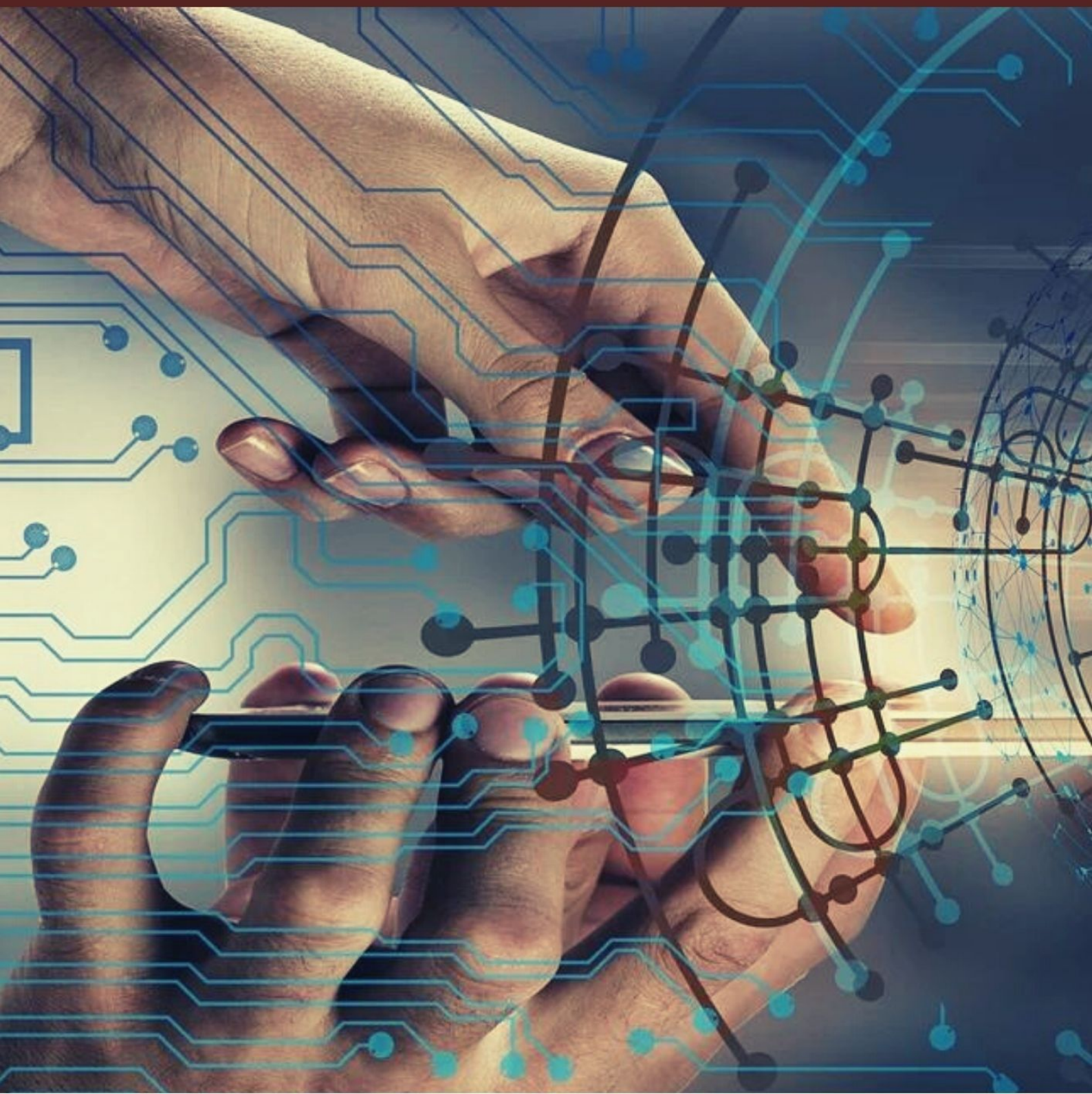

ISSUE 2 | 2021

GALACTICA MEDIA

JOURNAL OF MEDIA STUDIES

GALACTICA MEDIA

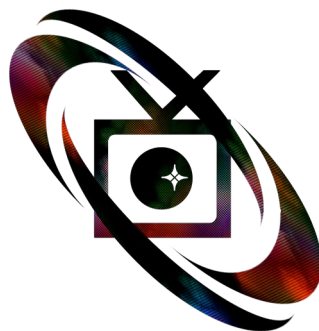
Journal of Media Studies

Scientific E-Journal

www.galacticamedia.com

Vol 3 No 2

<https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2>

ГАЛАКТИКА МЕДИА

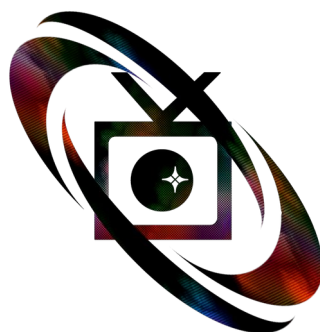
журнал медиа исследований

научный электронный журнал

www.galacticamedia.com

Том 3 No 2

<https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2>

Dear friends, colleagues, readers and authors!

Galactica Media: Journal of Media Studies is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2019). The journal publishes scholastic articles, reviews, information resources, reports of expeditions, conferences and other scientific materials.

This project is a truly ambitious initiative that serves to disseminate scientific intellectual knowledge and information in the field of media and popular culture (history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.) in the modern world community.

It is not for nothing that we used the epithet ambitious, since from the very beginning of its inception and preparation, it really is such. The project was started in 2018 by a small group of enthusiasts, young scientists whose interests lie in the above-mentioned areas of research.

First of all, we have assembled a truly big international team to become the members of our editorial board, people from different parts of our “small global village” called planet Earth, as media culture theorist Herbert Marshall McLuhan put it. Our editors are leading scholars in the field of media and popular culture from Russia, USA, UK, Spain, Austria, Sweden, India, Sri Lanka, China, Malaysia, Ghana.

Therefore, we chose English (the international language of science) and Russian (as the project is an initiative of Russian scientists) as the working languages of the online journal.

Openness, no charge, and peer reviews by leading scholars are the fundamental principles of our project (Ethics). And the digital character of modern international communications made us choose the electronic version of the journal (without physical printing). Based on the above while choosing a platform we preferred an open and free engine called Open Journal Systems, which ideally allows to organize the entire publishing process.

This allowed us to automate each stage of publication through the user registration system.

The names and e-mail addresses entered on the website of this online journal will be used solely for the purposes indicated by the journal and will not be used for any other purposes or passed to other individuals or organizations.

Journal publishes articles on quarterly basis.

Our online edition is devoted to the topical issues in the field of studies of media and mass culture in the broadest coverage of: history, cultural studies, anthropology, philosophy, etc.

The title of the journal was chosen as a reference to the work of the famous theorist of media culture, Herbert Marshall McLuhan, who in his periodization of the invention and assimilation by mankind of mass communications (media) introduced the concept of "Galaxy" (Galaxy of Gutenberg, Galaxy Marconi, etc.).

Aim and Scope

to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of studies of media and mass culture. We strive to ensure that our network publishing performs an important scientific function – communication and information, which al-

lows not only to accumulate new achievements in this area, but also serves as the basis for new discoveries and insights.

Online edition maintains its principles – to ensure the intercultural dialogue and to reduce the conflict of civilizations. It adheres to the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial Board aims at removing language barriers while maintaining respect for the national culture of each nation, residing on the small planet Earth.

All materials submitted to the editors will be carefully selected and sent for double-blind review.

Which does not mean though that any article sent to the editor will be accepted for our online edition. Any unscientific or not based on facts article will be rejected by the editors.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

**Best regards,
Editors**

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75 215 since 07 march 2019
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание Galactica Media: Journal of Media Studies является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2019 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Данный проект является поистине амбициозной инициативой, служащей распространению научных интеллектуальных знаний и информации, посвящённых исследованиям в области медиа и массовой культуры (история, культурология, антропология, философия и т.д.) в современном мировом сообществе.

Мы не зря использовали эпитет амбициозный, так как с самого начала его за рождения и подготовки он действительно является таковым. Проект был задуман в 2018 году небольшой группой энтузиастов, молодых учёных, сферой интересов которых оказалась вышеуказанная область научных исследований.

Первым делом мы собрали по-настоящему огромную международную команду, которая представлена в редколлегии сетевого издания и охватывает большинство континентов, как выразился теоретик медиакультуры Герберт Маршалл Маклюэн, нашей «маленькой глобальной деревни» под названием планета Земля. Сюда вошли ведущие учёные в сфере медиа и массовой культуры следующих стран: Россия, США, Великобритания, Испания, Австрия, Швеция, Индия, Шри-Ланка, Китай, Малайзия, Гана.

Поэтому в качестве рабочих языков сетевого издания мы выбрали английский (международный язык науки) и русский (так как проект является инициативой российских учёных).

Открытость, бесплатность и рецензируемость ведущими учёными всех поступающих для публикации материалов являются основополагающими научными принципами нашего проекта (основные этические принципы представлены здесь). А цифровой характер современных международных коммуникаций заставил нас выбрать электронный вариант публикации статей (без физической печати). Исходя из вышеперечисленного в выборе платформы для реализации задуманного, мы остановились на открытом и бесплатном движке под названием Open Journal Systems, который позволяет идеально организовать весь издательский процесс.

Это дало нам возможность автоматизировать каждый этап на пути к опубликованию научных материалов через систему регистрации пользователей.

Имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого сетевого издания, будут использованы исключительно для целей, обозначенных этим сетевым изданием, и не будут использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований медиа и массовой культуры в самом широком их охвате: история, культурология, антропология, философия и т.д.

Название проекта было выбрано в качестве отсылки к творчеству известнейшего теоретика медиакультуры Герберта Маршалла Маклюэна, который в своей периодизации изобретения и усвоения человечеством средств массовой коммуникации (медиа) использовал понятие «Галактика» (Галактика Гуттенберга, Галактика Маркони и т.д.).

Цель проекта

создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области исследований медиа и массовой культуры.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций «идеологии» диалога культур и устранение условий конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Все материалы, поступающие в редакцию проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование.

Вместе с тем это не означает, что любая, присланная в редакцию статья, будет напечатана в нашем сетевом издании. Любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами.

Все статьи публикуются в сетевом издании БЕСПЛАТНО, но и гонорар авторам не выплачивается.

**С уважением,
редакция журнала**

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75 215 от 07 марта 2019
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editorial Team

Редакция

Editor-in-Chief

Rastyam T. Aliev

PhD, Associate Professor, Astrakhan
State University, Russia

Главный редактор

Растям Туктарович Алиев

к. ист. н., Астраханский
государственный университет, Россия

Associate Editors

Serguey N. Yakushenkov

Dr. Habilitatus in History, Professor,
Astrakhan State University, Russia

Заместители главного редактора

Сергей Николаевич Якушенков

д. ист. н., профессор, Астраханский
государственный университет, Россия

Olesya S. Yakushenkova

PhD, Associate Professor, Astrakhan
State University, Russia

Олеся Сергеевна Якушенкова

к. филос. н., Астраханский
государственный университет, Россия

Copy editors

Emilia A. Taysina

Dr. Habilitatus in Philosophy,
Professor, Kazan State Energy
University, Russia

Литературные редакторы

Эмилия Анваровна Тайсина

д. филос. н., профессор, Казанский
государственный энергетический
университет, Россия

Elina A. Sarakaeva

PhD, Hainan Professional
College of Economics and
Business in Haikou, China

Элина Алиевна Саракаева

к. филол. н., Хайнаньский
профессиональный колледж
экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Isabeau Vollhardt

B.A. Philosophy/English
University of Washington, USA

Изабо Воллхардт

Бакалавр философии университет
Вашингтона, Сиэтл Вашингтон, штат
Вашингтон, США

Editorial Board

Aleksandr V. Pavlov

Dr. Habilitatus, Associate Professor,
Higher School of Economics, Russia

Редакционная коллегия

Александр Владимирович Павлов

д. филос. н., Факультет гуманитарных
наук / Школа философии НИУ ВШЭ,
Россия

Amador Iranzo

PhD, Universitat Jaume I
de Castelló, Spain

Амадор Иранцо

PhD, Университет Хайме I,
Испания

Christophe Duret

PhD Université de Sherbrooke, Canada

Кристоф Дюре

PhD, Университет Шербрука, Канада

David Hesmondhalgh

PhD, Professor,
University of Leeds, UK

Дэвид Хесмондхалг

PhD, профессор, Университет Лидса,
Великобритания

Elena V. Khlysheva Dr. Habilitatus, professor, Astrakhan State University, Russia	Елена Владиславовна Хлыщёва д. филос. н., профессор, Астраханский государственный университет, Россия
Gautam Basu Thakur PhD, Associate Professor, Boise State University, USA	Гаутам Басу Тхакур PhD, профессор, Государственный университет Бойсе, США
Ibitayo Samuel Popoola PhD, University of Lagos, Nigeria	Ибитайо Самюэль Попула PhD, профессор, Лагосский университет, Нигерия
Joan Copjec PhD, Brown University, USA	Джоан Копьек PhD, профессор, Университет Брауна, США
Konstantin A. Ocheretyaniy PhD, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Russia	Константин Алексеевич Очеретяный к. филос. н., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Kwasu David Tembo PhD, Independent Researcher, Zimbabwe	Квасу Дэвид Тембо PhD, Независимый исследователь, Зимбабве
Ludmila V. Scheglova Dr. Habilitatus, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia	Людмила Владимировна Щеглова д. филос. н., профессор, Волгоградский государственный социально- педагогический университет, Россия
Madina Tlostanova PhD, Professor, University of Linköping, Sweden	Мадина Тлостанова д. филол. н., профессор, Университет Линчепинг, Швеция
Maksim V. Kirchanov Dr. Habilitatus, Associate Professor, Voronezh State University, Russia	Максим Валерьевич Кирчанов д. ист. н., доцент, Воронежский государственный университет, Россия
Natalya B. Kirillova Dr. Habilitatus, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russia	Наталья Борисовна Кириллова доктор культурологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Россия
Neeraj Khattri PhD, Associate Professor, Jaipur National University, Jaipur Rajasthan, India	Нирадж Хаттри PhD, профессор, Джайпурский национальный университет, Индия
Qiao Li Associate Professor, University of Wollongong in Malaysia, Malaysia	Сяо Ли PhD, профессор, Университет Вуллонгонга в Малайзии, Малайзия
Robert Pfaller Dr. philos., Professor, University of Art and Design Linz, Austria	Роберт Пфаллер Dr. philos., профессор, Университет искусств и дизайна Линца, Австрия

Stephen Duncombe PhD, Professor, Steinhardt School New York University, USA	Стивен Дункомб PhD, профессор, Школа Стейнхардта Нью-Йоркского университета, США
Todd A. Comer PhD, Professor, Defiance College, USA	Тодд А. Комер PhD, профессор, Колледж Дефайнс, США
Todd McGowan PhD, Associate Professor, University of Vermont, USA	Тодд МакГован PhD, профессор, Вермонтский университет, США
Theodora Dame Adjin-Tettey PhD, Lecturer, University of Professional Studies, Accra, Ghana	Теодора Даме Аджин-Тетти PhD, лектор, Профессиональный университет в Аккре, Ghana
Valeriy V. Savchuk Dr. Habilitatus, Professor, St. Petersburg State University, Russia	Валерий Владимирович Савчук д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Wasana Maithree Herath PhD, Senior Lecturer, Uva Wellassa University, Sri Lanka	Васана Мейтри Герат PhD, старший лектор Университет Ува Велласа, Шри-Ланка

CONTACTS

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address: 57, Granovskiy St. apt. 2, Astrakhan,
Russia 414 038

Editor-in-Chief

Rastyam T. Aliev

Email: admin@galacticamedia.com

CEO

Rastyam T. Aliev

Email: rastaliev@galacticamedia.com

Journal was founded in 2019

The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors

КОНТАКТЫ

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью
научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414 038, Астраханская обл., г. Астрахань,
Грановский пер., д. 57, кв. 2

Главный редактор:

Алиев Растям Туктарович

Email: admin@galacticamedia.com

Дирекция журнала

Алиев Растям Туктарович

Email: rastaliev@galacticamedia.com

Журнал основан в 2019

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

Table of Content

NEW MEDIA AND HUMAN COMMUNICATION

Denis S. Artamonov, Elena N. Medvedeva, Sophia V. Tikhonova & Marina L. Volovikova Holy Selfie as the Channel of Media Memory in the Digital World	14
Olga V. Popova Online Political Communication of Youth from Russian Megapolises	28
Maksym W. Kyrchanoff Summa Theologiae 2.0: Intellectual Mass Media in the Modern Russian Realities, or How “The Academic” became “The Mediatic”	55
Anna V. Shentyakova & Nikolai V. Grishin The Mobilization of Youth Political Protest and Russian Video Bloggers: Cognitive Mapping Results	88

MEDIA SAFETY & SECURITY

Liudmila V. Baeva The “Black Swan” of COVID-19 and the Security Issues in Digital Learning	110
--	------------

BODY ORIENTED MEDIA THEORY

Alexander S. Lenkevich “Are You in Your Body?!”. The Study of Biopolitical Interface Design	141
---	------------

MEDIA ECOLOGY

Konstantin A. Ocheretyany From Behavioral Design to Reverence for Life: Care Policies for the Digital Environment	166
--	------------

Содержание

НОВЫЕ МЕДИА И КОММУНИКАЦИИ

**Артамонов Д. С., Медведева Е. Н.,
Тихонова С. В., Воловикова М. Л.**
Holy Selfie как канал медиапамяти в цифровом мире 14

Попова О. В.
Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских
мегаполисов 28

Кирчанов М. В.
Summa Theologiae 2.0: интеллектуальные массмедиа в российских
реалиях, или как «академическое» стало «медийным» 55

Шентякова А. В., Гришин Н. В.
Мобилизация политического протеста молодежи и российские
видеоблогеры: результаты когнитивного картирования 88

МЕДИАБЕЗОПАСНОСТЬ

Баева Л. В.
«Чёрный лебедь» COVID-19 и проблемы безопасности цифрового
обучения 110

ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕОРИИ МЕДИА

Ленкевич А. С.
«Ты в своем теле?!». Исследование биополитического дизайна
интерфейсов 141

MEDIA ECOLOGY

Очеретяный К. А.
От бихевиориального дизайна к благоговению перед жизнью:
политики заботы для цифровой среды 166

HOLY SELFIE AS THE CHANNEL OF MEDIA MEMORY IN THE DIGITAL WORLD

**Denis S. Artamonov¹ (a), Elena N. Medvedeva² (b),
Sophia V. Tikhonova³ (a) & Marina L. Volovikova⁴ (c)**

(a) Saratov State University. Saratov, Russia

(b) Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. Saratov, Russia

(c) Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Selfie as a special genre of digital photography performs a variety of functions, giving users the possibility to refer themselves to places, persons and events, thus personifying one's self-presentation and expressing the author's attitude to the world and their own experiences. Selfie is actively used in the representation of religious life, first of all, documenting the connection of the authors to sacred places, objects, persons and events, preserving the memory of significant moments in the life of an individual and making it available to the public. The memorial function of photography in the holy selfie format merges with its communicative function, changing the motivation of religious practice, redirecting it from the acquisition of religious experience to its sharing, empathy and participation, i.e. socializing religious experience. By analysing likes and reposts of selfie content, one can create strategies for the union of virtual religious communities around the offline experience of their members. In this article we will try to identify the differences in the ways of organizing the semantic space of holy selfie, practiced by the followers of Catholicism and Orthodoxy. Holy selfie will be studied as a new media memory channel to which users resort in order to correlate the practices of constructing personal and group memory for the reproduction of religious context by banal religion. Our work is based on the content analysis of selfie photos posted on Instagram.

Keywords

digital religion; selfie; media memory; mediatization of religion; memory studies; commemoration; Orthodoxy; Catholicism; canon; channel

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: artamonovds@mail.ru

2 Email: fargonom@mail.ru

3 Email: segedasv@yandex.ru

4 Email: mvolovikova@yandex.ru

HOLY SELFIE КАК КАНАЛ МЕДИАПАМЯТИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Артамонов Денис Сергеевич¹ (а), Медведева Елена Николаевна² (б),
Тихонова Софья Владимировна³ (а), Воловикова Марина Леоновна⁴ (с)

(а) Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия

(б) Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского. Саратов, Россия

(с) Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Селфи как особый жанр цифровой фотографии выполняет самые разнообразные функции, позволяя пользователям документировать причастность к местам, персонам и событиям, ярче персонифицировать самопрезентацию, выражать свою отношение к окружающему и миру и собственным переживаниям. Активно применяется он в репрезентации религиозной жизни, в первую очередь, документальной фиксации причастности их авторов к сакральным местам, предметам, персонам и событиям, сохраняя память о знаковых моментах в жизни индивида и делая ее доступной для широкой общественности. Мемориальная функция фотографии в формате Holy Selfie сливается с коммуникативной функцией, меняя мотивацию религиозной практики, перенаправляя ее с обретения и переживания религиозного опыта к его разделению, сопереживанию и сопричастности, т.е. социализируя религиозный опыт. По лайкам и репостам селфи-контента можно воссоздать стратегии консолидации религиозных виртуальных сообществ вокруг офлайн-опыта их членов. В рамках данной статьи мы попытаемся выявить различия в способах организации смыслового пространства Holy Selfie, практикуемых последователями католицизма и православия, на основе контент-анализа фотографий данного типа, размещенных в социальной сети Instagram.

Ключевые слова

цифровая религия; селфи; медиапамять; медиатизация религии; исследования памяти; коммеморация; православие; католицизм; канон; канал

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: artamonovds@mail.ru

2 Email: fargonom@mail.ru

3 Email: segedasyandex.ru

4 Email: mvolovikova@yandex.ru

INTRODUCTION

The study of the social visual representation of religious experience in the digital environment is complicated by the fact that it is a relatively new socio-cultural phenomenon. On the one hand, the technologies that gave rise to it have appeared quite recently. On the other hand, the endogenous logic of the functioning of religious institutions plays the role of an inertial, restraining force in relation to the implementation of new media technologies in religious practices, as well as to the long-term controversy over the ethical aspects of their use and the search for compromise solutions. Nevertheless, the rootedness of the media in daily life is inevitably reflected in religious life. Media act as a tool for the users to build their own identity, including it in ideological, religious and retrospective components. Most religious organizations fit their institutionalization into the national context, while states, building their confessional policy, take into account the contribution of specific confessions to state-building. The formation of religious identity involves complex problems of self-determination in the relations between the individual and the state, the individual and the denomination, and the denomination and the state. They are also influenced by the patterns of family, confession and state history. These complex processes are taking on a digital form in the modern world, adapting to the formats and genres of social media, memes, blogs, posts, user photos, becoming a manifestation of religious experience and commemoration at the same time.

THE RESEARCH PROBLEM

Within the framework of this study, selfies will be considered as a special channel of media memory, the use of which gives users the opportunity to design their own identity in the religious sphere, embedding their content in multi-level memory practices.

METHODOLOGY

The theoretical basis of the study is the concept of memory studies, the theory of mediation and mediatization of religion. The authors used communication approach, network approach and a media version of content analysis adapted to explore the visual content of social networks.

MEDIA, RELIGION AND EXPLANATORY THEORIES

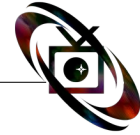
The complexity of the relationship between religion and media is a serious methodological challenge for researchers of religion. In recent years, the efforts of researchers have been concentrated around the theories of

mediatization and mediation, which serve as the development and, at the same time, criticism of the concept of secularization (Berger, 2019). The disenchantment of the world has had a negative impact on the classical institutional forms of religion, but it cannot neutralize its ontological existential essence. The theories of mediatization reveal, basically, the adaptation of religious institutions to new social reality, demonstrating the stability and viability of religion under any social conditions. Organized religion, indeed, is causing less interest nowadays, but this does not mean a decrease in individualized forms of religious belief, which form the basis of the media presence of religion in the digital environment. In this article, we will adhere to the definition of religion as “a set of symbolic forms that relate a person to the final conditions of his existence” (Bellah, 1972) understanding all its vulnerable aspects and leaving opportunities for their analysis in other works. For the purpose of media analysis, a clear definition of the phenomenon of religion and religiosity is secondary to the very act of manifestation and declaration of religious experience, since the vagueness of meaning when correctly marked within the cultural code does not prevent the transmission of a religious message through the media channel. However, the general logic of communication systems is sensitive to institutional norms, and in this regard, the theory of mediatization, integrating social constructivist and institutional traditions, shows the transformation of institutional religious norms under the influence of background everyday knowledge about religion, transmitted by specific media channels (Hepp, 2013).

The importance of the concept of mediatization for our work is connected with the fact that it is designed to bridge the epistemological gap between the two institutional worlds, the world of religion and the world of media. Stuart Hoover tries to reject the opposition of religion and the media as two coherent, transistor, and unchanging forms that exist autonomously and act potentially independently of each other, in favor of the understanding their kinship, similarity and unity in the realization of their own goals and functions in modern societies, their ability to act as resources for the narrative construction of active social actors (Hoover, 2006).

The concept of mediatization was formed as an attempt to describe the growth of media influence in politics or in late modern society as a whole, and as such it goes back to the theorists of postmodernism, first of all, to the concept of simulacra by J. Baudrillard and the society of the spectacle by G. Deborah, describing the media symbolic mediation of all structures of the social order. As applied to religion, it means the symbolic representation of religious practices in the media sphere. Stig Hjarvard postulates that mediatization presupposes the decline of institutionalized religious power in the process of establishing media dominance with the constant presence, trans-

formation and significance of religious fantasies in secular societies (Hjarvard, 2012). He defines mediatization itself as a new social and cultural condition in which the media cease to serve other social institutions (religion, science, cultural institutions, political parties and movements) and begin to play a different role in culture and society, providing public representation (Hjarvard, 2012). In this sense, the media are autonomous in relation to other institutions, which does not prevent them from being included in institutional contexts, mediating inter-institutional interactions and functioning as channels, languages and environments.

Mediatization is described by S. Hjarvard on the basis of the central provisions of Lynch's structural analysis: media are secular or have weak confessional orientation; religious organisations are institutionalized; the population has little contact with religious institutions, becoming involved in religious issues via media narratives; society, organizations and personality are secular to a high degree (Lynch, 2011). This structural arrangement leads to the fact that religious organizations are poorly able to control their public representation, the religious media created by them serve the internal processes of self-identity formation, and the media replicate mainly “banal religion” – culturally recognizable religious content without propaganda, used for entertaining intertextual trans-genre semiotic games (reality shows, TV sermons, personal stories, etc.), fueling the interest of the audience.

The idea of mediatization as a structural condition of religious practice is expanded by Andreas Hepp, who tries to combine social-cognitive and institutional aspects of transmediality in the analysis of modern religious life (Hepp, 2013). He connects the transmedial approach to mediatization with the identification of communicative patterns on which individuals build their mediatized worlds. Mediatization for him is a concept used to critically analyze the (long-term) relationship between changing media and communication, on the one hand, and changing culture and society, on the other; the changes themselves can be considered both qualitatively and quantitatively. Using the concept of mediatized worlds (small life or social worlds, articulated by media) that exist as an extraterritorial network, he opens religious communication for empirical analysis as a specific communicative pattern in which communicative actions which differently articulated by different media are intertwined.

Mia Lövheim interprets mediatization as the process of spreading a weak banal religion through the media and uses this concept to show not the damage caused by secularization to institutional religion, but to discover new forms of religious existence associated with both personal significance and the public presence of religion under modern media conditions (Lövheim, 2011). Here, in our opinion, exist broad prospects for identifying the forms of

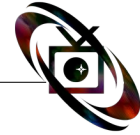
integration of new digital technologies and religious traditions. In this regard, we consider the following idea of Levheim extremely important: the use of the media by religious persons and institutions to mediate the transcendent and organize social relations in such a way that they meet the conditions of life in modern society is not equivalent to the loss of core values by religion. The use of media is a holistic, continuous way of expressing and professing religion.

RELIGIOUS EXPERIENCE, MEMORY OF THE PAST AND MEDIA MEMORY

The religious experience of the individual is directly related to their individual memory of the past. Religion forms ideas about the past on a par with such agents of socialization as the family, the school, and the state, since the memory of the religious past of communities is an integral part of everyday religious practice. The history of religion presented in texts, architectural buildings or significant places of remembrance attracts pilgrims seeking to experience the same religious state that others have experienced before them. The institutionalization of religious places of memory takes place by giving them the status of being significant for the history of religion and the formation of the identity of the religious community. These places are associated with legends and stories, transmitted not only in the form of storytelling, but also having a canonical character.

In traditional society ancestral memory served as the instrument of personal identification. It also incorporated social norms of behavior regulation: family traditions, religion, rituals, etiquette, and folklore. They formed the basis of the group memory transmitted via the culture of a community. Thus, group cultural memory formed the basis of a person's intellectual experience and constituted their individual memory. The transition from the traditional society to the industrial one, and then to the post-industrial and information society was marked by the rupture of ancestral ties, and, therefore, the loss of ancestral memory, which marked the emergence of historical memory, storing knowledge not only about the past of individuals and their families, but about the past of peoples, states and religious communities.

At the same time, the need for personal identification and bond with a particular community have remained the most important factors in the existence of the individual, forcing them to turn to the group cultural memory for images of the past, which could replace the lost ancestral memory. The history of religion as an element of group memory thus becomes part of the structure of individual historical memory, supported by the direct religious experience of a person, accompanied by becoming familiar with material confessional values, via holy self among other things.

The mediatization of society has led to the new way of the storage, transformation and transmission of information, which has changed the nature of historical memory and the practice of oblivion. The media and social media are becoming no less important factors in creating a new view of the past than professional academic historians. Historical memory does not simply use media channels to transmit the image of the past, it makes them an integral part of the system of representation of history, so the theory of mediatization needs a digital “turn”, allowing new media to give a new impetus to religious life.

The above said suggests the emergence of media memory, which can be understood as a digital system of storage, transformation, production and dissemination of information about the past, forming the historical memory of individuals and communities. Media memory can be considered as a virtual social mechanism of remembering and forgetting, it provides different forms of representation of history in the space of everyday life, expands the practice of presenting the past and commemoration, as well as increases the number of people creating and consuming memorial content.

Media memory subjects historical knowledge to a certain selection, including relevant information about the past in the agenda, and obviating things that have no public need. Historical knowledge becomes segmented between different elements of the media sphere, which can be seen in the variety of historical Internet resources aimed at different target audiences.

Media memory is characterised by the dominance of personal and family memory, with representations of the past based on personal emotional experiences taken for granted. Biographical testimonies and memoirs arouse the greatest interest of modern people, who have the opportunity to tell their stories on social media. For a religious person, the stories that reflect his or her religious affiliation are significant.

Media memory is democratic. It is created on the basis of free expression of thoughts and feelings of people by available language means. User photographs and documentary evidence play an equally important role in shaping perceptions of the past, along with subjective perceptions of reality and evaluative statements. Historical information produced and distributed by individuals serves their ideological and personal needs, on the basis of which a person forms their own identity and worldview. Media memory acts as the historical dimension of post-truth, when personal history and personal experience of reality replace objective data. Holy selfies act as a tool to confirm the historical objectivity of the religious experience of community and to manifest relation to religious places of memory.

HOLY SELFIE AS THE CHANNEL OF RELIGIOUS MEDIA MEMORY

Technologically, a selfie can be described as a sociocultural practice of creating images of oneself using digital technology, filtering these images and posting them on social media. This technological basis forms the social and communicative innovativeness of selfies, which involves the living dynamic environment and the flow of group consciousness in real time (Tifentale, 2015).

The technological and social-communicative peculiarities of the selfie determine its visual canon. Firstly, it includes the way to make an image: a selfie is always a photo, it can't be a drawing, animation or video. Secondly, the canon involves a set of pictorial conventions by which a photo is identified as a selfie regardless of whether it is accompanied by a hashtag. Such conventions include the bodies of people and their gestures. The photographing subject is always in the frame:

“group selfies are particularly striking examples of this transformation, where the photographer is usually at the forefront of the group of faces and bodies, visibly participating in the process of composing the picture as it is received” (Frosh, 2015).

Since the selfie is taken at arm's length of the subject, at least one hand must be present in the frame.

However, the outstretched hand (or a selfie stick) does not just mark the photographer, it invites the viewer with a phatic gesture of inclusive participation, co-existence and sharing the moment. Therefore, P. Frosh characterizes the selfie pose as a deictic movement of the body, which draws attention to the context of viewing the image and to the activity of the viewer, provoking reciprocal gestures (Frosh, 2015). Reciprocal gestures can be selfie-replicas, likes and reposts. Most often, a selfie includes the photographer's face, but it can also focus on other parts of the body, such as legs, #footfie (Eckel et al., 2018). Besides the photographer, selfies can include other people (#relife and #groufie) and pets (#felfie). Typical selfie situations have led to subgenres (#liftlook, #duckface, #fitnessselfie, #bathselfie, #buttsselfie, #bifie, #WakeUpSelfie, #UgliesSelfie, # AfterSexSelfie, #extremeselfie, etc.).

THE CASES OF SELFIE EVALUATION BY RELIGIOUS INSTITUTIONS

An important aspect of the popularity of selfies among believers is the attitude of priests to the phenomenon of selfie. For the Roman Catholic Church, the issue of selfies has been relevant for a long time. The

phenomenon of #Papselfie demonstrates positive attitude of both the Pontiff and the Catholic clergy to selfies with the head of the Church. This practice is an important way of shaping modern image of the Catholic Church in the media space, as well as a tool for its missionary and catechetical activities on the Internet. The first public selfie with Pope Francis was taken by Italian teenagers in 2013.

In comparison, the first selfie with Patriarch Kirill, posted on his official page on VK, was made only two years later in 2015. It is also worth noting that the selfie of the head of the Church was not available on the network. The Patriarch and the winners of the competition "Orthodox initiative" organised by the Simbirsk metropolis were photographed in the process of taking a selfie. Russian Instagram at the time of the study has more than 11,5 thousand photos with #patriarchkirill, among which there are no selfies taken directly with or against the background of the primate of the Russian Orthodox Church.

Mass media contain the statements of priests about the attitude of the church to selfies. In 2018, at a meeting with the priests and lay leaders of the Diocese of Rome in the United States, Pope Francis noted that he had realized the negative social implications of technology a few days earlier when he was greeting teens participating in a program of the international network of "Scholas Occurrentes."

"They were all there waiting for me," he said. "When I arrived, they made noise, as young people do. I went to greet them and only a few gave their hand. The majority were with their cellphones (saying), 'photo, photo, photo. Selfie!'"

"I saw that this is their reality, that is the real world, not human contact. And this is serious. They are 'virtualized' youths," the Pope said.

"The world of virtual communication is a good thing, but when it becomes alienating, it makes you forget to shake hands." (Esteves, 2018).

The official position of the Russian Orthodox Church regarding selfies of laity taken during service in churches has been repeatedly expressed in the media by priests. In 2017, RIA-Novosti published the opinion of the priests and Professor of the Moscow Theological Academy and Seminary Archpriest Maxim Kozlov, who noted that "during the service it is necessary to turn off mobile phones. If someone uses them to take a selfie during worship, then it is, of course, wrong. It is desirable to refrain from this naive, though understandable, vanity" (the ROC called on parishioners..., 2017). In the same 2017 Archpriest and Associate Professor of the Moscow Theological Academy Pavel Velikanov urged women not to take selfies during baptismal bathing:

"I would like to urge any users of social networks to remember that if we take responsibility for any idle word, then even more so we will take responsibility for the wrong, embarrassing and tempting images that we publish on social networks" (the ROC called on women..., 2017) .

It should be noted that the Patriarch did not speak directly about the attitude to the culture of selfies among Orthodox users of social networks.

At the same time, priests use social media to promote the teachings of the Church and to attract parishioners. This is the case of the missionary work of David Peters from the USA, Texas, and hieromonk Alexander Mitrofanov from Novosibirsk, who use the application "TikTok" to attract young people to the Church. Selfies for these missionaries are not just a tool to communicate with young people in a familiar language, but also a way to present their religious experience associated with certain places of memory.

VISUAL ANALYSIS OF HOLY SELFIE

The analysis of selfie images during the study was carried out according to the following parameters: composition, including the foreground and background of the photograph, the number of photographs and their gender, as well as the volume that the photographer's face occupies in the photograph; facial expressions / faces in the photograph, postures, gestures; places where selfies were taken; filters, templates, decor used by users when processing photos.

It should be noted that both Catholic and Orthodox Instagram users, despite the negative opinions of the clergy regarding selfie culture, consider selfie practice to be quite acceptable, and in some cases a necessary aspect of their spiritual life. The selfies of Catholic users are characterized by a free composition, showing different angles and shooting points. Often in selfies of Catholic users, you can note the filling of the frame with the subject of the shooting, that is, the face or faces of the photographs. This is usually due to the user's desire to focus on the person with whom the selfie is being taken (Pope or priest) or is due to purely technical features of creating a selfie (the inability to shoot from a long distance). Posts tagged with #holyselfie are more likely to be from Catholic men, although statistically women are more likely to post selfies. The volume of a face or faces in most cases occupies more than 2/3 of the photo, which indicates the importance for Catholic users of their own person and the emphasis on their own religious experiences, and not on the situation or place in which they are.

For Orthodox users, a more ascetic compositional structure of a selfie is characteristic. In photographs, there is a tendency to maintain a linear perspective. Shooting is carried out from the front, there is no variety in terms

of shooting angles. Users try to focus on the background, thereby demonstrating the topos of creating a selfie. The poses in photos are static, and the selfie itself always has a story center. The image in most cases is laconic and minimalist, there is no attention to detail, which indicates the desire of users to concentrate on the environment, to demonstrate the importance of the sacred space in which they are or the status of the clergyman with which they are photographed, i.e. to show their involvement in something something significant. The volume of faces in the photo takes no more than 1/3 of the selfie.

Catholic selfies are characterized by a variety of religious themes used in photography. They can be divided into several types: photographs with priests and against the background of Catholic churches prevail among them. For Orthodox users, selfies taken in places of pilgrimage trips, as well as visits to temples, are more significant. Catholic selfies are distinguished by a variety of facial expressions captured on them (smiles, for example), while Orthodox selfies are serious. Basically, the number of people in Orthodox selfies is no more than 2 people, and the man is often in the foreground. Catholics upload both collective and individual selfies to the network, and the number of people in the frame significantly exceeds 2. Orthodox users are much less likely than Catholics to use filters or templates, as well as special programs for processing photographs.

CONCLUSIONS

Media memory channels are fast and user-friendly, they easily adapt to any specific social context. The holy selfie case demonstrates the expansion of contemporary practices of individual commemoration, focused on linking personal experiences and places of memory, into Orthodox social contexts. The cautious and even hostile attitude of religious institutions to new digital technologies is explained not so much by the confrontation between the world of religion and the world of technology and science, as by the confrontation between the world of religion and consumer society, with its culture of using digital gadgets. The spread of digital forms of religious media memory is initiated by religiously oriented users, it has the direction of upward flows coming from the "earth". Official positions of confessions soften as new technologies take root in everyday life, but the speed of this change depends largely on the confessional social doctrine, flexibility of missionary policy and willingness to open up to the world. Throughout the second half of the twentieth century the Vatican improved the ways of communication with the world, while the Russian Orthodox Church received a privileged position in the post-Soviet period, which weakened its willingness to compete in the struggle for minds. Therefore, Orthodoxy demonstrates a more modest

pace of legitimization of digital media memory, giving in to Catholicism. In general, religious people, regardless of religious affiliation, are incorporated into the mass digital culture, one of the elements of which is the selfie. Holy religious-themed selfies connect individual spiritual experience with the material objects of religion, making it part of digital collective memory formed by media. Thus, a holy selfie is the most important channel of media memory, forming ideas about the past, along with digital archives and digital content on historical topics.

AUTHORS' CONTRIBUTIONS

Denis S. Artamonov – author of the theory of media memory and the related section of the article; Sofia V. Tikhonova – author of the idea of the article, developed the research program, wrote the description of the theory of selfies; Elena N. Medvedeva – conducted the study, described its results; Marina L. Volovikova – participated in research and wrote both theoretical and practical parts of the article, translated it into English.

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches, the project «The social construction of historical memory in the digital world» (№ 19-011-00 265).

References

- Bellah, R. N. (1964). Religious Evolution. *American Sociological Review*, 29, 358–374.
- Berger, P. (1967). *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New-York: Doubleday & Company, Inc.
- Bianca, M. L. (2015). The Epistemological structure of ordinary knowledge. In M. L. Bianca & P. Piccari (Eds.), *Epistemology of ordinary knowledge* (pp. 3–38). Cambridge Scholars Publishing.
- Eckel, J., Ruchatz, J., & Wirth, S. (2018). The Selfie as Image (and) Practice: Approaching Digital Self-Photography. In J. Eckel, J. Ruchatz, & S. Wirth (Eds.), *Exploring the Selfie: Historical, Theoretical and Analytical Approaches to Digital Self-Photography* (pp. 1–24). Marburg: Palgrave Mcmillan.
- Esteves, J. A. (2018). 'Selfie' Culture Leads to Alienation, Says Pope Francis. Retrieved from America. The Jesuit review website: <https://www.americamagazine.org/faith/2018/05/15/selfie-culture-leads-alienation-says-pope-francis>
- Frosh, P. (2015). Gestural Image: The Selfie, Photography Theory, and Kinesthetic Sociability. *International Journal of Communication*, 9, 1607–1628.

- Hepp, A. (2013). The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the 'Mediation of Everything'. *European Journal of Communication*, 28(6), 615–629. doi: 10.1177/0267323113501148
- Hjarvard, S. (2012). Three Forms of Mediatized Religion. In S. Hjarvard & M. Lövheim (Eds.), *Mediatization and Religion: Nordic Perspectives* (pp. 21–44). Göteborg: Nordicom.
- Hoover, S. (2006). *Religion in the Media Age*. London; New-York: Routledge.
- Lövheim, M. (2011). Mediatisation of Religion: A Critical Appraisal. *Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal*, 12(2), 153–166. doi: 10.1080/14755610.2011.579738
- Lynch, G. (2011). What Can We Learn from the Mediatization of Religion Debate? *Culture and Religion*, 12(2), 203–210. doi: 10.1080/14755610.2011.579714
- Stenmark, M., Fuller, S., & Zackariasson, U. (2018). *Relativism and Post-Truth in Contemporary Society. Possibilities and Challenges*. Marburg: Palgrave Mcmillan.
- Tifentale, A. (2015). Making Sense of the Selfie: Digital Image-Making and Image-Sharing in Social Media. *Scriptus Manet*, 1, 47–59.
- The Russian Orthodox Church called on parishioners to pray, and not to take a selfie during the service. (2017, April 17). Retrieved from RIA Novosti. website: <https://ria.ru/20170417/1492434492.html> (In Russian).
- The Russian Orthodox Church called on women not to tempt men with selfie from Epiphany bathing (2017, January 18). Retrieved from Gazeta.ru. website: https://www.gazeta.ru/tech/news/2017/01/18/n_9578027.shtml (In Russian).

Список литературы

- Bellah, R. N. (1964). Religious Evolution. *American Sociological Review*, 29, 358–374.
- Berger, P. (1967). *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New-York: Doubleday & Company, Inc.
- Bianca, M. L. (2015). The Epistemological structure of ordinary knowledge. In M. L. Bianca & P. Piccari (Eds.), *Epistemology of ordinary knowledge* (pp. 3–38). Cambridge Scholars Publishing.
- Eckel, J., Ruchatz, J., & Wirth, S. (2018). The Selfie as Image (and) Practice: Approaching Digital Self-Photography. In J. Eckel, J. Ruchatz, & S. Wirth (Eds.), *Exploring the Selfie: Historical, Theoretical and Analytical Approaches to Digital Self-Photography* (pp. 1–24). Marburg: Palgrave Mcmillan.
- Esteves, J. A. (2018). 'Selfie' Culture Leads to Alienation, Says Pope Francis. Retrieved from America. The Jesuit review website: <https://www.americamagazine.org/faith/2018/05/15/selfie-culture-leads-alienation-says-pope-francis>
- Frosh, P. (2015). Gestural Image: The Selfie, Photography Theory, and Kinesthetic Sociability. *International Journal of Communication*, 9, 1607–1628.
- Hepp, A. (2013). The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the 'Mediation of Everything'. *European Journal of Communication*, 28(6), 615–629. doi: 10.1177/0267323113501148

- Hjarvard, S. (2012). Three Forms of Mediatized Religion. In S. Hjarvard & M. Lövheim (Eds.), *Mediatization and Religion: Nordic Perspectives* (pp. 21–44). Göteborg: Nordicom.
- Hoover, S. (2006). *Religion in the Media Age*. London; New-York: Routledge.
- Lövheim, M. (2011). Mediatisation of Religion: A Critical Appraisal. *Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal*, 12(2), 153–166. doi: 10.1080/14755610.2011.579738
- Lynch, G. (2011). What Can We Learn from the Mediatization of Religion Debate? *Culture and Religion*, 12(2), 203–210. doi: 10.1080/14755610.2011.579714
- Stenmark, M., Fuller, S., & Zackariasson, U. (2018). *Relativism and Post-Truth in Contemporary Society. Possibilities and Challenges*. Marburg: Palgrave Mcmillan.
- Tifentale, A. (2015). Making Sense of the Selfie: Digital Image-Making and Image-Sharing in Social Media. *Scriptus Manet*, 1, 47–59.
- В РПЦ призвали женщин не искушать мужчин селфи с крещенских купаний. (2017, январь 18). Извлечено 30 май 2021 г., от Газета.Ru website: https://www.gazeta.ru/tech/news/2017/01/18/n_9578027.shtml
- В РПЦ призвали прихожан молиться, а не делать селфи во время службы. (2017, апрель 17). Извлечено от РИА Новости website: <https://ria.ru/20170417/1492434492.html>

ONLINE POLITICAL COMMUNICATION OF YOUTH FROM RUSSIAN MEGAPOLISES

Olga V. Popova

St. Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: [o.popova\[at\]spbu.ru](mailto:o.popova[at]spbu.ru)

Abstract

Youth remains one of the most active groups of Internet users. The purpose of the study is to identify the features of the use of various social networks, Internet channels and messengers in online political communication of young people from Russian megacities. The research paper presents the results of an online survey of this socio-demographic group conducted in January 2021 among roughly 1700 respondents from 17 Russian megacities as well as the results of an expert survey dated January 2021, namely, non-standardized expert interviews with 21 experts, including scholars, political technologists, government officials, members of political organizations and civil activists. Every fourth young respondent spends over 8 hours in the Internet space daily with about 43% of all young people spending from 4 to 8 hours. Social networks such as VKontakte (91.4%), Instagram (70.6%), YouTube Internet channel (74.9%), WhatsApp (66.4%) and Telegram (59.2%) are most in demand. The interest in Tik Tok is gradually growing (38.8%). Experts believe that the promising channel of online political communication with the aim of online political mobilization is the social network Clubhouse, which allows group voice chats and a strict selection of group members, but does not allow direct recording. Only every fourth representative of young people shows a high interest in the political situation. About 45% use Emoji to assess posts on a political topic, but only every fourth respondent gives comments and discusses political problems. Every fourth representative of young people does not take any political actions in the online space.

Keywords

Russian youth; megapolis; interest in politics; political communications; online communication; internet channels; messengers; social networks; political action on the Internet; Internet activism; online political participation

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Попова Ольга Валентиновна

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Email: o.porova[at]spbu.ru

Аннотация

Молодежь остается одной из наиболее активных групп пользователей контента интернет-пространства. Цель исследования — выявить особенности использования в политической онлайн-коммуникации различных социальных сетей, интернет-каналов и мессенджеров молодежью из российских мегаполисов. В статье приведены данные онлайн-опроса этой социально-демографической группы (анкетирование, январь 2021 г.). Выборка составила 1700 респондентов из 17 российских мегаполисов. В статье нашли частичное отражение результаты экспертного опроса (нестандартизованное экспертное интервью, 21 эксперт из числа ученых, политтехнологов, представителей властных структур и политических организаций, гражданских активистов; январь 2021 г.). Каждый четвертый молодой респондент проводит в интернет-пространстве свыше 8 часов ежедневно, около 43% молодежи — от 4 до 8 часов. Наиболее востребованы у молодежи социальные сети ВКонтакте (91,4%), Instagram (70,6%), интернет-канал YouTube (74,9%), мессенджеры WhatsApp (66,4%) и Telegram (59,2%). Постепенно растет интерес к Tik Tok (38,8%). Уровень доверия к используемым онлайн-источникам информации высокий. Эксперты называют в качестве перспективного канала политической онлайн-коммуникации с целью политической онлайн-мобилизации социальную сеть Clubhouse, которая допускает групповые голосовые обсуждения, обеспечивает жесткую селекцию участников группы, но не позволяет напрямую осуществлять запись, что наиболее удобно представителям несистемной оппозиции. Две трети молодежи интересуются онлайн-материалами о досуге и хобби, новостями города, региона, страны, информацией профессионального и учебного характера. Для каждого пятого респондента важны проблемы экологии, возможности поддержки политических организаций и их лидеров, сведения об участии в политических, в том числе протестных, мероприятиях. Лишь каждый четвертый представитель молодежи проявляет высокий интерес к политической ситуации. Около 45% используют эмодзи для оценки постов на политическую тему, но лишь каждый четвертый респондент дает комментарии и обсуждает политические проблемы. Каждый четвертый представитель молодежи не предпринимает никаких политических действий в онлайн-пространстве.

Ключевые слова

российская молодежь; мегаполис; интерес к политике; политическая коммуникация; онлайн-коммуникация; интернет-каналы; мессенджеры; социальные сети; политические онлайн-действия; уровень политической интернет-активности

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Ставший рутинной частью повседневной жизни миллионов людей интернет прочно вошел в перечень наиболее актуальных объектов исследования целого ряда общественных наук. Широта тем этих научных проектов исключительно вариативна: они охватывают проблемы становления новых цифровых форм демократии (Contucci, Omicini, Pianini, & Sîrbu, 2019), расширения зоны реальной политики в интернет-пространстве (Добринская, 2018, сс. 52–70), позиционирования в онлайн-пространстве институтов власти, политических организаций и социальных движений (Рябченко, Катермина, Гнедаш, & Малышева, 2018, сс. 139–162), оценки современных форм политического онлайн-участия (Deth, 2014) и их возможных последствий (Исакова, & Коротышев, 2018, сс. 41–55; Михайленок, 2019, сс. 12–21). Ряд ученых сосредоточен на изучении роли социальных сетей в политической коммуникации (Юй, 2021, сс. 149–158), практик политической онлайн-коммуникации и выявлении наиболее эффективных технологических приемов воздействия на массовое сознание пользователей интернет-каналов, мессенджеров и социальных сетей (Ачкасова, & Мельник, 2016; Быков, 2013; Дзялошинский, 2012).

Исследования механизмов формирования общественного мнения в массмедиа (Dijk, 2013) и выявления лидеров политического влияния в онлайн-пространстве (Barbera, Casas, & Nagler, 2019, pp. 883–901; Davis, 2009) прочно завоевывают исследовательское поле в современных научных проектах. Одним из актуальнейших направлений исследований выступают механизмы распространения информации о протестных социальных движениях (Klandermans, 2014, pp. 1–22) в различного рода мессенджерах, позволяющих координировать действия их участников, привлекать новых сторонников (Gleason, 2013, pp. 966–982), эффективно выполнять задачи онлайн-мобилизации (Авзалова, 2020, сс. 2866–2871). Решение конкретных, подчас достаточно «узких» исследовательских вопросов, связанных с микроуровнем изучения политической онлайн-коммуникации (Evans, 2017; Володенков, Артамонова, 2020, сс. 188–196), имеют высокую научную ценность, поскольку позволяют уловить только намечающееся изменение практик реагирования аудитории на информацию в сетевом пространстве.

Пандемия COVID-19 оказала серьезнейшее влияние на социальные и политические процессы в современном мире. Ситуация локдауна привела в том числе и к временному «политическому затишью» — снижению публичной протестной активности (Безрукова,

2020, сс. 58-62), которая может проявить себя с неожиданной силой в достаточно непредвиденные моменты. Роль социальных сетей в протестном политическом движении в современных условиях высока (Малькевич, 2020, сс. 35–42), а потому наряду с анализом политических действий представителей различных интернет-сообществ (Theocharis, 2015, pp. 1–14; Бродовская, Домбровская, & Синяков, 2015, сс. 80–87) ученые обращают все более пристальное внимание на протестный потенциал публичного поведения различных групп и сообществ, в том числе и молодежи (Истягина-Елисеева, Бариеникова, & Болдырева, 2020, сс. 12–20; Палагичева, 2019, сс. 218–231; Соколов, & Палагичева, 2020, сс. 266–297; Шаповалова, 2015, сс. 148–151; Хвыля-Олинтер, 2016, сс. 104-109), поскольку он может проявиться не только в формальных видах интернет-активизма, но и трансформироваться в варианты гражданского политического активизма офлайн. На наш взгляд, показатели вариативности процессов, связанных с политическими офлайн- и онлайн-коммуникациями и поведением молодежи из мегаполисов, настолько высоки в настоящее время, что они заслуживают дополнительного эмпирического анализа.

Объектом изучения в данной статье выступает молодежь российских мегаполисов, а предметом — практики политической онлайн-коммуникации этой социально-демографической группы. Молодежь — социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет — представляет для политологов и политических социологов исключительно важный объект для анализа, поскольку позволяет не только выявить систему ценностей, политических предпочтений, моделей политического поведения, особенностей вторичной политической социализации и ресоциализации новых поколений, но и сделать прогнозы относительно изменения характера публичных политических процессов в краткосрочной и среднесрочной перспективах. Выбор данного объекта предопределен как высокими показателями включенности молодежи в коммуникацию в интернет-пространстве, так и достаточно высоким потенциалом ее гражданского и протестного политического активизма.

Цель исследования — выявление актуального состояния использования молодежью различных интернет-порталов, социальных сетей и мессенджеров с точки зрения их использования политическими акторами для распространения определенной политической информации, формирования массовых политических взглядов и определенных политических действий в интернет-пространстве.

МЕТОДЫ

В последние годы отечественные политологи все более активно включают в свой арсенал исследовательских средств такой инструмент, как онлайн-опросы. Преимущества современных онлайн-исследований, особенно в условиях пандемии, очевидны. Они позволяют получить доступ к труднодоступным респондентам, значительно повышают технологичность процедуры сбора информации, включая пространственный охват объектов анализа, возможность оперативного сбора информации, максимально приближенного к оказываемому влиянию на массовое сознание событию, что может быть зафиксировано только в предельно короткий срок. Технологические преимущества онлайн-анкетирования также не вызывают сомнений: полностью снят эффект влияния анкетера на респондента, минимизированы риски ошибок ввода данных, предельно легко осуществляется контроль над выборкой. Также достаточно высокой оказывается внутренняя «конструктивная» валидность онлайн-анкеты.

Раньше исследователи писали о предельном объеме онлайн-анкеты в 7-12 вопросов, однако на сегодняшний день опросник в 25-30 вопросов оказывается вполне приемлемым, а количество не заполненных до конца в ходе опросов онлайн-анкет лишь незначительно превышает количество прерываемых уличных интервью. Риски нарушения требования внешней валидности выводов при проведении онлайн-опроса молодежи снимаются за счет особенностей стиля жизни и объема проводимого этой когортой в интернет-пространстве времени. В отношении молодежи почти не проявляются методические проблемы, снижающие активность заполнения респондентами онлайн-анкет. Алгоритм построения онлайн-анкеты в принципе аналогичен «бумажной» анкете; сложности могут создавать, скорее, попытки обеспечения репрезентативности в исследовании различных возрастных групп, однако в конкретном исследовании подобной проблемы не возникло. Осуществлялся жесткий контроль за квотами.

Эмпирическое исследование жителей российских мегаполисов в возрасте 14–30 лет было проведено методом онлайн-анкетирования в январе–начале февраля 2021 г. В выборку были включены следующие российские мегаполисы (15 официальных и два фактических): Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград, Краснодар и Саратов. Объем выборки — 1700 респондентов; выборка квотная, несвязанная с контролем по признакам пола (юноши — 52,3%, девушки — 47,7%), возраста (квотировались 3 возрастные подгруппы: 14-17 лет, 18-24 года, 25-30 лет;

эти группы составили соответственно 30%, 40% и 30%), уровня образования (обладатели начального, неполного среднего, полного среднего и средне-специального образования составили 58,8%, незаконченного высшего и высшего — 41,2%) и мегаполиса проживания (по 100 респондентов от каждого из 17 российских мегаполисов). Онлайн-анкета создана с помощью сервиса <https://anketolog.ru>, обработка данных осуществлялась в статистическом пакете SPSS Statistics 24.0.

В ходе исследования были получены данные о продолжительности нахождения молодежи в интернет-пространстве, предпочтительные для этой когорты мессенджеры, социальные сети и сервисы, а также уровень доверия к ним, приоритетные темы интереса, предпочтительный способ получения политической информации, уровень интереса к политической жизни в России. Выявлены уровень интереса в онлайн-пространстве к различным темам-мотиваторам политического протеста, лидеры общественного мнения для молодежи в интернет-пространстве. Отдельный блок вопросов касался политического активизма в интернет-пространстве, представлений молодежи о репертуаре приемлемых и реальных политических практик онлайн и офлайн. Были выявлены факты участия в протестных политических мероприятиях за последний год, отношение как к несанкционированным акциям протеста, так и к людям, участвующим в них, а также представления о мотивации протестного политического поведения. Кроме того, был проведен анализ смысложизненных и политических ценностей молодежи мегаполисов, выявлена самооценка их политических взглядов и представлений о необходимых принципах организации жизни в государстве. В результате проведенного анализа были смоделированы варианты «потребления» молодежью политической информации, осуществления политической коммуникации и онлайн-мобилизации, дана количественная оценка этих групп. Кроме того, выявлены мегаполисы с наиболее высоким потенциалом политического протеста молодежи.

В части характеристики возможностей использования различных интернет-каналов, мессенджеров и социальных сетей для политической онлайн-мобилизации будут представлены оценки экспертов. Экспертный опрос (нестандартизованное интервью) проводился онлайн с видеозаписью в Zoom в феврале 2021 г.; все видеозаписи интервью с экспертами прошли последующую полную расшифровку и подверглись процедуре дискурс-анализа. Объем выборки — 21 эксперт (18 отечественных и 3 зарубежных, занимающихся непосредственно анализом особенностей политической онлайн-коммуникации и протестного движения в России), которые представили корпус

ученых-политологов, политтехнологов (в том числе специализирующихся на интернет-технологиях), представителей власти, политических активистов (представляют системную и несистемную оппозицию). Продолжительность интервью составляла от 1 часа до 1 часа 40 минут.

Гайд нестандартизованного интервью позволил выявить представления экспертов о социально-демографических, статусных, мотивационных, идеологических и т.д. особенностях российской молодежи из мегаполисов, интересующейся в интернете политической информацией, в частности, темой политического протеста. Интервью касалось вопросов мотивации интереса молодежи к теме протестов, способности этой социально-демографической группы увидеть объективные проблемы современной России, которые в наибольшей степени связаны с возможным проявлением политического протеста. Были выявлены организации, движения, политические лидеры и лидеры общественного мнения, которые оказывают в настоящее время наибольшее влияние на массовое сознание молодых жителей мегаполиса. Эксперты дали исключительно ценную информацию об особенностях использования различных мессенджеров, социальных сетей, каналов в интернете для формирования определенного видения молодежью политической ситуации, для агитации и мобилизации на определенные публичные действия. Кроме того, была дана характеристика особенностям политической коммуникации молодежи онлайн, используемым технологиям и приемам онлайн-мобилизации, стратегиям распространения информации и моделям координации действий протестных групп и активистов. Эксперты предложили свое видение роли властных элит в изменении интенсивности неконвенциональной активности молодежи и трендов трансформации уровня протестных настроений.

Особенности экспертных интервью и целесообразность их применения в политологических исследованиях определяется как возможностью получить высокоточную, уникальную по своей полноте (в том числе и инсайдерскую) информацию от квалифицированных специалистов в обсуждаемом вопросе или «ключевых информаторов», не только глубоко погруженных в тему обсуждения, но и способных делать прогнозы на основе своих знаний. Специфика использования экспертных интервью заключается в возможности не только проверить выявленные в ходе массовых опросов или анализа с помощью техник работы с документами закономерности, но и выяснить скрытые тенденции развития политических процессов, которые только начинают зарождаться и формироваться.

Применение нестандартизованного экспертного опроса в дополнение к массовому является хорошо известной, методически надежной процедурой сочетания качественных и количественных методов, позволяющей получить дополнительные сведения по интересующим исследователей вопросам. Если в ходе обработки данных онлайн-опроса молодежи были получены количественные параметры политической онлайн-коммуникации, то в рамках экспертного опроса были уточнены особенности предпочтений выбора конкретных инструментов политической онлайн-коммуникации (и, как следствие, политической онлайн-мобилизации этой группы).

ТЕМАТИКА И КАНАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Молодежь российских мегаполисов проводит в интернет-пространстве значительное количество времени: от 4-х до 8 часов — 42,7%, более 8 часов — 25,7%, от 2-х до 4-х часов — 24,5%. Только 5,0% молодых жителей российских мегаполисов тратят на пребывании в онлайн-пространстве менее 2-х часов ежедневно.

Безусловным лидерами с точки зрения широты охвата молодой аудитории и регулярности использования молодежью российских мегаполисов различных онлайн-площадок выступают ВКонтакте (91,4%), YouTube (74,9%), Instagram (70,6%), WhatsApp (66,4%) и Telegram (59,2%). Постепенно набирает популярность Tik Tok (38,8%) и Яндекс-Дзен (14,0%), но теряет ее у молодежи Viber (25,0%). Уровень интереса молодежи российских городов-миллионников к мессенджерам и сетям Twitter (11,7%), Facebook (10,8%), «Одноклассники» (10,1%) и Skype (8,5%) остается традиционно невысоким: только каждый девятый молодой житель российских мегаполисов использует их (Таблица 1).

Судя по полученным статистически значимым коэффициентам корреляции, характер связи между предпочитаемыми для использования каналами, сетями и мессенджерами и уровнем доверия им можно определить как функциональную зависимость: при фактическом отсутствии ограничений доступа к этим системам использование конкретного канала коммуникации порождает дополнительное доверие ему за счет эффекта привыкания (рутинности).

Канал получения информации и коммуникации	Регулярно используют	Уровень доверия					
		Доверяют абсолютно	Скорее доверяют	В чем-то доверяют, в чем-то нет	Скорее не доверяют	Не доверяют абсолютно	Загруднились ответить
1. ВКонтакте	91,4	16,6	21,0	37,0	10,9	11,5	2,9
2. Мой мир	3,5	3,6	6,4	9,8	10,3	20,5	49,4
3. Одноклассники	10,1	5,9	9,8	12,8	12,1	23,5	35,9
4. Телетайп	0,9	2,3	2,7	5,5	5,9	15,4	68,2
5. Яндекс-Дзен	14,0	5,3	13,5	19,4	10,4	14,3	37,2
6. Facebook	10,8	5,7	16,4	19,9	9,8	14,8	33,5
7. Flickr	0,5	2,1	3,1	6,2	5,6	14,1	69,0
8. Instagram	70,6	18,1	27,2	30,1	8,6	8,4	7,6
9. LinkedIn	1,4	3,1	5,1	7,2	5,7	11,8	67,1
10. Skype	8,5	10,6	22,2	19,0	7,1	9,6	31,5
11. Telegram	59,2	30,8	32,2	17,7	3,9	4,3	11,1
12. Tik Tok	38,8	15,3	14,8	18,5	8,4	16,4	26,6
13. Tumblr	1,6	3,2	4,2	7,8	6,2	13,0	65,7
14. Twitter	11,7	7,4	13,5	17,8	7,0	13,4	41,0
15. Viber	25,0	10,6	17,3	17,5	9,3	12,6	32,6
16. WhatsApp	66,4	20,2	26,3	23,6	9,9	9,6	10,4
17. YouTube	74,9	27,3	29,6	25,7	3,9	4,9	8,5

Таблица 1. Регулярное использование молодежью мегаполисов различных интернет-каналов, социальных сетей и мессенджеров и доверие им (% от числа опрошенных). Вопрос: «Какими мессенджерами, социальными сетями и сервисами Вы пользуетесь регулярно (не реже нескольких раз в неделю) в настоящее время? (Отметьте все варианты, которые относятся к Вам)»
Вопрос: «Каким мессенджером, социальным сетям и сервисам Вы доверяете, а каким не доверяете? (Пожалуйста, дайте ответ по каждой строке)»

Предпочтения способа получения молодежью новостей четко делятся практически пополам между новостными лентами (42,8%) и информационными ресурсами, на которые получатель информации подписан (37,6%) (Таблица 2). Стоит обратить внимание на то, что через авторские экспертные сайты, каналы, блоги предпочитают получать новости 15,4% городской молодежи; показатель этот важен, поскольку в два раза больше респондентов (около 33%) заявили, что для них есть исключительно авторитетные персоны среди блогеров, чье мнение в оценке социальных процессов и политических событий исключительно важно и чья точка зрения практически не подлежит сомнению. Судя по всему, авторские каналы и блоги выполняют для молодежи не только экспертную функцию, но и функцию информационного сита, актуализирующего или делающего «невидимым» определенные политические события.

В новостной ленте	42,8
Через информационные ресурсы, на которые подписаны	37,6
Через авторские экспертные сайты, каналы, блоги	15,4
Другое	1,6
Затрудняюсь ответить	2,5
Итого	100,0

Таблица 2. Предпочтительный способ получения молодежью мегаполисов новостной информации онлайн (%). Вопрос: «Какой способ получения новостной информации онлайн для Вас наиболее предпочтителен?»

От 60% до 68% молодежи целенаправленно ищут в интернете информацию о досуге и хобби, узнают о новостях государства, региона и своего города, изыскивают необходимые им сведения для решения учебных или профессиональных задач (Таблица 3). При этом только каждого третьего молодого жителя мегаполиса интересуют вопросы, связанные с социальными проблемами своих сограждан и способами их разрешения. Еще меньше (от 19,6% до 22,6%) доля тех представителей молодежи, которых волнует информация о политических мероприятиях, решении экологических проблем или поддержке политических лидеров, движений или организаций.

Информация о досуге и хобби	67,6
Новости города, региона, страны	63,5
Информация о профессиональной и учебной деятельности	59,1
Социальные проблемы граждан и способы их решения	33,8
Информация об участии в политических мероприятиях (включая акции протеста, поддержки политических проектов и т. д.)	22,6
Проблемы экологии и охраны окружающей среды	21,6
Тема поддержки политических лидеров (авторитетных политиков), политических групп, движений, партий	19,6

Таблица 3. Интересующие молодежь мегаполисов темы в интернете (%)
Вопрос: «Какими темами в социальных сетях, мессенджерах и интернет-каналах Вы интересуетесь в первую очередь? (Отметьте все варианты, которые относятся к Вам)»

Как показал опрос, политической жизнью в России очень интересуются 22,4% молодежи в городах-миллионниках, лишь в некоторой степени — 58,5% респондентов, совсем не интересуются 13,8%, затруднились ответить на этот вопрос 5,4%.

При этом полученная в ходе исследования информация о фиксации внимания достаточно большой доли молодежи на материалах, содержащих призывы к политической борьбе, показывает определенную возможность привлечения этой возрастной когорты к протестным действиям. Отметим, что совершенно нечувствительным к теме призыва к политической борьбе, к политическим протестам является каждый четвертый молодой житель мегаполиса (24,9% респондентов заявили, что они такой информации в интернете или мессенджерах не видели или не обращали на нее свое внимание), еще 4,4% затруднились ответить что-либо определенное по этому поводу.

Данные таблицы 4 показывают не степень распространенности в интернет-пространстве материалов на определенную тематику, а степень внимания к ней молодежи. Наиболее чувствительна молодежь к теме несправедливых или незаконных действий властей (42,8%); этот показатель коррелирует с выбором молодежью ценности справедливости как наиболее значимой для себя (43,8%). Чуть меньше доля респондентов (40,5%), которые чувствительны к теме борьбы с коррупцией. В пределах 28–30% молодежи обращают внимание на материалы

о нарушении социальных прав граждан и прав избирателей во время предвыборной кампании и голосования. Необходимость борьбы с цензурой в СМИ и в онлайн-пространстве осознает 18% молодежи; борьба против ущемления прав меньшинств очевидна для менее чем 9% респондентов. Последний показатель тем более примечателен, что женщины как социальная группа (не по количеству!) относятся к меньшинствам, равно как некоторые этнические общности, мигранты и сексуальные меньшинства. Судя по всему, в качестве нуждающейся в дополнительной защите группы молодежь воспринимает преимущественно последнюю из названных выше.

Обращали в Интернете внимание на призывы к борьбе против незаконных/несправедливых решений властей	42,8
Обращали в Интернете внимание на призывы к борьбе с коррупцией	40,5
Обращали в Интернете внимание на призывы к борьбе против ущемления социальных прав граждан	29,5
Обращали в Интернете внимание на призывы к борьбе против нарушений на выборах	27,8
Обращали в Интернете внимание на призывы к борьбе против цензуры в СМИ (включая Интернет)	18,0
Обращали в Интернете внимание на призывы к борьбе против ущемления прав меньшинств	8,6

Таблица 4. Внимание молодых жителей мегаполиса к протестной тематике в Интернете (%). Вопрос: «Если Вы сталкиваетесь в социальных сетях или интернете в целом с сообщениями, призывающими к участию в протестных акциях политического характера, какой тематике они обычно посвящены? (можно выбрать не более 3 вариантов ответа)»

«Общим местом» в рассуждениях как представителей научного сообщества, так и политиков и активных представителей гражданского общества о молодежи стали представления о ее высокой политической онлайн-активности, особенно о людях, проживающих в мегаполисах. Однако, как показал опрос, этот показатель нельзя признать высоким.

Каждый третий представитель молодежи из городов-миллионников (35,6%) не предпринимает вообще никаких действий в интернет-пространстве, которые могут быть оценены как политические (Таблица 5). За прошедший год около 45% представителей этой возрастной группы ставили лайки понравившимся материалам о политических

событиях, каждый четвертый обсуждал политические события и проблемы, давал им комментарии и оценки. От 14% до 16% представителей молодежи участвовали в электронных голосованиях и делали репосты наиболее интересных политических материалов. 12,2% респондентов собирали подписи в поддержку каких-либо акций, включая протестные; около 6% оказывали материальную поддержку политикам и их проектам. Доля молодежи, которая ведет блоги на политические темы, организывает волонтеров для участия в политических акциях или сбора средств в политических целях, не превышает 3%.

Ставили лайки понравившимся материалам о политических событиях	44,6
Обсуждали, давали комментарии и оценки различным политическим событиям и проблемам	23,5
Участвовали в голосовании на выборах (референдумах) в случае возможности электронного голосования	16,3
Делали репосты наиболее интересных политических материалов	14,1
Участвовали в сборе подписей для поддержки каких-либо акций, включая протестные	12,2
Оказывали материальную поддержку политикам, их проектам	5,9
Вели блог на политические темы	3,1
Занимались организацией волонтеров для участия в политических акциях	2,8
Организовывали сбор средств в политических целях	2,0

Таблица 5. Политическая интернет-активность молодежи мегаполисов за последний год (%). Вопрос: «Какие действия Вы сами предпринимали за последние 2–3 года (Отметьте все варианты, соответствующие Вашему мнению)»

ДИСКУССИЯ. ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Интерес молодежи к политической тематике, по мнению ряда экспертов, крайне ограничен. Эффективная политическая коммуникация в Интернете должна быть связана с «производством события».

Необходима острая актуальная новость, способная привлечь внимание именно молодежной аудитории, которая распространяется в Сети с помощью масс медиа или *«инфлюенсеров, которые выполняют, по большому счёту, ровно эту роль»* (ж., докт. полит. наук, доцент). По мнению экспертов, это может быть как общественно значимое событие, но может быть и

«какая-то версия геймификации, т.е. вроде бы ничего серьезного ... какое-то модное явление, которое вдруг пришло к какому-то человеку, который продумывает стратегию политической коммуникации, вокруг этого выстраивается какой-то нарратив, который обладает притягательностью для молодежной аудитории» (м., канд. полит. наук, активист парламентской оппозиционной партии).

Чтобы распространение информации шло эффективно, необходимо максимально органичное встраивание ее в повестку дня «инфлюенсеров» и средств массовой коммуникации; информация не должна выглядеть как продукт пропаганды или политическая реклама. На следующем этапе, если контент становится вирусным, копируется рядовыми пользователями социальных сетей, мессенджеров или интернет-каналов, он начинает распространяться с высокой скоростью

«они уже друг другу начинают это показывать ... дальше начинается этап креативного обсуждения, возникновения всяких мемов. Это уже становится частью культуры» (м., канд. полит. наук, активист парламентской оппозиционной партии)).

Кроме того, срабатывает еще один механизм привлечения внимания молодежи к политической тематике за счет создания неформальных групп по типу клубов по интересам. Молодежи очень важно осознание единства с кем-то, разделяющим взгляды.

«Сейчас это стадия некоего взросления, роста. Люди активно пытаются нащупать каких-то единомышленников, причём, как правило, это происходит не на базе каких-то оформившихся политических организаций. Как правило, это происходит на уровне какой-то самоорганизации. Это могут быть чаты в Telegram, это могут быть группы там ВКонтакте ... люди просто нащупывают друг друга чуть ли не слепую, потом объединяются, вместе участвуют в каких-то акциях, подтаскивают каких-то друзей, знакомых ... зачастую, не являясь членами каких-то конкретных организаций, не исповедуя каких-то конкретных взглядов, кроме общего недовольства существующей ситуацией, существующим политическим режимом» (м., представитель региональной власти).

Социальные сети выполняют очень важную функцию политической идентификации, создавая если не иллюзию защищенности во время публичных массовых акций, то «чувство локтя» и сопричастности к какому-то делу, которое поддерживается очень многими людьми. Такое ощущение исключительно важно для принятия решения о включении в массовые мероприятия, которые субъективно воспринимаются как несущие риск для их участников. Например, «акция с фонариками» (начало февраля 2021 г.) не получила большой поддержки, но она рассматривается экспертами как отработка технологии «передачи эстафеты», сведения о которой распространяются через открытые группы.

«Вот, например, вчера ... эта акция с фонариками была. Примерно когда в 20:00 наступает условно в Новосибирске, Владивостоке, они уже потихонечку начинают разогревать. Вот столько людей вышли там, фоточки, вот столько людей вышли в Свердловске, там вот столько людей... потихонечку по стране они вон там вышли, там вышли, значит и мы здесь тоже выходим» (м., активист оппозиционной парламентской партии).

Среди части молодежи весьма популярным является сочетание онлайн- и офлайн-просветительства на политические темы, особенно если в основе предлагаемых материалов лежат либеральные или либертарианские идеи; для позитивного восприятия информации достаточно актуален эффект новизны идеологического посыла. Если материалы выкладываются, например, на YouTube, то максимизируется возможность их обсуждения.

«Сейчас достаточно популярны псевдо-образовательные кружки, в которых люди выступают с лекциями, читают. Как раз вот молодежь туда приходит, они обсуждают все эти моменты» (м., специалист в области политических интернет-технологий).

Молодежь очень позитивно реагирует на новации, которые предоставляет эпоха глобализации и открытого информационного пространства.

«Не только молодежь, а вообще люди, которые широко представлены в Интернете, они живут с западным обществом в одной плоскости. У них общий культурный багаж. Отсюда и популярность тех же самых комиксов. Фильмы Marvel имеют такой успех у нас здесь в России не случайно, эта культура комиксов и культура фильмов, с ними связанных, она формирует некое культурное пространство... мы слушаем западную музыку, смотрим западные фильмы и читаем западную литературу. И если комиксы популярны там, они в какой-то момент станут популярны здесь» (м., специалист в области политических интернет-технологий).

Попытки представителей политических институтов, государственной власти прийти на «территорию» социальных сетей, влиться в молодежные сообщества или хотя бы привлечь внимание этой части аудитории в большинстве случаев обречены на неудачу.

«Почему министерство иностранных дел в общем это очень плохой пример для Tik Tok или даже для YouTube? Оно не может начать разговор с молодежью с темы о каком-нибудь рэпере, как это делал Юрий Дудь. А они начинают сразу же вещать о своей повестке дня. Нет, если ты пришел на чужую, на самом деле, территорию и пытаешься мимикрировать под этих молодых людей, то ты должен говорить на какую-то тему, которая в этой аудитории востребована» (м., канд. полит. наук, активист парламентской оппозиционной партии).

Неприятие значительной частью молодежи точки зрения представителей государственной власти не обязательно связано с политической оппозиционностью этой социально-демографической группы.

«Молодёжь, она по природе критик и отрицатель того, что ей было вложено в головы в детском возрасте. Она пытается от этого уйти, пытается отказаться, пытается показать себя, что она отличающаяся от всех других поколений, что они такие вот совершенно новые и никогда до них ничего подобного не было. Им это очень важно показать» (м., канд. полит. наук, активист парламентской оппозиционной партии).

Единственный шанс для представителей власти (институционализированных политических акторов) обратить на себя внимание молодежи — это показать себя экспертом в той области, которая интересна данной группе. Объективно при всех блестящих навыках молодежи оперативно получать нужную информацию далеко не у всех ее представителей уровень социальных и политических знаний является высоким, равно как и способность к системному пониманию социальных и политически процессов. Еще один путь для системных политиков привлечь уважительное и хотя бы относительно длительное по времени внимание молодежи — это попытаться добиться расположения кого-либо из популярных «инфлюенсеров», представляющих референтные группы для молодежи.

«Здесь не имеет смысл скупать, потому что это всегда будет выглядеть достаточно коряво. Нужно просто добиться того, чтобы быть среди них, чтобы общаться с ними на равных» (м., канд. полит. наук, активист парламентской оппозиционной партии).

Выбор социальных сетей, платформ, мессенджеров определяется комфортностью трансляции политической информации для потенци-

ального потребителя; минимизация текстовых данных, использование видеообразов, ориентированных на эмоциональную реакцию, и возможность передачи сведений одновременно нескольким людям для обсуждения в группе являются основанием для выбора канала коммуникации онлайн.

*«Им важно, чтобы сервис был удобным, чтобы была возможность для общения, для пересылки картинок, видео, демотиваторов» (м., политтехнолог);
«Читать сейчас никто не готов. Потребляется визуальный или аудио-визуальный контент» (м., политический аналитик).*

Существенное значение для молодежи при выборе площадки политической онлайн-коммуникации имеет ощущение безопасности, чувство защищенности, когда каждый может высказывать свою негативную точку зрения по политической проблематике даже в предельно грубой форме без риска быть наказанным, попасть «под статью» и т. д.

«Важную роль в предпочтениях каналов коммуникации в интернет-пространстве играет то, как видят уровень контроля со стороны государства за этими каналами. Там, где молодёжь представляет себе, что контроль ниже, есть больше анонимности, меньше цензуры и больше свободы, там она вот проявляется более активно ... содержание этой коммуникации носит такой критиканский, негативный характер» (ж., докт. полит. наук, доцент).

Хорошие возможности политической коммуникации для молодежи предоставляют мессенджеры — чаты в WhatsApp и Telegram. Однако совершенных каналов связи нет, и этот тезис в полной мере относится к WhatsApp («Знаете, чего WhatsApp не может делать? Он длинный видеофайл не посылает, только фрагментами» (ж., докт. полит. наук, профессор)).

Эксперты отмечают высокую вероятность введения в случае роста протестных настроений запретительных мер, ограничивающих возможность использования многих мессенджеров и социальных сетей.

«Государство может что-то заблокировать, мы же понимаем, что идет к тому, что если в какой-то момент начнётся там жёсть, условно говоря, то какие-то инструменты будут заблокированы. Значит, будут использованы альтернативные инструменты, те, которые не успеют или будут не готовы их заблокировать» (м., политтехнолог).

Попытки власти несколько лет назад ограничить использование Telegram не увенчались успехом, но в настоящее время изменившаяся

стратегия в отношении этого мессенджера привела к тому, *«что сегодня ниша политическая Telegram ... контролируется властью в первую очередь»* (м., политтехнолог). Однако функция «люди рядом» может быть эффективно использована во время массовых акций.

«Делают чат и они уже вместе, всё знают, что они как бы вот участники этой акции, они присоединены, являются ячейкой, определенной ячейкой общего сообщества» (м., политтехнолог).

Некоторые эксперты, представляющие партию парламентского меньшинства, отмечают приверженность к этому мессенджеру несистемной оппозиции, однако считают такую коммуникацию не слишком эффективной, не имеющей практического выхода.

«Почему-то очень любят “Телегу” все наши новоявленные оппозиционеры. Вот, там они прямо коммуницируют, их хлебом не корми ... 40-50 сообщений ... Вот, видимо, хочется им пообсуждать, как бы другого выплеска нет, кроме как в «Тележку» написать» (м., активист оппозиционной парламентской партии)).

Но Telegram высокоэффективен при передаче оперативной информации о практических действиях в публичном пространстве.

«Если мы сейчас говорим про организацию митинга, то “Телега” ... очень хорошо работает. Взять хотя бы митинг 31 числа, все ждали, что будет на Невском. Буквально за час они меняют место, и уже к ТЮЗу прибегает тысячи полторы человек. Я считаю, что это очень серьёзный мобилирующий инструмент» (м., активист оппозиционной парламентской партии).

Facebook воспринимается экспертами как площадка для взаимодействия людей среднего возраста с определенными статусными позициями, которая не очень интересна для молодежи (*«Facebook остаётся площадкой для городского среднего класса»* (м., политтехнолог)).

В предельном случае, когда целевой группой является молодежь с «клиповым» сознанием, утратившая способность к чтению *«толстых фолиантов»* и концентрации своего внимания более 2-3 минут, необходим формат, предлагаемый Tik Tok (*«всё теперь надо выкладывать в Tik Tok»* (ж., докт. полит. наук, профессор)).

Впрочем, оценки экспертов перспектив Tik Tok в политической коммуникации очень разнятся. С одной стороны, эта площадка удобна для организации «челленджей», прежде всего оппозиционного характера.

«Один из челленджей заключался в том, что различные авторы контента в Tik Tok переодевались в какую-то форму а-ля государственную, например

форму полицейского, и рвали паспорт. Не настоящий, естественно, они печатали обложку и как бы показательно её разрывали. Один из механизмов Tik Tok — это какой-то танец под определенную музыку. Тебе показывают движение, ты его повторяешь. Это один из главных механизмов в принципе Tik Tok» (м., специалист в области политических интернет-технологий).

Однако все, что построено на механическом повторении, «хайпе», «работает» только до того момента, пока не возникает какая-либо угроза безопасности индивида.

«Tik Tok показал свою неэффективность и больше использоваться не будет ... Этого мероприятия закончилось тем, что все, кто принимал в этом участие, в том или ином виде были задержаны, нам потом показывали в публичном поле видеоролики, как они на камеру извиняются ... Tik Tok больше в политический протест вовлечен не будет» (м., специалист в области политических интернет-технологий).

Мнения экспертов относительно возможностей использования Instagram для политической коммуникации с молодежью также разделились. С одной стороны, были высказаны высокие оценки этой сети («Любая политическая пропаганда ничем не отличается с точки зрения каналов коммуникации от обычной рекламы. Грамотный технолог пойдет туда, где целевая аудитория. А целевая аудитория сидит в Instagram, главная площадка сейчас это Instagram» (м., политический аналитик)). С другой стороны, при всей сохраняющейся популярности Instagram техническое ограничение — отсутствие возможности коллективной коммуникации — делает эту площадку малоэффективной для формирования устойчивой системы политических взглядов или онлайн-мобилизации («в Инстаграме нет групповых возможностей обсуждения чего-либо, то есть ты только сегментировано заходишь к каждому пользователю на страницу» (м., политтехнолог)).

Стратегия использования политическими акторами YouTube направлена в основном на доведение до аудитории определенной точки зрения без реальной возможности организации дискуссии.

«YouTube является инструментом ... пропаганды, инструментом ... односторонней коммуникации, потому что комментарии в YouTube, большинство из них, пишут боты» (м., политтехнолог)). «Молодежь действительно на YouTube присутствует. Здесь есть определенные возможности для продвижения какого-то контента различными политическими акторами, есть различные механизмы для монетизации отдельных инфлюенсеров. YouTube среди тех социальных медиа, которые сейчас активны, и является наиболее оптимальной площадкой для использования в качестве инструмента пропаганды среди молодежи» (м., канд. полит. наук, активист парламентской оппозиционной партии).

Более активное присутствие в ВКонтакте политтехнологов, работающих на органы государственной власти, определяется широтой молодежной аудитории этой сети, наличием в ней достаточно большого числа настроенных лоялистки и патриотически устойчивых групп (сообществ). Важным моментом популярности использования этой сети является техническая возможность целенаправленного распространения определенного политического контента и, что исключительно важно, прагматическая возможность показать выполненную работу в отчетах.

«Проправительственным политтехнологам удобнее работать в ВКонтакте, потому что Контакт пропускает политический таргет, если правильно всё организовать и потому что ВКонтакте просто самая большая аудитория, если мы говорим про численность. Поэтому для отчётности и так далее гораздо проще представлять ВКонтакте. Ну и вообще на самом деле в ВКонтакте просто достаточно большая еще патриотическая аудитория, поэтому, когда мы работаем с провластными политтехнологами, то им Контакт, конечно, всегда кажется наиболее привлекательной площадкой» (м., специалист в области политических интернет-технологий).

Более перспективной и привлекательной коммуникативной технологией для молодежи, особенно настроенной оппозиционно, является использование Clubhouse. В этой социальной сети активно формируется весьма оппозиционная аудитория, что весьма привлекательно для части молодежи. В Clubhouse весьма своеобразный механизм попадания на площадку. Это можно сделать в настоящее время только с айфонов. Доступ в эту сеть возможен только по приглашениям. И если на площадке начинает проявлять активность персону, чьи взгляды не совпадают с позицией большинства, то она тут же исключается из этой социальной сети. Существует возможность блокировки нежелательных участников на основе голосования автоматически по количеству поданных жалоб.

«Сейчас аудитория в Клубхаусе уже сформировалась оппозиционная, она просто больше, чем провластная. Любого лидера общественного мнения со стороны провластной тусовки тут же блокируют. Оппозиционные товарищи объединяются, массово жалуются на страничку определенного человека, страничка автоматически блокируется. Это произошло уже с двумя крупными инфлюенсерами — Сергеем Минаевым и Владимиром Соловьёвым ... Маргариту Симоньян там, скорее всего, тоже забанят. Даже если ей дадут приглашение, как только она попытается быть на площадке публичной персоной, а не просто присутствовать, то это сразу вызовет ответную реакцию. Они все объединяются, идут жаловаться, всё, тебя исключают» (м., специалист в области политических интернет-технологий).

Преимущество Clubhouse заключается в том, что коммуникация голосовая, она не записывается. Эксперты считают, что в настоящее время это очень удачный инструмент для координации действий несистемной оппозиции.

«Это могло бы быть эффективной площадкой для координации протестов. Вы заходите в комнату... некий чат, объединяетесь в комнате. Допустим, у нас есть Леонид Волков, который сейчас сидит где-то в Прибалтике. Он организатор этой комнаты, к нему добавляются, допустим, 10 координаторов от Фонда борьбы с коррупцией, он им голосом диктует, что делать. "Сейчас, значит, собираемся там-то там-то, двигаемся туда-то туда-то" и так далее. Это никуда не записывается, представителей провластных сообществ в Clubhouse сейчас мало. То, что произнесено голосом, сложно, например, заскриншотить. Чтобы записать, что он говорит, вам нужно будет включить именно диктофон на телефоне, записать это, потом сделать расшифровку, и так далее. В общем, это очень сильно усложняет процесс, при котором их будут выявлять, использовать каким-то образом в судах и так далее. Скриншот сделать не получится, нужно именно записать ... Нужно же ещё и сидеть, и слушать всё это время. И это уже не считая того, что помимо того, что нужно попасть в эту закрытую комнату, нужно ещё и в само приложение попасть» (м., специалист в области политических интернет-технологий).

Один из парадоксов использования интернет-площадок для политической коммуникации с целью влияния на массовые общественные взгляды молодежи заключается в том, что явно политизированные каналы не могут быть безусловно популярными у значительной части этой возрастной группы.

«Чем больше эта площадка будет популярна у молодежи, тем меньше там будет политики. Facebook — это пространство политики, "Живой журнал" — это пространство политики, но это не то, что популярно у молодёжи. По Яндекс-Дзену занято было бы посмотреть цифры. Он достаточно политизирован, да. Но не думаю, что он является каким-то модным феноменом у молодежи. Twitter, который политизирован, не популярен в принципе» (м., канд. полит. наук, активист парламентской оппозиционной партии).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Метод триангуляции данных (в классическом варианте он был предложен Д. Кемпбеллом), основанный на использовании двух независимых источников с целью получения максимально полной, достоверной и убедительной информации (в нашем случае это были данные онлайн-опроса и экспертного опроса) позволили получить корректную информацию о предпочтительных каналах и способах

политической онлайн-коммуникации молодежи российских мегаполисов.

Пребывание свыше 4 часов в интернет-пространстве четвертых от общего числа молодежи делает очевидным значимость социальных сетей, интернет-каналов и мессенджеров не только в качестве источника информации, но и средств политической коммуникации и онлайн-мобилизации. Именно эти институты в современном мире выполняют важную роль агента вторичной политической социализации и ресоциализации молодежи.

Наиболее перспективными для политической коммуникации этой возрастной группы остаются ВКонтакте, Instagram, YouTube, WhatsApp и Telegram, определенные перспективы есть у Tik Tok и Clubhouse.

Политическая тематика и обсуждение сопутствующих проблем актуальны примерно для 22% молодых жителей российских мегаполисов. Четверть молодых жителей городов-миллионников в интернет-пространстве не предпринимают вообще никаких действий, связанных с политикой. До 45% реагируют с помощью эмодзи на материалы, посвященные политической тематике, но более активные действия, связанные с обсуждением таких тем, совершает лишь каждый пятый.

При этом для экспертов очевидны как относительно высокий интерес к политической тематике лишь части молодежи, так и неплохие возможности использования социальных сетей и мессенджеров для эффективной политической коммуникации внутри этой возрастной группы.

Соблазн политических акторов каким-то образом присутствовать на любой новой интернет-площадке с целью оказания влияния на молодежь понятен, но далеко не всегда оправдан. Минимальное условие быть услышанными этой весьма специфической аудиторией — быть как бы «одним из них», но при этом иметь не только притязания, но и право быть экспертом в глазах молодежи. Необходимо понимать, что явная демонстрация иных, а тем более противоположных им взглядов сразу ставит блокировку на восприятии информации этой группой. Для большинства «взрослых» политических акторов просто невозможно говорить на том же языке, что и молодежь, «играть по ее правилам».

Важным моментом формирования в интернет-пространстве площадок политической коммуникации молодежи является запрос на солидаризацию, попытка найти «таких же, как я», связанная прежде всего с некими аффективными явлениями, эмоциями. Далеко не

всегда интернет-сообщества, позиционирующие себя как политические, стремятся рационально обсудить политические проблемы, открыть какие-то истины. С этой точки зрения, в молодежной среде более востребованы идеи популистского характера, подчас не очень содержательные, но обязательно содержащие элементы рационального, логического объяснения при общей весьма эмоционально манере выражения. Достаточно часто задачей «горячего» политического обсуждения является лишь потребность проявить свою эмоциональную реакцию по какому-либо политическому поводу или убедиться в том, что другие люди разделяют определенную точку зрения. Еще одним важным механизмом сплочения молодежных политических интернет-сообществ в социальных сетях и мессенджерах, хотя эта возрастная группа оценивается экспертами как более толерантная в политическом отношении, чем представители старших возрастных когорт, является стремление найти некое меньшинство думающих иначе и немедленно «здесь и сейчас» осудить тех, кто имеет смелость не соглашаться с большинством.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Список литературы

- Barbera, P., Casas, A., & Nagler, J. (2019). Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data. *American Political Science Review*, 113(4), 883–901. doi: 10.1017/S0003055419000352
- Contucci, P., Omicini, A., Pianini, D., & Sîrbu., A. (Eds.). (2019). *The Future of Digital Democracy: An Interdisciplinary Approach*. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-030-05333-8
- Davis, R. (2009). *Typing Politics: The Role of Blogs in American Politics*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Deth, J. W. van. (2014). A Conceptual Map of Political Participation. *Acta Politica*, 49(3), 349–367. doi: 10.1057/ap.2014.6
- Dijk, J. van. (2013). *The network society: Social Aspects of New Media*. London: SAGE Publications Ltd.
- Evans, V. (2017). *The Emoji Code: How Smiley Faces, Love Hearts and Thumbs up Are Changing the Way We Communicate*. London: Michael O'Mara Books.

- Gleason, B. (2013). Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter. *American Behavioral Scientist*, 57(7), 966–982. doi: 10.1177/0002764213479372
- Klandermans, P. G. (2014). Identity politics and politicized identities: Identity processes and the dynamics of protest. *Political Psychology*, 35(1), 1–22. doi: 10.1111/pops.12167
- Theocharis, Y. (2015). The Conceptualization of Digital Networked Participation. *Social Media + Society*, 1(2), 1–14. doi: 10.1177/2056305115610140
- Авзалова, Э. И. (2020). Механизм политической мобилизации в сети Интернет. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 10(12), 2866–2871. doi: 10.35775/PSI.2020.69.12.016
- Ачкасова, В. А., & Мельник, Г. С. (Ред.) (2016). *Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации*. Москва: ФЛИНТА: Наука.
- Безрукова, Е. Ю. (2020). Социально-политический протест в России, или «Почему люди не бунтуют?» *Власть*, (2), 58–62. doi: 10.31171/vlast.v28i2.7135
- Бродовская, Е. В., Домбровская, А. Ю., & Синяков, А. В. (2015). Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: Результаты всероссийского социологического исследования. *Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. История и политология*, (2), 80–87.
- Быков, И. А. (2013). *Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования*. Санкт-Петербург: Издательство ФГБОУ ВПО «СПГУТД».
- Володенков, С. В., & Артамонова, Ю. Д. (2020). Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (53), 188–196. doi: 10.17223/1998863
- Дзялошинский, И. М. (2012). *Коммуникативное воздействие: Мишени, стратегии, технологии*. Москва: НИУ ВШЭ.
- Добринская, Д. Е. (2018). Киберпространство: Территория современной жизни. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, (1), 52–70. doi: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70
- Исакова, И. А., & Коротышев, А. П. (2018). Политический постинг в современном рунете: Возможности и риски. *Вестник Московского государственного областного университета*, (4), 41–55. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-924
- Истягина-Елисеева, Е. А., Бариеникова, Е. Е., & Болдырева, А. В. (2020). Включенность российской студенческой молодежи в интернет-коммуникации как фактор формирования моделей их социально-политической активности. *Цифровая социология*, 3(3), 12–20. doi: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20
- Малькевич, А. А. (2020). Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан. *Управленческое консультирование*, 1(133), 35–42. doi: 10.22394/1726-1139-2020-1-35-42
- Михайленок, О. М. (2019). Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений. *Вестник Института социологии*, 10(3), 12–21. doi: 10.19181/vis.2019.30.3.584

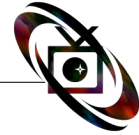
- Палагичева, А. В. (2019). Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях. *Среднерусский вестник общественных наук*, (1), 218–231. doi: 10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231
- Рябченко, Н. А., Катермина, В. В., Гнедаш, А. А., & Малышева, О. П. (2018). Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: Методология анализа и исследовательская практика. *Южно-российский журнал социальных наук*, (3), 139–162. doi: 10.31429/26 190 567-19-3-139-162
- Соколов, А. В., & Палагичева, А. В. (2020). Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте. *Политическая наука*, (3), 266–297. doi: 10.31249/poln/2019.03.12
- Хвыля-Олинтер, Н. А. (2016). Интернет-фактор в ценностном развитии молодежи России. *Alma mater. Вестник высшей школы*, (5), 104–109.
- Шаповалова, И. С. (2015). Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи. *Социологические исследования*, (4), 148–151.
- Юй, С. (2021). Использование социальных сетей в политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, (85), 149–158. doi: 10.12345/1999-2629_2021_01_14.

References

- Barbera, P., Casas, A., & Nagler, J. (2019). Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data. *American Political Science Review*, 113(4), 883–901. doi: 10.1017/S0003055419000352
- Contucci, P., Omicini, A., Pianini, D., & Sîrbu, A. (Eds.). (2019). *The Future of Digital Democracy: An Interdisciplinary Approach*. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-030-05333-8
- Davis, R. (2009). *Typing Politics: The Role of Blogs in American Politics*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Deth, J. W. van. (2014). A Conceptual Map of Political Participation. *Acta Politica*, 49(3), 349–367. doi: 10.1057/ap.2014.6
- Dijk, J. van. (2013). *The network society: Social Aspects of New Media*. London: SAGE Publications Ltd.
- Evans, V. (2017). *The Emoji Code: How Smiley Faces, Love Hearts and Thumbs up Are Changing the Way We Communicate*. London: Michael O'Mara Books.
- Gleason, B. (2013). Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter. *American Behavioral Scientist*, 57(7), 966–982. doi: 10.1177/0002764213479372
- Klandermans, P. G. (2014). Identity politics and politicized identities: Identity processes and the dynamics of protest. *Political Psychology*, 35(1), 1–22. doi: 10.1111/pops.12167
- Theocharis, Y. (2015). The Conceptualization of Digital Networked Participation. *Social Media + Society*, 1(2), 1–14. doi: 10.1177/2056305115610140

- Avzalova, E. I. (2020). The mechanism of political mobilization on the Internet. *Questions of national and federal relations*, 10(12), 2866–2871. doi: 10.35775/PSI.2020.69.12.016 (In Russian).
- Achkasova, V. A., & Melnik, G. S. (Eds.) (2016). *Communication technologies in the processes of political mobilization*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russian).
- Bezrukova, E. Yu. (2020). Socio-Political Protest in Russia or “Why Don't People Rebel”? *Власть*, (2), 58–62. doi: 10.31171/vlast.v28i2.7135 (In Russian).
- Brodovskaya, Ye. V., Dombrovskaya, A. Yu., & Sinyakov, A. V. (2015). Political subjectivity of social network users in Russia: results of nationwide sociological study. *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. History and Political Science*, (2), 80–87. (In Russian).
- Bykov, I. A. (2013). *Network political communication: Theory, practice, and research methods*. St. Petersburg: SPGUTD. (In Russian).
- Volodenkov, S. V., & Artamonova, Yu. D. (2020). Information Capsules as a Structural Component of Modern Political Internet Communication. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, (53), 188–196. doi: 10.17223/1998863 (In Russian).
- Dzyaloshinskij, I. M. (2012). *Communication Impact: Targets, Strategies, Technologies*. Moscow: HSE. (In Russian).
- Dobrinskaya, D. E. (2018). Cyberspace: the Territory of Modern Life. *Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (1), 52–70. doi: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70 (In Russian).
- Isakova, I. A., & Korotyshev, A. P. (2018). Political Posting in the Modern Runet: Opportunities and Risks. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, (4), 41–55. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-924 (In Russian).
- Istyagina-Yeliseeva, E. A., Barijenikova, C. E., & Boldyreva, A. V. (2020). Involvement of Russian Student Youth in Internet Communications as a Factor in the Formation of Models of Their Socio-Political Activity. *Digital sociology*, 3(3), 12–20. doi: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20 (In Russian).
- Malkevich, A. A. (2020). The Role of Social Media in Protest Political Participation of Citizens. *Administrative Consulting*, 1(133), 35–42. doi: 10.22394/1726-1139-2020-1-35-42 (In Russian).
- Mikhailenok, O. M. (2019). Information and Communication Risks of the Networking of Political Relations. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10(3), 12–21. doi: 10.19181/vis.2019.30.3.584 (In Russian).
- Palagicheva, A. V. (2019). Technologies of Political Demobilization of Citizens in Protest Campaigns. *Central Russian Journal of Social Sciences*, (1), 218–231. doi: 10.22394/2071-2367-2019-14-1-218-231 (In Russian).
- Ryabchenko, N. A., Katermina, V. V., Gnedash, A. A., & Malysheva, O. P. (2018). Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of analysis and research practice. *South Russian Journal of Social Sciences*, (3), 139–162. doi: 10.31429/26190567-19-3-139-162 (In Russian).

- Sokolov, A. V., & Palagicheva, A. V. (2020). Mobilization and Demobilization in a Network Political Protest. *Political science*, (3), 266–297. doi: 10.31249/poln/2019.03.12 (In Russian).
- Hvylya-Olinter, N. A. (2016). Internet Factor in the Value Development of Russian Youth. *Alma mater. Higher school bulletin*, (5), 104–109. (In Russian).
- Shapovalova, I. S. (2015). The Impact of Internet Communications on the Behavior and Intellectual Development of Young People. *Sociological research*, (4), 148–151. (In Russian).
- Yu, X. (2021). The Use of Social Networking Sites in Political Communication. *Political Linguistics*, (85), 149–158. doi: 10.12345/1999-2629_2021_01_14 (In Russian).

SUMMA THEOLOGIAE 2.0: INTELLECTUAL MASS MEDIA IN THE MODERN RUSSIAN REALITIES, OR HOW “THE ACADEMIC” BECAME “THE MEDIATIC”

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Abstract

The research paper focuses on the specific features of the status of theology in the modern humanities in Russia. Studying the complexities and difficulties of the institutionalisation of theology and its localisation in the Russian university system and academic culture, the author foregrounds the post-Soviet European experience of the Baltic countries and Ukraine, where theology acquired the status of a “normal” science earlier than in Russia. Within the framework of this study, the peculiarities of the controversial status of theology in the system of higher education as well as in the Russian postgraduate and doctoral studies are considered in the contexts of the frontier of knowledge and the post-Soviet stereotypes. It is assumed that several factors, including the Soviet atheistic cultural heritage, the post-Soviet system of secular degrees and the traditionally significant role of representatives of the natural sciences in the academic community, may significantly contribute to slowing down the transformation of theology into a “normal” science. The paper also deals with the issue of how theology is transforming from the church life of the Russian Christians and becoming more noticeable in the Russian educational cultures and academic spaces. The arguments of the supporters and opponents of the official institutionalisation of theology in the higher education system are critically examined. The author pays special attention to the prospects and possibilities of using the Western experience of “secularization” of theology and its integration into the secular canons of science.

Keywords

theology; science; mass media; intellectual communities; dissertations; “holy war”; Church; secularization; clericalisation; academic communities; academic ethics

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

SUMMA THEOLOGIAE 2.0: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ МАССМЕДИА В РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ, ИЛИ КАК «АКАДЕМИЧЕСКОЕ» СТАЛО «МЕДИЙНЫМ»

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.

Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Аннотация

В статье анализируются особенности статуса теологии в современных гуманитарных науках в России. Изучая сложности и трудности институционализации теологии и ее локализации в российской университетской системе и культуре, автор статьи актуализирует постсоветский европейский опыт стран Балтии и Украины, где теологии обрела статус «нормальной» науки раньше, чем в России. В рамках данного исследования рассматривается спорный статус теологии в системе высшего образования, а также в российской аспирантуре и докторантуре в контекстах фронтальности знания и постсоветских стереотипов. Предполагается, что несколько факторов, включая советское атеистическое культурное наследие, постсоветскую систему светских степеней, традиционно значительную роль представителей естественных наук в академическом сообществе существенно замедляют процессы превращения теологии в «нормальную» науку. В статье представлен анализ того, как теология мигрирует из церковной жизни российских христиан, становится видимой и проявляется в российских образовательных и академических пространствах, а также приводятся аргументы и доводы как сторонников, так и противников официальной институционализации теологии в системе высшего образования. Особое внимание уделяется перспективам и возможностям использования западного опыта «секуляризации» теологии и ее интеграции в светские каноны науки.

Ключевые слова

теология; наука; интеллектуальные сообщества; масс медиа; диссертации; система ученых степеней; «холивар»; Церковь; секуляризация; клерикализация; академические сообщества; академическая этика

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

THE PURPOSE AND OBJECTIVES OF THE ARTICLE

Modern Russian media are extremely heterogeneous, and their information agenda is extremely diverse. Intellectual mass media have a special and unique status, and their subject matter corresponds to their specifics. Theology and the problems of its scientific character or unscientific nature became the subject of the Russian intellectual media attention after 2017, when Pavel Khondzinsky defended his first dissertation in theology, receiving a “Candidate of Science” degree. In the last decades this defence and the return of theology to the mainstream science ignited a “holy war” among Russian intellectuals, who were extremely active in their attempts to challenge the status of theology or to prove its right to be a normal science. Moreover, these discussions forced the intellectual media to turn theology into an information occasion and transformed it into the media topic that occupied its place in the Russian information spaces and produced a variety of assessments and perceptions of theology, which vary from timid attempts to rehabilitate it to radical rejections. Formally, the academic issues became an information occasion with the aim of integrating theology in mass media discourse. The “misadventures” of theology in the Russian cultural and intellectual mass media actualised its controversial status and inspired intellectuals to form new agenda, splitting or consolidating society.

Therefore, the research aim is the analysis of the trajectories of perception of theology as an information occasion that turned intellectuals into the combatants of the culture wars in the modern Russian mass media. To accomplish the research aim, several objectives are to be achieved, including the analysis of the external stimuli and factors that turned theology into an information occasion, the reason for the consolidation and fragmentation of intellectual communities, as well as the main viewpoints and arguments expressed by them in the modern theological “holy wars”.

The research aim and objectives determine the corpus of the sources represented mainly by polemical texts and intellectual journalism. However, it is worth noting that the author does not base the analysis on the scientific texts about the place, role and status of theology in the contexts of the humanities (Bokov, 2013; Gaginsky, 2019; Malimonova, 2015; Snisarenko, 2020; Shmonin, 2019), presuming that they can become the basis for other studies with different goals and objectives.

THEOLOGY: SCIENCE, NON-SCIENCE, OR INFORMATION REASON, OR HOW THE EXTERNAL POLITICAL FACTORS TURNED THEOLOGY INTO AN INFORMATION PREDICTION

Institutional background or the factors that facilitated the transfer of theology from the academic field into mass media discourse. Modern Russian science continues to use the principles of organisation and institutionalisation inherited from the Soviet state system. Therefore, Russian science institutionalized in the form of institutes in the structure of the Academy of Sciences or universities is predominantly secular and state-sponsored. Comparing the Soviet system of science in the context of the hierarchy and classification of humanitarian knowledge, it is evident that the post-Soviet Russian science changed insignificantly. New specialities did not appear in the passports of “scientific specialities”, whereas political science became the only Russian post-Soviet exception of “new” science. Regional studies have not received official recognition as a scientific speciality so far, although Regional Studies are actively developing in the higher education system.

There are virtually no radical transformations in the system of candidate and doctoral degrees as well as essential changes in the defence of dissertations in the Russian post-Soviet academic culture. In fact, the bachelor and master's degrees are predominantly educational qualifications, and there is a gap between them and the candidate and doctoral degrees. The transformation trajectories of Russian higher education and science in this situation are developing discretely. While some sciences in Russia have a formally correct reputation, others have become information occasions and stimuli for discussions that are far from science and the norms of academic ethics, being an element of ideological debates.

The difficulties and contradictions in the development of theology in modern Russia generate the problems and contradictions of higher education and the degree system on the whole. Therefore, the problematic status of theology as a frontier form of knowledge in the contemporary situation highlights the contradictions of the Humanities and the defence of dissertations in modern Russia. Theology is a frontier because theology is both part of the Church culture and humanities. Furthermore, it stimulates the fragmentation of the Russian academic community and promotes disputes between the supporters of the secular model of the development of science and those intellectuals who believe that the situation of coexistence of secular and non-secular forms of knowledge is normal. Thus, the above-mentioned problems are in the focus of the author's attention.

From “scientific atheism” to *religiovedenie*: the post-soviet inertia or the humanities without theology.

The Soviet model of science developed as a dichotomy being controlled and directed by the communist regime, which divided science into the formally correct and ideologically incorrect and dangerous. If the natural sciences and the humanities, after the radical experiments of the 1920s, by the early 1930s, restored their scientific status, theology became an exception from the Soviet logic of science development. The Soviet government declared the separation of Church from the state formally but used the tactics of persecution and repression for control of religious groups and communities. Religious education in the Soviet educational system was separated radically from the secular and considered to be something archaic.

Despite the policy of state atheism, the Soviet regime recognised the right of the Orthodox and Catholic churches to have their educational institutions, but they remained under the political and ideological control of the authorities. As for the degree system, the Church awarded the degrees of the Candidate of Theology (*kandidat bogosloviia*) and the Doctor of Theology (*doktor bogosloviia*), but in fact, the atheist state which controlled church life sanctioned the possibility of defence of dissertations in theology. The Moscow Theological Academy and the Leningrad Theological Academy, as two leading Orthodox educational institutions in the USSR, received the right in 1946 to confer the degrees of the Candidate and Doctor of Theology, but these degrees had an intra-church status and recognition because the Soviet state did not include these academic degrees into the state system.

The Soviet state did not extend financial surcharges to the Candidates and Doctors of Theology, which could be received by scientists who received any secular degree. Therefore, in the informal hierarchy, the Candidate of Theology in the Soviet “table of ranks” had a less prestigious status than, for example, the Candidate of Historical or Philosophical Sciences. This situation of inequality stimulated some priests to obtain secular degrees, although some of them became candidates of science before becoming priests. Some priests such as Archbishop Luka or Valentin Felixovich Voyno-Yasenetsky (1877 – 1961) who was both a Doctor of Medical Science and a Doctor of Theology and even a winner of the Stalin Prize of the first degree) were famous scientists during the Soviet period but such situations were unique and exceptional.

The collapse of the Soviet Union did not stimulate the automatic equalisation of secular and ecclesiastical academic degrees, visualising the frontier status of the Candidates and Doctors of Theology. The end of the policy of forced atheisation stimulated trends of clericalisation of the post-Soviet society, but theology in the 1990s did not become a recognised academic

discipline because the post-Soviet universities chose imaginary religious studies or *religiovedenie* as a compromise between the Soviet scientific atheism and Western theology. Russian religious studies retained continuity with the Soviet scientific atheism. Thus, the intellectuals who defended their dissertations during the Soviet period, became automatically specialists in the problems of history, philosophy and sociology of religion in the 1990s.

If before 1991 the Soviet intellectuals wrote about the crisis of religion and its decline in a capitalist society, then in the 1990s the same authors, with the enthusiasm of neophytes, began to popularise the ideas they had criticised several years earlier. The churches in the post-Soviet situation continued to award their Candidate and Doctoral degrees when the secular state integrated the religious topics in dissertations into the historical, philological, philosophical, political, and sociological sciences. Therefore, there was no place for theology in this academic degree system in the 1990s and 2000s.

Theology as a “normal” science: the post-soviet experience.

In the new states that emerged on the political map of Europe after the collapse of the USSR the situation with theology developed differently. On the one hand, in some post-Soviet countries, including Latvia, Lithuania and Estonia, the academic communities recognised theology as a normal scientific discipline and preferred to map it among other humanities. Therefore, the Latvian University, for example, restored in its structure the Faculty of Theology (Teoloģijas fakultāte), which the communist regime had closed during the Sovietisation in 1940. The Faculty of Theology emerged as a result of a change in the status of the seminary, organized in 1969. Estonian and Latvian universities also began to implement theological educational programs in the 1990s, when churches developed their own universities simultaneously. The Faculty of Theology was re-established at the University of Tartu but unlike the same structure in Latvian University, its name (School of Theology and Religious Studies) is more neutral.

As for the academic degrees in theology, the societies of the Baltic countries perceived their appearance neutrally or positively, realising that it was nothing more than a return to those educational and academic practices that had already existed during the period of independence between the two world wars. Doctoral programs in theology at the Latvian University developed in parallel with the formally secular programs in other humanities.

On the other hand, some post-Soviet countries did not develop the traditions of theological education. In fact, there was no continuity between the pre-Soviet and post-Soviet experiences. Ukraine and Belarus were among such countries, but national education systems were able to integrate theology into educational programs faster than Russia did the same in its education. Belarus became the first post-Soviet country where political elites recog-

nised theology as an academic speciality, determining it as one of the possible educational trends among humanities. Moreover, the Ministry of Education approved the state educational standard in theology.

The rectorate of Belarus State University in cooperation with the Orthodox Church established the Saints Cyril and Methodius Institute of Theology in 2004. The state and secular status of the university did not become an obstacle to the emergence of a de facto theological faculty in its structure. The specific political culture of Belarus and the peculiarities of the regime excluded public discussions about the intervention of theology into the system of secular higher education. Ministry of Education of Belarus did not include theology as an academic speciality in the degree system in Belarus, although the educational institutions of the Orthodox Church monopolised the right to award the academic degrees of the Candidate and Doctor of Theology. The Belarus case in this situation is dual in its nature: on the one hand, theology was recognised as a speciality in the state system of higher education, whereas, on the other hand, the state does not control the process how the Church awards academic degrees in theology, presuming that the degrees of the Candidate and Doctor of Theology awarded by the Church's educational institutions are sufficient for the Church's needs in the academic attestation.

As for Ukraine, this post-Soviet country experienced a revival of religious education in the 1990s. Educational institutions of Orthodox churches, Catholic and Protestant universities awarded their academic degrees actively. Until the middle of 2000s, a compromise situation persisted in Ukraine, when theology was developed as the part of the "Philosophy" which is a secular specialty. In 2011, the Ministry of Education and Science of Ukraine defined theology as a separate area of "Humanities". The Orthodox Church and other religious educational institutions in Ukraine confer their academic theological degrees, although some of them (for example, the Kiev Orthodox Theological Academy) award the degrees of the Candidate and Doctor of Philosophy with a specialisation in Theology.

Evangelical Theological University (Kyiv) offers an academic program of the Doctor of Practical Theology or the Doctor of Ministry (D.Min.), which in fact became an attempt to transplant the characteristics of academic degrees for Protestant education in the United States. In general, theology was excluded from the system of academic degrees as an independent speciality in some post-Soviet countries, which actualises its frontier status as an interdisciplinary form of knowledge for the supporters of theology and non-science in the eyes of its critics and opponents simultaneously, forcing potential doctors of theology to obtain academic degrees in the European or American universities.

Theology as a “church” science: secular and clerical parallel systems of academic degrees. By the moment of the collapse of the Soviet Union, the Church in Russia was separated from the state, which in the post-Soviet period did not interfere with the development of religious education. Therefore, practically all religious educational institutions in Russia emerged and developed as non-state, being part of the educational systems of various Churches and religious communities. The educational institutions of the Orthodox Church, as in the Soviet period, awarded its degrees of the Candidate and Doctor of Theology. The Moscow Theological Academy, the Saint Petersburg Theological Academy, Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Tsaritsyn Orthodox University of St. Sergius of Radonezh and Novosibirsk St Macarius Orthodox Theological Institute are among the largest Russian educational institutions that offer programs in theology.

The system of degrees of the Candidate and Doctor of Theology in post-Soviet Russia reproduced the system that had existed before 1917. Therefore, educational institutions of the Orthodox Church conferred the degrees of the the Candidate (Doctor) of Theology, Candidate (Doctor) of Church History, Candidate (Doctor) of Church Law. However, the secular state recognises these degrees but does not include them formally into the system of academic degrees. Therefore, representatives of the Russian Orthodox Church presume that such situation is unfair (Kosovan, 2017). Educational institutions of the Russian Orthodox Church have the right to organise their Dissertation Councils, which actualise the frontier status of theology in Russia and the gap in academic traditions because council members and opponents in the defence of candidate and doctoral dissertations are often Church hierarchs or scholars who have secular academic degrees, including degrees of the Candidate (or Doctor) of Historical, Philological or Philosophical Sciences.

Expansion or return of theology: the difficulties of overcoming frontiers in secular education. The attempts to start teaching theology, “science in a special sense” (Tyurenkov, 2016), at Russian universities coincided with the first wave of reforms in the post-Soviet higher education. The Ministry of Education of Russia in 1992 recognised “Theology” as a direction of higher education, including it in the classifier of educational specialities. The ministry also approved an educational standard, which, on the one hand, had much in common with the standard for “Religious Studies”, but, on the other hand, it made possible to receive state diplomas of “Bachelor of Theology”.

The secular state Ministry of Education reintroduced theology in the university curricula but ignored the opinion of the Orthodox Church. In 1992 St. Tikhon’s Orthodox Theological Seminary, Omsk State University,

and Altai State University became the first universities in post-Soviet Russia which began to teach theological disciplines. By the late 1990s, in 1999, the Ministry of Education approved the Master's Standard in Theology. By 2001 eight Russian universities, including Belgorod State University, Sergei Yesenin Ryazan State Pedagogical University, Tula State University, Tula State Pedagogical University, Ural Pedagogical University, and Sarov State Institute of Physics and Technology, had introduced the educational programmes in "Orthodox Theology".

The experience of these Russian universities became an exception to the general logic of the development of the Russian higher education because, on the one hand, it has a secular character, while, on the other hand, the academic community expressed extremely different viewpoints when the Church proposed to integrate theology in the educational system. In this intellectual atmosphere, the opinions of Russian scientists involved in the natural sciences range from the moderately negative to actively hostile. The communities of Russian scientists in the 1990s preferred to ignore the development of theological bachelor's and master's educational programmes rather than the intensification of the educational activities of the Russian Orthodox Church and attempts to obtain permission to award academic degrees in "Theology" at state universities with the actual recognition of theological degrees as equal to the degrees in humanities and natural sciences.

The attempts to integrate theology into the Russian educational system contributed to the discussions and debates about its unscientific nature and pointed out the problems of the frontier of theological knowledge and its boundaries. Ekaterina Elbakyan, Russian sociologist and historian of religion, commenting on the peculiarities of the post-Soviet situation with theology in the field of education, believes that "speaking about Christian theology we remember the division of Christianity into Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, Oriental Orthodox churches, each of which is split into many more directions... which of these confessional theologies are we talking about? After all, 'theology in general' does not exist. There are only several specific ideas of certain confessions about God, namely, the doctrine of God, developed in one or another Christian confession. Confessionalism implies a certain ideological choice, a certain unshakable position, limited by the framework of a separate confessional worldview" (Elbakyan, 2015). It became inevitable because the emergence of theology into the educational bachelor and master's programmes and later into the number of academic degrees visualised the problems of the presence or absence in the educational process of those intellectuals who represented confessional theological traditions. Therefore, theology in Russian academic discourse turned out to be

doomed to stay on the frontier between faith and science, on the one hand, and between various Christian Churches and their theological traditions, on the other hand.

By the middle of 2010s theology had retained its controversial and, as a result, a *de facto* frontier status stayed on a movable border between various imagined categories which included knowledge and religion, natural and human sciences. On the other hand, by the middle of 2000s intellectuals had assumed the confrontational character of the relationship between theology and its opponents. The attempt to create a collective petition for the recognition of theology as pseudoscience became the culmination of the contradictions between the proponents of theology and their secular opponents. In 2015 secular intellectuals initiated a public campaign to sign a petition recognising theology as pseudoscience. The authors of the petition preferred to use an aggressive discourse that formed and promoted the images of Otherness. Therefore, they argued categorically that theology is not a science, consistently and emphatically insisting that “theology is a pseudoscience, it undermines the authority of science... Theologians with their ‘dissertations’ dishonour the scientific community, discredit science and philosophy. Taxpayers in a secular state should not contain obscurantists within the walls of state institutions. The place of theology and other faiths is in theological seminaries, separated from the state. In European countries, theology has long been an atavism and a relic of the wild Middle Ages... The philosophy of religion is a critical analysis of religion as a social phenomenon... Religious studies is a science... Religious philosophy is a pseudo-philosophy and a set of myths and dogmas... Religious philosophy is a church project, an attempt to mix religion with philosophy... theology is one of the ecclesiastical concepts, which has no evidence... it is an empty concept from the viewpoint of critical reason. Theology can be defined literally as idle talk... Theology is a set of myths and dogmas imagined by priests as science, but it is not science. Theology is a pseudoscience, a church project, an attempt to mix religion with science” (Mudriy, 2017).

Such ideas, promoted by the radical part of the Russian secular academic community actively, had various consequences. On the one hand, they actualised and visualised the frontier status of theology in the Russian academic community, the uncertainty of its status and the blurred boundaries of the object and subject of theology. On the other hand, the negative perception of theology by representatives of the natural sciences actualised that some of them preferred to reject the perception of science as conventional. The tendency to monopolise the academic discourse, to minimise it and reduce it to the natural sciences also belonged to the number of practices Russian natural scientists used for rejection of theology. This situation actual-

ised the conflict between two forms of sacredness that coexisted simultaneously in the Russian academic community. The Russian supporters of the natural sciences and apologists of theology preferred to perceive their forms of knowledge sacredly, idealising and mythologizing them. Therefore, the rejection of theology in the Russian academic community became a conflict between two different versions of sacredness, inspired by the fears of supporters of the sacredness of the natural sciences that it would be challenged by theologians, in particular, and other humanitarians in general.

If the recognition of humanitarian degrees was relatively acceptable for Russian physicists, biologists, mathematicians and physicists, then the desire and attempts of the Church to achieve equality between theological and, for example, biological academic degrees faced organized opposition, which had been consolidated by 2017 when Archpriest Pavel Khondzinsky, the Dean of the Theological faculty of the Orthodox St.Tikhon University for the Humanities, defended the first candidate (PhD) thesis in Russia in theology specialisation, which stimulated a new wave of discussions and debates between supporters and opponents of the official status of theology as a scientific discipline.

SOMETIMES THEY RETURN ... OR HOW THEOLOGY TURNED SCIENTISTS INTO COMBATANTS OF “HOLY WARS” AND THE MASS MEDIA BECAME A BATTLEFIELD

In Russia, where, as some intellectuals believe, “the development of theological education is at the beginning of its way” (Kulikova, 2020) but “theology is confidently entering the educational space” (Tyurenkov, 2018), Pavel Khondzinsky, who defended his dissertations for a PhD in Theology some years earlier, on June 1, 2017, defended his PhD dissertation titled “Solving the problems of Russian theology of the 18th century in the synthesis of St.Philaret, Metropolitan of Moscow”, and this successful defence allowed him to obtain academic degree confirmed by a state diploma.

Even though Vladimir Filippov, the head of the Higher Attestation Commission in October 2015 recognised the significant historical role of theology in the Western system of university education (Kotlyar, 2015), he was compelled to declare that “in the coming years, there will be no Candidates or Doctors of Theological Sciences in Russia” (Makeyeva, Korobov, Labutina, 2016). The defence of Pavel Khondzinsky could have caused a social and cultural resonance. This defence would have been an ordinary event if it had not been the first defence of a theological dissertation recognised by the state and if Russian biologists had not written and sent six negative reviews.

Despite the attempts of the Church hierarchs to form a positive image of theology and denial of accusations that they use secular universities for

missionary activity, the anti-theological lobby in the Russian academic community is quite stable and active, and Hilarion's statement that "the departments of theology in secular universities are not the same as the chair of the preacher at the church pulpit" (Hilarion, 2019a) became just another reason for accusations of clericalisation and promotion of unscientific theology. Criticising the position of the Church, secular intellectuals prefer to ignore Hilarion's idea expressed by him in 2011 that "theology is called upon to assimilate critically the knowledge accumulated by secular sciences – natural, humanitarian and social" (Hilarion, 2011a; Hilarion, 2011b), integrating their achievements into the discourse of church education.

The activity of Russian scholars and their numerous attempts to prove that theology is not a science, preceded the criticism of the first theological dissertation. Therefore, some Russian intellectuals were active in their attempts to actualise the frontier status of theology, imagining it as a non-science which is located at the frontier between various humanitarian disciplines. In the first half of the 2000s, Russian intellectuals perceived theology as a frontier field of knowledge, presuming that "the faith of the Church and the experiences of its expression doesn't belong to science in the modern sense of the word and do not claim this status... a scientific speciality for theology is possible and necessary for studies of the faith in its systematic, practical and historical aspects" (Antonov, 2012), but such perception of theology is a recognition of its interdisciplinary status. As for marginality of theology in comparison with natural sciences, it mutates into frontierness in Russia. This frontier nature forced theology to stay between faith and science, namely, between religion and religious studies. In this situation, some intellectuals propose a compromising approach presuming that theology is an internal form of reflection when religious studies are its external reflection.

Some Russian authors preferred to perceive theology as something non-academic, localising between ignorance and delusion. Alexey Golubev defined such sentiments as "double-headed positivism" (Golubev, Sergeyev, Drozdova, 2017). This state of theology emerged as the consequence of its marginalisation during the Soviet period, although until 1917 it had a recognised status comparable to its positions in the Western university hierarchy, with the difference that in Russia theology was studied in church educational institutions, having its system of academic degrees and titles. Alexey Muravyov, for example, stated in the early 2010s that "our theological science is in the most deplorable state and it is simply incapable and not ready to turn to face ordinary people... We have no serious researches comparable with the global theological trends" (Muravyov, 2011).

If humanitarian critics of theology appealed to the problems of academic ethics, then biologists, who criticised theology most zealously and actively,

preferred to construct its pseudoscientific image. The humanitarian and biological criticism of theology in the Russian intellectual situation in the second half of the 2000s had diametrically different theoretical and methodological foundations and backgrounds that actualised its multiple states and forms, the frontier nature in the academic community as well as difficulties in the processes of its institutionalisation and consolidation. Russian Old Believers or moderate religious intellectuals accepted the emergence of theology in the university system sceptically and insisted on the importance of their own historical and cultural experiences. This alternative perception of theology includes the history of non-Orthodox theological traditions presented by Catholic (Lubac, 1999; Lubac, 2013; Lubac, 2003) and Protestant (Tillich, 1951; Tillich, 1957; Tillich, 1963; Niebuhr, 1988) trends in the development in the West. As for the anti-theological lobby, its supporters are unfamiliar with the main results of progress that theology was able to achieve in Europe and America. Constructing and imagining the image of theology as an archaic and traditional form of knowledge, some Russian biologists ignored the history of national schools in the Western Catholic (Gaidamavičius-Gaida, 1974; Maceina, 1970; 1971) and Protestant (Biezais, 1943; Biezais, 1953; Maldonis, 1939; Kundziņš, 1931) theologies, factors of its heterogeneity (Hägglund, 1997; 2003), significant progress (Barth, 1963; Niebuhr, 1932; 1930; 1935) and transformation (Hägglund, 2011; Niebuhr, 1993; 1958; 1956) of 20th-century Western theology.

The Russian intellectuals who tend to see theology as another humanities and state that it is normal when theology is represented in universities where intellectuals defend theological dissertations argue with their opponents and emphasise the importance of the external factor. Commenting on the features of gaps and discrepancies in the development of Russian theology, Dmitry Uzlaner states that “theology is developing. We are lagging behind not only in terms of the development of natural sciences but also in theological development and theological perception of the problems of the 21st century... If we draw a parallel with computer technology, then such theology in the history of theological reflection roughly corresponds to manual counting. It takes a long intellectual and spiritual evolution to go from manual counting to the latest MacBooks” (Uzlaner, 2017c). Recognition of discreteness as lagging and lagging as discreteness visualises frontier changes in Russian theology, which in actual cultural and intellectual contexts exist in some dimensions including the periphery between the science of faith, the border between the humanities and the natural sciences. Theology in this situation continue to occupy the frontier of imagining landscapes between the main international and interdisciplinary trends, on the one hand,

and tendencies of national provincialisation of theological reflection in academic discourse, on the other hand.

Russian biologists, who, after Pavel Khondzinsky's defence, challenged its fact (Uglov, 2017), became the main critics of the theological dissertation. Yury Panchin, Doctor of Biological Sciences (Institute for Information Transmission Problems (Kharkevich Institute) of the Russian Academy of Sciences) defined the defence of Pavel Khondzinsky's dissertation as a "legal nonsense" (Panchin, Kravetsky, Korolkov, 2017), stressing that theology, as he believes, "is not a science" (Glikman, 2017). Some Russian intellectuals have categorically claimed that theology is not a science because "the goal of science is to describe the phenomena observed in the world. There is nothing that can be described by theology since there are no phenomena in it that would need it" (Shevtsov, 2020). The dominant majority of critical opinions on theology in the Russian intellectual community arose under the influence of the neo-Soviet inertia, collective secular faith in the myth of natural sciences as only sciences and ignorance of facts about what modern theology is. Secular critics of theology prefer to ignore the viewpoints of the Church hierarchs who insisted on the necessity of compromise. For example, Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk, emphasises that "theology is also a part of humanities. Theology is the scientific foundation of a religious worldview, which exists in different forms and variants, in different countries, in different languages, in different cultural traditions" (Hilarion, 2017b). Some Russian intellectuals preferred to define such arguments as unscientific, trying to promote a negative image of theology, insisting that "theology is a form of religious scholarship, but certainly not a science in the modern sense of the word... theology and science are intellectual practices, and their results are expressed in the form of texts saturated with specialised terminology and references... the goals of theology and science are practically opposite to each other" (Golubev, Sergeyev, Drozdova, 2017). Denying the scientific status of theology and sending it to church reservations, secular intellectuals themselves actualised the frontier character of theology, stimulating their opponents in their attempts to integrate theology into secular education and providing them with the arguments that theology is a normal science which can be integrated into the system of academic degrees.

For example, Vitaly Levin, Doctor of Technical Sciences, illustrating the unscientific nature of theology, argued that theology will study "how to put a smartphone in the coffin of the deceased – turn on or turn off" (Levin, 2017). If some authors pointed out the importance and necessity of theology, emphasising that "at the end of the 20th century, a theological turn took place in the Western humanitarian... theology brings religion into the social and philosophical space, expands the operational capabilities and

the sphere of religious thinking... the business of theology is the rational foundation of the theistic worldview, the philosophical reconstruction of religious tradition, the study of routine religiosity” (Shchipkov, 2019), then others prefer to criticise theology, believing that “the position of God is even worse than that of homoeopathy. There are not even bad works that would confirm his existence... no one can formulate how the world in which there is God differs from the world where he does not exist... Until scientific evidence of the existence of God appears, statements about his deeds should also be perceived as unconfirmed statements of mediums, astrologers, fortune tellers and homoeopaths” (Panchin, 2017a).

In this intellectual situation Alexander Panchin characterised by Pavel Khondzinsky as a “believing atheist” (Khondzinsky, 2017) denies a scientific status of theology, even a frontier one, declaring categorically that theology is a religion that imitates science (Panchin, 2017b). Arguing against such arguments, the proponents of theology as a science presume that “the most common arguments against theology are overtly comic in nature” (Uzlaner, 2017c) because their supporters belong to a meaningfully different methodological discourse. If Russian biologists denied the importance and necessity of theology in university education and the Russian system of academic degrees, perceiving it as a pseudoscience, then some Russian religious intellectuals, including Old Believers who stated that the appearance of theology would lead to an exceptional strengthening of the position of the Orthodox Church. Therefore, Alexey Muravyov emphasises that he is not convinced that the restoration of theological positions in university education and the system of academic degrees will lead to an exacerbation of the conflict between faith and science: “Christianity must face the secularisation challenge honestly. As an Orthodox Christian of the Old Believer tradition, I believe that the Old Believer’s faith is a history that concerns only me personally. And relations with science are built on a personal basis. The scientific worldview presupposes research that is based on a scientific paradigm, continuity, and the construction of a theory, or rather a hypothesis and verification. Nothing I have mentioned contradicts a personal religious position” (Muravyov, 2017).

While Russian biologists, in their criticism of theology, appealed to the principles of rationality, non-Orthodox religious activists in Russia feared that official recognition of theology will transform it into a part of state policy. The activities of Russian biologists in their struggle against theology on the eve and after the defence of Pavel Khondzinsky were belated. Russian biologists who decided to become responsible for the marginalisation of theology ignored its history including consolidation in the West, where the activity of some theologians, Hans Küng (Küng, 1984; Küng, 1985; Küng,

1994; Küng, 2000) contributed to its mutation into normal conventional science. Hans Küng inspired the modernisation of Western theology, insisting that it should become truthful, free, critical, non-opportunist, non-conformist, non-authoritarian, and non-traditionalist. In fact, Hans Küng proposed a program for the renewal of theology because other humanities had already gone through their theoretical turns, renewing significantly the paradigms and languages, they used, and, as a result, expanded its methodological foundations and backgrounds.

On the one hand, Russian theologians have organised their own academic association (NOTA), which actualises the frontier character of theology, because only 3 of the 14 members of the Association's council, were hierarchs of the Orthodox Church. On the other hand, in the 2000s and 2010s, theology was able to become one of the topics and directions of the Russian academic periodicals. Several Russian humanitarian journals, including the "*Vestnik Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Teologiya*" ("Bulletin of the Tula State University. Theology", since 2008), "*Aktual'nye problemy pravoslavnoi teologii*" ("Actual problems of Orthodox theology", since 2011), "*Einai: problemy filosofii i teologii*" ("Einai: problems of philosophy and theology", since 2012), "*Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniia i publikatsii po teologii i religii*" ("Religion. Church. Society. Studies and publications on theology and religion", since 2012), "*Studia Humanitatis*" (since 2013), "*Teologiya. Filosofiya. Pravo*" ("Theology. Philosophy. Law", since 2016), "*Teologiya I obrazovanie*" ("Theology and Education", since 2018), "*Visual'naia teologiya*" ("Visual Theology", since 2019), "*Voprosy teologii*" ("Issues of Theology", since 2019) have actually become active in promoting theology.

Theological discourse in these journals is extremely heterogeneous, ranging from religious studies and philosophy to theology, and the institutional affiliations of authors are also very diverse, ranging from academic affiliation to church ministry. Academic journals of the Russian Orthodox Church, including "*Vestnik Ekaterinburgskoi duhovnoi seminarii*" ("Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary"), "*Hristianskoe chtenie*" ("Christian Reading"), "*Bogoslovskii Vestnik*" ("Theological Herald"), "*Vestnik Russkoi hristianskoi gumanitarnoi akademii*" ("Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy"), "*Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*" ("Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University"), also make a significant contribution to the development of theology. Comparing the Church and formally secular academic magazines, it is obvious that they use different languages and modes of description and analysis, forming a heterogeneous and multiple images and dimensions of theology in Russia, which actualise its frontier features in the discourse of modern humanities.

Commenting on the wars between biologists and theologians, Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk, explains their inertia as the expression of “the opposition of religion and science, stemming from the times of forcibly imposed atheism when people were taught that religion is incompatible with science” (Bekshayev, 2018). Russian intellectual, Dmitry Uzlaner, appeals to the authority of academic ethics, believing that the radical statements of biologists, on the one hand, “cast doubt on the adequacy of the speakers”, and, on the other hand, “lead to nothing but new rounds of disciplinary wars and a split in the academic community” (Uzlaner, 2017b), which actualises the frontierness and marginality of the humanities in the eyes of their critics and opponents from natural science.

The dominance or significant role of anti-theological statements in the modern Russian intellectual community opens up several dimensions of its functioning, including heterogeneity, ideological fragmentation, and polarisation. These features of the Russian academic communities inspired and made it possible for the frontier status of some forms of humanities to be seen, including those which became victims of marginalisation during the Soviet period. In fact, the cultivation of atheistic forms of scientific imagination and the dominance of the ideas of academic exclusivity only in natural sciences became the incentives that in the 2000s and 2010s inspired Russian scientists to criticise theology in general and the attempts of the church to integrate it into the system of academic degrees, in particular.

The dominance of such sentiments predetermined the controversial status of theology, turning it into a hostage of the informal peculiarities that emerged as a result of its genesis and institutionalisation in post-Soviet Russia. Therefore, theology in Russian science turned into a frontier case because the church became its inspirer. Humanitarian intellectuals make up the majority of scientists involved in theological studies when biologists, chemists, physicists and other representatives of natural sciences seek to monopolise the status of the defenders of correct, “pure” and true science. Those Russian intellectuals who perceived theology as just another science with the theoretical ability to defend dissertations preferred to insist that consistent critics of theology were unaware that modern Western theology is extremely heterogeneous (Uzlaner, 2017a).

Commenting on the reaction of opponents, Pavel Khondzinsky himself stated that they tried “to return us to the days of the communist past... it is a direct and still not obsolete legacy of the Soviet regime. Militant atheism turned the history of the church, its leaders and faith in general into a collection of cartoons” (Lyutykh, 2017). In this situation, it was noteworthy that critics of the theological dissertation were active in using hate speech to form and promote a negative image of their opponents. It is also obvious that

the arguments of moderate intellectuals were the same in nature, showing the incompleteness of the academic landscape formation in Russia where the dividing lines turned into the frontiers.

The statements of some hierarchs of the Russian Orthodox Church also revealed the frontier nature of theology in the system of university education. For example, Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk, mapped and localised theology between philosophy and cultural studies (Hilarion, 2017), trying to integrate it into university education and the system of academic degrees. These moderate ideas of Hilarion led to the intensification of his criticism by secular scholars, who in 2017 proclaimed him an anti-prize laureate for the active promotion of theology into the education system which is defined by some secular authors as the intervention of pseudoscience. Russian intellectuals including representatives of natural sciences and humanities accepted the return of theology differently. Commenting on the active rejection of theology by some representatives of the academic community and their attempts to ridicule it, Anna Shmaina-Velikanova, Doctor of Cultural Studies (RSUH), argued: “the organisers of this award could take a dissertation of any bishop, for example, the dissertation about sermons and declare: ‘There is low-importance scientific content in this dissertation, the culture is low, the bibliography is only in Russian’. Instead, they chose Metropolitan Hilarion. Could any of those who awarded this prize in pseudoscience take Hilarion’s doctoral dissertation and discuss ancient Syrian theology with him?” (Shmaina-Velikanova, Borisov, Demina, 2017). Such tactics and strategies of secular scientists, including biologists, restore the frontier status of theology with the difference in other cases of academic frontierness. The opponents of theology themselves turned public acts of denial and rejection into a show, actualising their migration outside the academic community.

Representatives of the humanities, understanding the difficulties of returning theology to universities and the contradictions of its status, sympathised the authors of the first Russian theological dissertations. Commenting on the biological criticism of theology, Alexander Kravetsky, Candidate of Philology (V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS) defined it as “incompetent” (Panchin, Kravetsky, Korolkov, 2017). Alexander Korolkov, Doctor of Philosophy (Institute of Human Philosophy of A. I. Herzen Russian State Pedagogical University) stated that the claims of representatives of the natural sciences are inappropriate and incomprehensible (Panchin, Kravetsky, Korolkov, 2017).

The attempts by Russian intellectuals to justify the defence of a theological dissertation revealed the frontier status of theology in Russia, although some Orthodox priests themselves emphasise the presence of theology between various sciences and forms of knowledge, insisting that the personal

experience of some theologians “who began to study theology as believers but finished it as convinced atheists” (Barybina, 2020) indicates difficulties of localising theology among other sciences. For example, Pavel Kostylyov (Moscow State University named after M.V. Lomonosov) assumed that “theology is the quintessence of humanitarian knowledge. Thus, the attack of natural scientists on theology is not a new incident, but it is a completely natural continuation of cultivating hostility towards humanitarian knowledge” (Panchin, Kravetsky, Korolkov, 2017), pointed precisely to the unique place, status and position of theology, which is normal for intellectuals engaged in Humanities and something archaic for natural scientists.

Vladimir Filippov, Chairman of the Higher Attestation Commission, tried to find a compromise in this situation supposing that the state and the church can award their degrees, and the state should create conditions for recognition of religious academic degrees and their further equating to secular ones (Panchin, Kravetsky, Korolkov, 2017). The defence of Pavel Khondzinsky’s dissertation on theology demonstrated numerous situations of frontieriness in the Russian academic community, contradictions between representatives of the humanities and natural sciences, as well as the incompleteness of the process of forming ethical norms and systems of reputation and status in science. Therefore, Anna Danilova (Candidate of Philology, Moscow State University), commenting on the discussions about the first theological dissertation, believed that “it doesn’t matter whether you are a believer or not, what method you use and what you are researching – if you study Church history, Church Slavonic texts or Patristics – you are deliberately obscurantist... A historian who wrote about the Church does not have the right to become a Education Minister, a philologist, studying the textology of the New Testament is not eligible for an academic degree. This is a very unpleasant trend that refers to real discrimination... such claims are unthinkable in the Western academic system” (Panchin, Kravetsky & Korolkov, 2017).

The defence of Pavel Khondzinsky became a frontier case in the actual history of the modern Russian academic community because representatives of the Church, secular scientists and government officials from the Ministry of Education were involved into discussion. Olga Vasilyeva, Education Minister in 2017, commenting on the defence, emphasised that theology is only one of the humanities, and, as a result, there is nothing reprehensible in theological dissertations: “we will defend the dissertation in theology, and we will give a degree in Philosophy, History, Philology, Sociology?... what are you talking about? There is Sociology of Religion, but it is a completely different story... We are defending a thesis in theology, and we get a degree in these areas?... it should not be so because from the beginning it was not so” (Vasilyeva, 2017).

“DO YOU SEE A GOPHER? NO! AND I DON’T SEE IT BUT HERE IT IS!” OR “CALM AFTER THE BATTLE”: THE ILLUSION OF SILENCE AND FORMAL “ABSENCE” OF THEOLOGY IN RUSSIAN MASS MEDIA (2017 – 2020)

“Do you see a gopher? No! And I don’t see it. But here it is!”. This phrase from the Russian comedy film “DMB” became a meme on the Russian Internet. The phrase illustrating the presence or absence of something characterises the current state of theology in the discourse of modern Russian mass media. The defence of Pavel Khondzinsky’s dissertation and the subsequent award of a degree recognized by the state stimulated discussions and debates, which were the frontier in their nature. The forced and voluntary participants of these debates did not limit themselves in arguments, using both academic, general humanitarian, political and ideological motives to criticise their opponents.

Despite the attempts by the moderate segment of the Russian intellectual community to warn radicals preferring to deny theology in general and criticize its incorporation into the education system and academic degrees, theology did not change its frontier status. If some Russian authors believed that theology could become a positive factor theoretically in the development of education and prevention of religious radicalisation, presuming that “theology is an outpost of reason in religious traditions. If you throw theology out of Catholicism, you will never get the Second Vatican Council. If you throw theology out of Protestantism, then you will get blinkered literalist fanatics blowing up abortion clinics... let’s kick theologians out of our society... What do we get? People may think that we will drive out theology, then we will enlighten everyone, religion will disappear, and there will be a society free from religion. Will not be!” (Uzlaner, 2017c), their opponents continued to criticise theology, ignoring moderate viewpoints.

In the period between 2017 and 2020 the Russian academic communities again addressed the problems of theology periodically, emphasising its role and place among sciences and status in the academic community. In 2019 the Russian Orthodox Church, in cooperation with St. Petersburg State University, began publishing the journal “Issues of Theology”. Commenting on the tasks of the new journal, Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk, pointed out the significant interdisciplinary potential of theology and emphasised that the further development of theology in higher education and the system of academic degrees can influence positively the “interreligious world and sustainable development of the state” (Hilarion, 2019b).

The state, including the Ministry of Education and Science and the Higher Attestation Commission, played the role of a moderator in this conflict between representatives of the Russian academic community, but

government measures were not so successful, providing incentives for new discussions. On the one hand, several more theological dissertations were defended, and their authors received state academic degrees, but Russian biologists preferred to ignore these defences. On the other hand, “Theology” supplemented the number of academic specialities in Russia. The Ministry of Education and Science approved the academic passport of “Theology”, replacing the Passport of 2015, which had much in common with the passport of “Philosophy”. The new academic passport did not satisfy secular and religious intellectuals. If the Passport of 2015 allowed defences of theological dissertations with the further award of the Candidate and Doctor academic degrees in History, Philology, Political Science, Art, Pedagogy or Philosophy, then the Passport of 2019 endowed theology with greater independence.

If the Passport of 2015 was had inter-confessional nature, then the Passport of 2019 provided the separation of Orthodox, Islamic and Jewish theologies as academic specialities. The texts of the Passports of 2015 and 2019 had a lot in common because they originated genetically in the depths of the Russian state bureaucracy. Both Passports of academic speciality emphasised the preference to ignore historical Russian and foreign experience. The definitions of the Passport of 2015 are inertial, neo-Soviet and formal in nature because they reduce theology to the analysis of “the system and structure of theology and theological education”, “religious apologetics”, “theological analysis of sacred texts, doctrinal literature and monuments of religious writing”, “theological teachings on the relationship between religious faith and reason” or “theological anthropology”.

The text of the Passport of 2019 is more extensive than the text of the Passport of 2015, actualising the need for an academic analysis of “Christian faith, history and methodology of its studies, Orthodox Christianity in the aggregate of its conceptual-theoretical, practical and cultural-historical expressions... the content of Christian doctrine, the practice of religious life, history and socio-cultural aspects of Orthodox Christianity as a traditional confession for Russia”. On the one hand, these definitions stem from the Passport of 2015 genetically, although the division of possible theological degrees in theology, church history and church law seems more appropriate in the contexts of the restoration of its place in the system of academic degrees. On the other hand, modern humanities are interdisciplinary and thematic vectors of dissertation researches are too diverse. Therefore, the Western experience of the system of theological degrees may be partly applicable or relevant and interesting.

Western universities have a historical tradition of awarding several non-secular academic degrees, including Doctor of Applied Intercultural Studies, Doctor of Clinical Pastoral Counseling, Doctor of Theology, Doctor of Minis-

terial Leadership, Doctor of Ministry, Doctor of Pastoral Music, Doctor of Practical Theology, Doctor of Sacred Theology, Doctor of Theological Ministry, Doctor of Theology, PhD in African American Preaching and Sacred Rhetoric, PhD in Bible, PhD in Biblical and Ancient Near Eastern Archaeology, PhD in Biblical Interpretation and Theology, PhD in Biblical Studies, PhD in Missiology, PhD in Renewal Theology, PhD in Spirituality, PhD in Theological Studies, PhD in Theology and Apologetics.

The American academic degree system in theology is extremely heterogeneous and radically different from the Russian system, which is rooted genetically in the Soviet secular academic degree system. If the heterogeneity of American degrees arose as a result of the development of the university system, the institution of reputations and minimal government participation and control, then the modern Russian attempt to recognise theological degrees officially became an expression of the inconsistency and indecision of the state, manoeuvring between the interests of secular academic groups and religious communities.

The lack of opportunities to obtain academic degrees in Protestant and Catholic theology in the new passport for the academic speciality “Theology” actualise the inconsistency of the secular authorities in regulating the status of theological academic degrees. Fears of Catholic and Protestant expansion in this context seem overstated and exaggerated. The hypothetical emergence of the possibility of obtaining academic degrees in Catholic and Protestant theology cannot provoke an explosive growth of dissertation defences. The status and number of the probable Candidates and Doctors of Catholic / Protestant theology would be comparable, for example, to the positions of the Candidates / Doctors of historical sciences in World history, which numerically inferior to the specialists with academic degrees in Russian history.

CONCLUSIONS

The status of theology in modern Russia continues to remain controversial despite the changes and transformations that have taken place in religious culture, social structure and the system of higher education. Actually, the collapse of the Soviet Union marked the beginning of the processes of religious revival. The tendencies of clericalisation changed the tendencies of secularisation that dominated during the Soviet period. In fact, in post-Soviet Russia, two systems of higher education and, as a result, two different systems of academic degrees coexisted and continue to coexist and function simultaneously.

The secular system of higher education continues to dominate because modern Russia inherited the Soviet organisation of higher education and science, instigating minor changes only while retaining the Soviet systems of

scientific degrees and the mechanisms of reproduction of the academic community. The collapse of the USSR led to the restoration of the Church role in cultural and social life as well as in education. The Russian Orthodox Church, as well as Catholics and Protestants were allowed to develop their educational systems, including systems of academic degrees of candidate and doctor of theology.

In the 1990s and 2010s these two educational systems coexisted simultaneously and developed as parallel but the growing role and rising political and economic influence of the Church stimulated the activity of hierarchs and religious intellectuals integration in the post-Soviet system of secular higher education. The limited expansion of the Church into secular state universities as well as successful development of church universities convinced religious intellectuals and consistently strengthened them in the idea that the emergence and development of theological departments in the secular system of higher education are not enough without integration theology into the secular system of organising science, including neo-Soviet “passports of specialities of scientists” and mechanisms for the defence of dissertations.

The actual Russian experience of defending theological dissertations with further awarding state academic degrees is not very significant. The number of defended candidate and doctoral theological dissertations in Church universities is incomparably greater than the same defences in the secular universities. Despite this negative tendency, the few precedents of successful defences stimulated internal contradictions in the academic community, inspiring its fragmentation and growth of contradictions between the supporters of secular science and those intellectuals interested in the integration of theology into the secular academic system. The few defences of theological dissertations in the state system emphasised the negative tendencies, including ethical contradictions of the Russian academic community, the unwillingness of its secular segment to accept theology as one of the sciences as well as the consistency and determination of the supporters of integrating theology into the existing hierarchy and structure of sciences.

Possible vectors and trajectories of theology development in the modern Russian academic system are still unclear but the author presumes that the first precedents of theological defences, including defences in secular universities, will stimulate a change in theology’s status from the knowledge of the frontier between faith and science into a science comparable to history or philology in criteria of formal representativeness in Russian science.

Unfortunately, several factors complicated this scenario of institutionalisation of theology, including the contradictions between Churches and secular intellectuals, neo-Soviet inertia, secularisation processes as well as

the collective feelings of prejudice in the natural sciences and the pride of theologians as victims of social and cultural discrimination inspired by contradictions and uncompleted secularisation and the economic fears of secular intellectuals, who perceive the emergence of the candidate and doctoral degrees in theology as a step towards clericalisation of society in the country where church and state are formally separate.

The surge of Russian media interest in theology became one of the last intellectual attempts to change the development vectors of the mass media but this attempt was unsuccessful because the Russian media lost interest in theological issues as they were sold poorly, emphasising other subjects that differed from boring and academic theology which is more commercial and successful. The experience of theology in the Russian media and its misadventures in the intellectual mass media once again proved that society is able to consolidate and turn the media into a battlefield. The author presumes that it cannot be ruled out that other intellectual reasons may become new factors of irritation and activation for the Russian cultural mass media. Russian mass media are ambitious enough to play the role of “masters of the thoughts” of Russian society. This effect will be extremely frightening and its consequences will be insignificant in comparison with the same effect of other media because they prefer to promote and visualise other news, including scandals, wars and high life, which can be sold more successfully than theology.

References

- Antonov, K. (2012, September 13). Theology as an academic specialty. Retrieved from Scholasticist website: <http://www.scholast.ru/theology-as-a-science/> (In Russian).
- Barth, K. (1963). *Evangelical Theology: An Introduction*. Grand Rapids, MI: Eerdmans.
- Barybina, Y. (2020, September 16). Priest Mikhail Yurov on the dangers of theology. Retrieved from Archangelsk Diocese website: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/88923> (In Russian).
- Bekshaev, I. (2018). Is Theology a Science or a New "Marxism-Leninism"? Retrieved from Regnum website: <https://regnum.ru/news/society/2371226.html> (In Russian).
- Biezais, H. (1943). *Kristiānisms laikmetu maiņā [Christianity in changing times]*. Rīga: A. Gulbis. (In Latvian).
- Biezais, H. (1953). *Kristiānisms, nacionālisms, humanisms [Christianity, nationalism, humanism]*. Stokholma: Imanta. (In Latvian).
- Bokov, G. (2013). The Specificity of Secular Theology and the Problems of Christian Self-Determination in the Contemporary World. *Vestnik of St. Petersburg State University. Series 17*, (1), 108–112. (In Russian).

- Elbakian, E. (2015, October 17). Again on theology. Retrieved from Scholast website: <http://www.scholast.ru/more-about-theology/> (In Russian).
- Feldmanis, R. (1935). *Apvienošanās iespējas mūsdienu protestantismā [Possibilities of Unification in Contemporary Protestantism]*. Rīga: Latvijas Universitāte. (In Latvian).
- Gaginsky, A. (2019). To be or not to be? The Idea of God in Philosophical Theology. *Issues of Theology*, (1), 41–55. doi: 10.21638/spbu28.2019.104 (In Russian).
- Gaidamavičius-Gaida, P. (1974). *Krikščionis tarp kolektyvizmo ir individualizmo [The Christian between collectivism and individualism]*. Roma: Lietuvių katalikų mokslo akademija. (In Lithuanian).
- Glickman, E. (2017, June 5). God's Pokémon in the Temple of Science. The first defense of a theology dissertation in Russia took place. Including one from biologists and journalists. Retrieved from Novaya Gazeta website: https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/03/72686-bozhi-pokemony-v-hrame-nauki?utm_source=push (In Russian).
- Golubev, A., Sergeev, A., & Drozdova, D. (2017, March 31). 'Theology shapes critical knowledge': Russian scholars argue about theology. Retrieved from Scholast website: <http://www.scholast.ru/more-about-theology/> (In Russian).
- Hägglund, B. (1997). *Trons monster. En handledning i dogmatik [Tron's monster. A Guide to Dogmatics]*. Arcus. (In Swedish).
- Hägglund, B. (2003). *Teologins historia: En dogmhistorisk översikt [The history of theology: An overview of the history of dogma]*. Arcus. (In Swedish).
- Hägglund, B. (2011). *Kunskapsteori och metafysik i teologin – en idéhistorisk tillbakablick [Theory of knowledge and metaphysics in theology—A historical review of ideas]*. Arcus (In Swedish).
- Hilarion, Metropolitan V. (2011a, October 6). Theology and the Secular Sciences. Retrieved from Scholast website: <http://www.scholast.ru/theology-and-secular-sciences/> (In Russian).
- Hilarion, Metropolitan V. (2011b, October 6). The Ecclesiastical and the Secular in Humanities Science. Retrieved from Scholast website: <http://www.scholast.ru/church-and-secular-in-the-humanities/> (In Russian).
- Hilarion, Metropolitan V. (2017a, March 29). Theology is the scientific grounding of the religious worldview. Retrieved from Scholast website: <http://www.scholast.ru/alfeev-theology/> (In Russian).
- Hilarion, Metropolitan V. (2017b, June 14). Theology in Modern Russia: Formation of the Branch. Retrieved from Patriarchy.ru. Official website of the Moscow Patriarchate. website: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4934526.html> (In Russian).
- Hilarion, Metropolitan V. (2019a). Theology in Modern Russia. Toward the publication of a new journal. *Issues in Theology*, 1(1), 3–8. doi: 10.21638/spbu28.2019.101 (In Russian).
- Hilarion, Metropolitan V. (2019b, May 22). Theology and Theological Education: Perspectives for Development. Retrieved from Patriarchy.ru. Official website of the Moscow Patriarchate. website: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5438957.html> (In Russian).

- Hondzinski, P. (2017, September 5). Our overriding idea is to restore the rights of theological science. Retrieved from Tatiana Day. MSU Online Journal. website: <https://taday.ru/text/2211884.html> (In Russian).
- Kosovan, A. (2017, March 3). "There are things that can only be explained by theology". The story of a priest who is defending Russia's first theology dissertation. Retrieved from Snob website: <https://snob.ru/selected/entry/121424/> (In Russian).
- Kotlyar, P. (2015). Instead of coming from three grandmothers, the priests will go to RGSU". What is the threat of the VAK's introduction of the specialty of "theology". Retrieved from Gazeta.ru website: https://www.gazeta.ru/science/2015/10/13_a_7816751.shtml (In Russian).
- Kulikova, A. (2020, October 25). Religious scholar names difficulties associated with teaching theology at MEPhI. Retrieved from Vzglyad. Delovaya Gazeta. website: <https://vz.ru/news/2020/10/25/1067196.html> (In Russian).
- Kundiņš, K. (1931). *Kristus: Personība, dzīve un mācība [Christ: Personality, life and teaching]*. Rīga: A. Raņķa grāmatu tirgotavas apgādībā. (In Latvian).
- Küng, G. (2000). *The Great Christian Thinkers*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Küng, H. (1984). Paradigmenwechsel in der Theologie: Versuch einer Grundlagenerklärung [Paradigm Shift in Theology: An Attempt at a Basic Explanation]. In H. Küng & D. Tracy, *Theologie – wohin? Auf dem Weg zu einem neuen Paradigma [Theology—Where to? On the way to a new paradigm]* (pp. 37–75). Zürich: Guetersloher Verlagshaus. [In German].
- Küng, H. (1985). Theologie auf dem Weg zu einem neuen Paradigma [Theology on the way to a new paradigm]. In J. R. Hauer, *Entwürfe der Theologie [Drafts of theology]* (pp. 181–207). Graz: Styria. (In German).
- Küng, H. (1994). *Große christliche Denker [Great Christian thinkers]*. München: Piper. (In German).
- Levin, V. (2017, August 15). Where We're Going. Retrieved from Troitsky variant website: <https://trv-science.ru/2017/08/kuda-my-idem/> (In Russian).
- Lubac, H. de. (1999). *Le drame de l'humanisme athée [The drama of atheistic humanism]*. Paris: Cerf. (In French).
- Lubac, H. de. (2003). *Catholicisme. Les aspects sociaux du dogme [Catholicism. The social aspects of the dogma]*. Paris: Cerf. (In French).
- Lubac, H. de. (2013). *Esprit et liberté dans la tradition théologique. Suivi de Petite catéchèse sur nature et grâce [Spirit and freedom in the theological tradition. Followed by Small catechesis on nature and grace]*. Paris: Cerf. (In French).
- Lyutykh, S. (2017, July 21). "It is something of a self-reflection of the Church." First Candidate in Theology on why the discipline is worthy of being called a science. Retrieved from Lenta.ru website: <https://lenta.ru/articles/2017/07/21/teologia/> (In Russian).
- Maceina, A. (1970). *Bažnyčia ir pasaulis [The Church and the world]*. Čikaga: "Krikščionis gyvenime" knygų serijos. (In Lithuanian).

- Maceina, A. (1971). *Didieji dabarties klausimai [The big questions of our time]*. Čikaga: "Krikščionis gyvenime" knygų serijos. (In Lithuanian).
- Makeeva, A., Korobov, P., & Labutina, D. (2016, August 11). Theology has been elevated to an academic degree. Theology is officially recognized as a science in Russia. Retrieved from Kommersant website: <https://www.kommersant.ru/doc/3060218> (In Russian).
- Maldonis, V. (1939). *Evanģeliskā dogmātika [Evangelical dogmatics]*. Rīgā: Latvijas Universitāte. (In Latvian).
- Malimonova, S. (2015). Christian Tradition and Modernism: Approaches to Understanding the Problem. *Bulletin of V.N. Tatishchev Volga University*, (4), 220–230. (In Russian).
- Muravyev, A. (2013, October 10). Theology in medical schools: Why it won't work. Retrieved from Polit.ru website: https://polit.ru/article/2013/10/10/teologiya_med/ (In Russian).
- Muravyov, A. (2017, November 21). Theology has no place in higher education, but there is no need to throw stones at it. Retrieved from Troitsky variant website: <https://trv-science.ru/2017/11/aleksei-muravyov-teology/> (In Russian).
- Niebuhr, R. (1930). *Leaves from the Notebook of a Tamed Cynic*. NY: Richard R. Smith.
- Niebuhr, R. (1932). *Moral Man and Immoral Society: A Study of Ethics and Politics*. NY: Charles Scribner's Sons.
- Niebuhr, R. (1935). *Interpretation of Christian Ethics*. NY: Harper and Brothers.
- Niebuhr, R. (1956). *The Purpose of the Church and Its Ministry*. NY: Harper.
- Niebuhr, R. (1958). *Christ and Culture*. NY: Harper Collins.
- Niebuhr, R. (1988). *The Kingdom of God in America*. Middletown: Wesleyan University Press.
- Niebuhr, R. (1993). *Radical Monotheism and Western Culture: With Supplementary Essays*. Louisville: Westminster John Knox Press.
- Panchin, A. (2017a, March 8). Five crosses to the grave of theology: Alexander Panchin on why it cannot be considered science. Alexander Panchin's response to theses in defense of theology. Retrieved from The Indicator website: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tezisy-protiv-teologii-panchin.htm> (In Russian).
- Panchin, A. (2017b, September 6). Theology is not science, but religion under the guise of science. Retrieved from Tatiana Day. MSU Online Journal. website: <https://taday.ru/text/2212000.html> (In Russian).
- Panchin, Y., Kravetsky, A., & Korolkov, A. (2017, May 26). First Dissertation in Theology: Who and Why Criticizes? And who criticizes the science taught by the best universities in the world. Retrieved from Pravmir website: <https://www.pravmir.ru/pochemu-kritika-dissertatsii-po-teologii-1/> (In Russian).
- Shchipkov, A. (2019, April 10). The Future of Theology: Why Russia Needs to Develop its School. How Russians can avoid becoming submissive consumers of other people's ideas. Retrieved from Nezavisimaya Gazeta website: https://www.ng.ru/kartblansh/2019-04-10/3_7553_kartblansh.html (In Russian).

- Shevtsov, N. (2020, September 4). Why theology is not science. Retrieved from Popular Mechanics website: <https://www.popmech.ru/editorial/616363-pochemu-teologiya-ne-nauka/> (In Russian).
- Shmaina-Velikanova, A., Borisov, M., & Demina, N. (2017, December 19). "Theology can be taught but should not be implemented." Retrieved from Troitsky variant. website: <https://trv-science.ru/2017/12/teologiyu-mozhno-prepodavat-no-ne-sleduet-vnedryat/> (In Russian).
- Shmonin, D. (2019). Scientific rationality and the "return to theology". *Issues in Theology*, (3), 280–306. doi: 10.21638/spbu28.2019.301 (In Russian).
- Snisarenko, Y. (2020). Theology in the International Scientific and Educational Space. *Issues in Theology*, 2(1), 118–136. doi: 10.21638/spbu28.2020.108 (In Russian).
- Tillich, P. (1951). *Systematic Theology* (Vol. 1). Chicago: University of Chicago Press.
- Tillich, P. (1957). *Systematic Theology* (Vol. 2). Chicago: University of Chicago Press.
- Tillich, P. (1963). *Systematic Theology* (Vol. 3). Chicago: University of Chicago Press.
- Tyurenkov, M. (2016, February 8). Theology: Intruder or ancestor of the sciences? Retrieved from Tsargrad website: https://tsargrad.tv/articles/teologija-nezvanaja-gostja-ili-rodonachalnica-nauk_4359 (In Russian).
- Tyurenkov, M. (2018, November 2). Archpriest Dimitriy Leskin: "Theology is steadily entering the educational space of Russia." Retrieved from Tsargrad website: https://tsargrad.tv/articles/protoierej-dimitrij-leskin-teologija-uverenno-vhodit-v-obrazovatelnoe-prostranstvo-rossii_167077 (In Russian).
- Uglanov, F. (2017, July 30). Protopriest's degree revoked. Scholars appeal the awarding of the first degree in theology. Retrieved from Gazeta.ru website: https://www.gazeta.ru/science/2017/07/30_a_10811336.shtml (In Russian).
- Uzlaner, D. (2017a, March 7). Ten theses in defense of theology as a scientific discipline. On the God hypothesis, pseudoscience, and the rational approach to religion. Retrieved from The Indicator. website: <https://indicator.ru/humanitarian-science/teologiya-kak-nauka.htm> (In Russian).
- Uzlaner, D. (2017b, March 9). A call for complexity in an age of simplicity: New arguments for theology. Retrieved from The Indicator. website: <https://indicator.ru/humanitarian-science/teologiya-bog-religiya-gumanitarnye.htm> (In Russian).
- Uzlaner, D. (2017c, March 16). Academic theology can be confessional, extra-confessional, non-religious, and even atheistic. Retrieved from Scholast website: <http://www.scholast.ru/akademicheskaja-teologija-mozhet-byt-vnekonfessionalnoj/> (In Russian).
- Vasilyeva, O. (2019, August 8). The first scientist-theologian in the Russian Federation received a PhD degree. The head of the Russian Ministry of Education and Science, Vasilyeva, read the thesis of the archpriest and considered it good. Retrieved from Interfax website: <https://www.interfax.ru/russia/573909> (In Russian).
- Wise, R. (2017). Recognize theology as pseudoscience. Retrieved from. Change.org website: <https://www.change.org/p/> (In Russian).

Список литературы

- Barth, K. (1963). *Evangelical Theology: An Introduction*. Grand Rapids, MI: Eerdmans.
- Biezais, H. (1943). *Kristiānisms laikmetu maiņā [Christianity in changing times]*. Rīga: A. Gulbis. (In Latvian).
- Biezais, H. (1953). *Kristiānisms, nacionālisms, humanisms [Christianity, nationalism, humanism]*. Stokholma: Imanta. (In Latvian).
- Feldmanis, R. (1935). *Apvienošanās iespējas mūsdienu protestantismā [Possibilities of Unification in Contemporary Protestantism]*. Rīga: Latvijas Universitāte. (In Latvian).
- Gaidamavičius-Gaida, P. (1974). *Krikščionis tarp kolektyvizmo ir individualizmo [The Christian between collectivism and individualism]*. Roma: Lietuvių katalikų mokslo akademija. (In Lithuanian).
- Hägglund, B. (1997). *Trons monster. En handledning i dogmatik [Tron's monster. A Guide to Dogmatics]*. Arcus. (In Swedish).
- Hägglund, B. (2003). *Teologins historia: En dogmhistorisk översikt [The history of theology: An overview of the history of dogma]*. Arcus. (In Swedish).
- Hägglund, B. (2011). *Kunskapsteori och metafysik i teologin – en idéhistorisk tillbakablick [Theory of knowledge and metaphysics in theology—A historical review of ideas]*. Arcus (In Swedish).
- Kundziņš, K. (1931). *Kristus: Personība, dzīve un mācība [Christ: Personality, life and teaching]*. Rīga: A. Raņķa grāmatu tirgotavas apgādībā. (In Latvian).
- Küng, H. (1984). Paradigmenwechsel in der Theologie: Versuch einer Grundlagenerklärung [Paradigm Shift in Theology: An Attempt at a Basic Explanation]. In H. Küng & D. Tracy, *Theologie – wohin? Auf dem Weg zu einem neuen Paradigma [Theology—Where to? On the way to a new paradigm]* (pp. 37–75). Zürich: Guetersloher Verlagshaus. [In German].
- Küng, H. (1985). Theologie auf dem Weg zu einem neuen Paradigma [Theology on the way to a new paradigm]. In J. R. Hauer, *Entwürfe der Theologie [Drafts of theology]* (pp. 181–207). Graz: Styria. (In German).
- Küng, H. (1994). *Große christliche Denker [Great Christian thinkers]*. München: Piper. (In German).
- Lubac, H. de. (1999). *Le drame de l'humanisme athée [The drama of atheistic humanism]*. Paris: Cerf. (In French).
- Lubac, H. de. (2003). *Catholicisme. Les aspects sociaux du dogme [Catholicism. The social aspects of the dogma]*. Paris: Cerf. (In French).
- Lubac, H. de. (2013). *Espirit et liberté dans la tradition théologique. Suivi de Petite catéchèse sur nature et grâce [Spirit and freedom in the theological tradition. Followed by Small catechesis on nature and grace]*. Paris: Cerf. (In French).
- Maceina, A. (1970). *Bažnyčia ir pasaulis [The Church and the world]*. Čikaga: “Krikščionis gyvenime” knygų serijos. (In Lithuanian).

- Maceina, A. (1971). *Didieji dabarties klausimai [The big questions of our time]*. Čikaga: “Krikščionis gyvenime” knygų serijos. (In Lithuanian).
- Maldonis, V. (1939). *Evanġeliskā dogmātika [Evangelical dogmatics]*. Rīgā: Latvijas Universitāte. (In Latvian).
- Niebuhr, R. (1930). *Leaves from the Notebook of a Tamed Cynic*. NY: Richard R. Smith.
- Niebuhr, R. (1932). *Moral Man and Immoral Society: A Study of Ethics and Politics*. NY: Charles Scribner's Sons.
- Niebuhr, R. (1935). *Interpretation of Christian Ethics*. NY: Harper and Brothers.
- Niebuhr, R. (1956). *The Purpose of the Church and Its Ministry*. NY: Harper.
- Niebuhr, R. (1958). *Christ and Culture*. NY: Harper Collins.
- Niebuhr, R. (1988). *The Kingdom of God in America*. Middletown: Wesleyan University Press.
- Niebuhr, R. (1993). *Radical Monotheism and Western Culture: With Supplementary Essays*. Louisville: Westminster John Knox Press.
- Tillich, P. (1951). *Systematic Theology* (Vol. 1). Chicago: University of Chicago Press.
- Tillich, P. (1957). *Systematic Theology* (Vol. 2). Chicago: University of Chicago Press.
- Tillich, P. (1963). *Systematic Theology* (Vol. 3). Chicago: University of Chicago Press.
- Антонов, К. (2012, сентябрь 13). Теология как научная специальность. Извлечено от Схоласт website: <http://www.scholast.ru/theology-as-a-science/>
- Барыбина, Ю. (2020, сентябрь 16). Священник Михаил Юров об опасности теологии. Извлечено от Архангельская епархия website: <http://www.arh-eparhia.ru/publications/88923>
- Бекшаев, И. (2018). Теология – наука или новый «марксизм-ленинизм»? Извлечено от Регнум website: <https://regnum.ru/news/society/2371226.html>
- Боков, Г. (2013). Специфика секулярной теологии и проблемы христианского самоопределения в современном мире. *Вестник СПбГУ. Серия 17*, (1), 108–112.
- Васильева, О. (2019, август 8). Первый ученый-теолог в РФ получил диплом кандидата наук. Глава Минобрнауки РФ Васильева читала диссертацию протоиерея и сочла ее хорошей. Извлечено от Интерфакс website: <https://www.interfax.ru/russia/573909>
- Гагинский, А. (2019). Быть или не быть? Идея Бога в философской теологии. *Вопросы теологии*, (1), 41–55. doi: 10.21638/spbu28.2019.104
- Гликман, Е. (2017, июнь 5). Божьи покемоны в храме науки. В России состоялась первая защита диссертации по теологии. В том числе – от биологов и журналистов. Извлечено от Новая газета website: https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/03/72686-bozhi-pokemony-v-hrame-nauki?utm_source=push
- Голубев, А., Сергеев, А., & Дроздова, Д. (2017, март 31). Теология формирует критическое знание»: Российские ученые спорят о теологии. Извлечено от Схоласт website: <http://www.scholast.ru/more-about-theology/>

- Иларион, митрополит В. (2011a, октябрь 6). Богословие и светские науки. Извлечено от Схоласт website: <http://www.scholast.ru/theology-and-secular-sciences/>
- Иларион, митрополит В. (2011b, октябрь 6). Церковное и светское в гуманитарной науке. Извлечено от Схоласт website: <http://www.scholast.ru/church-and-secular-in-the-humanities/>
- Иларион, митрополит В. (2017a, март 29). Теология – это научное обоснование религиозного мировоззрения. Извлечено от Схоласт website: <http://www.scholast.ru/alfeev-theology/>
- Иларион, митрополит В. (2017b, июнь 14). Теология в современной России: Становление отрасли. Извлечено от Патриархия.ru. Официальный сайт Московского Патриархата website: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4934526.html>
- Иларион, митрополит В. (2019a). Теология в современной России. К изданию нового журнала. *Вопросы теологии*, 1(1), 3–8. doi: 10.21638/spbu28.2019.101
- Иларион, митрополит В. (2019b, май 22). Теология и теологическое образование: Перспективы развития. Извлечено от Патриархия.ru. Официальный сайт Московского Патриархата website: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5438957.html>
- Косован, А. (2017, март 3). «Есть вещи, объяснимые только теологией». История священника, который защищает первую в России диссертацию по богословию. Извлечено от Сноб website: <https://snob.ru/selected/entry/121424/>
- Котляр, П. (2015). Вместо прихода из трех бабок попы пойдут в РГГУ». Чем грозит введение ВАК специальности «теология». Извлечено от Газета.ру website: https://www.gazeta.ru/science/2015/10/13_a_7816751.shtml
- Куликова, А. (2020, октябрь 25). Религиовед назвал связанные с преподаванием теологии в МИФИ сложности. Извлечено от Взгляд. Деловая газета website: <https://vz.ru/news/2020/10/25/1067196.html>
- Кюннг, Г. (2000). *Великие христианские мыслители*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Левин, В. (2017, август 15). Куда мы идем. Извлечено от Троицкий вариант website: <https://trv-science.ru/2017/08/kuda-my-idem/>
- Лютых, С. (2017, июль 21). «Это что-то вроде саморефлексии Церкви». Первый кандидат теологии о том, почему эта дисциплина достойна называться наукой. Извлечено от Лента.ру website: <https://lenta.ru/articles/2017/07/21/teologia/>
- Макеева, А., Коробов, П., & Лабутина, Д. (2016, август 11). Богословие возвели в ученую степень. Теология в России официально признана наукой. Извлечено от Коммерсант website: <https://www.kommersant.ru/doc/3060218>
- Малимонова, С. (2015). Христианская традиция и модернизм: Подходы к пониманию проблемы. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, (4), 220–230.
- Мудрый, Р. (2017). Признать теологию лженаукой. Извлечено от Change.org website: <https://www.change.org/p/>
- Муравьев, А. (2013, октябрь 10). Теология в медвузах: Почему не получится. Извлечено от Полит.ру website: https://polit.ru/article/2013/10/10/teologiya_med/

- Муравьев, А. (2017, ноябрь 21). Теологии нет места в вузах, но в нее не нужно кидать камни,. Извлечено от Троицкий вариант website: <https://trv-science.ru/2017/11/aleksei-muravyov-teology/>
- Панчин, А. (2017а, март 8). Пять крестов на могилу теологии: Александр Панчин о том, почему она не может считаться наукой. Ответ Александра Панчина на тезисы в защиту теологии. Извлечено от Индикатор website: <https://indicator.ru/humanitarian-science/tezisy-protiv-teologii-panchin.htm>
- Панчин, А. (2017b, сентябрь 6). Теология – не наука, а религия под видом науки. Извлечено от Татьяна день. Интернет-журнал МГУ website: <https://taday.ru/text/2212000.html>
- Панчин, Ю., Кравецкий, А., & Корольков, А. (2017, май 26). Первая диссертация по теологии: Кто и почему критикует? И кто критикует науку, которой учат лучшие университеты мира. Извлечено от Правмир website: <https://www.pravmir.ru/pochemu-kritika-dissertatsii-po-teologii-1/>
- Снисаренко, Ю. (2020). Теология в международном научно-образовательном пространстве. *Вопросы теологии*, 2(1), 118–136. doi: 10.21638/spbu28.2020.108
- Тюренков, М. (2016, февраль 8). Теология: Незваная гостя или родоначальница наук? Извлечено от Царьград website: https://tsargrad.tv/articles/teologija-nezvanaja-gostja-ili-rodonachalnica-nauk_4359
- Тюренков, М. (2018, ноябрь 2). Протоиерей Димитрий Лескин: «Теология уверенно входит в образовательное пространство России». Извлечено от Царьград website: https://tsargrad.tv/articles/protoierej-dimitrij-leskin-teologija-uverenno-vhodit-v-obrazovatelnoe-prostranstvo-rossii_167077
- Угланов, Ф. (2017, июль 30). Протоиерея степени лишают. Ученые обжаловали присуждение первой ученой степени по теологии. Извлечено от Газета.ру website: https://www.gazeta.ru/science/2017/07/30_a_10811336.shtml
- Узланер, Д. (2017а, март 7). Десять тезисов в защиту теологии как научной дисциплины. О гипотезе Бога, лженаучности и рациональном подходе к религии. Извлечено от Индикатор website: <https://indicator.ru/humanitarian-science/teologiya-kak-nauka.htm>
- Узланер, Д. (2017b, март 9). Призыв к сложности в век простоты: Новые доводы в защиту теологии. Извлечено от Индикатор website: <https://indicator.ru/humanitarian-science/teologiya-bog-religiya-gumanitarnye.htm>
- Узланер, Д. (2017с, март 16). Академическая теология может быть конфессиональной, внеконфессиональной, внерелигиозной и даже атеистической. Извлечено от Схоласт website: <http://www.scholast.ru/akademicheskaja-teologija-mozhet-byt-vnekonfessionalnoj/>
- Хондзинский, П. (2017, сентябрь 5). Наша сверхидея — восстановление прав богословской науки. Извлечено от Татьяна день. Интернет-журнал МГУ website: <https://taday.ru/text/2211884.html>
- Шевцов, Н. (2020, сентябрь 4). Почему теология – не наука. Извлечено от Популярная механика website: <https://www.popmech.ru/editorial/616363-pochemu-teologiya-ne-nauka/>

- Шмаина-Великанова, А., Борисов, М., & Демина, Н. (2017, декабрь 19). «Теологию можно преподавать, но не следует внедрять». Извлечено от Троицкий вариант website: <https://trv-science.ru/2017/12/teologiyu-mozhno-prepodavat-no-ne-sleduet-vnedryat/>
- Шмонин, Д. (2019). Научная рациональность и «возвращение к теологии». *Вопросы теологии*, (3), 280–306. doi: 10.21638/spbu28.2019.301
- Щипков, А. (2019, апрель 10). Будущее теологии: Почему России надо развивать свою школу. Как русским не стать покорными потребителями чужих идей. Извлечено от Независимая газета website: https://www.ng.ru/kartblansh/2019-04-10/3_7553_kartblansh.html
- Элбакян, Е. (2015, октябрь 17). И снова о теологии. Извлечено от Схоласт website: <http://www.scholast.ru/more-about-theology/>

THE MOBILIZATION OF YOUTH POLITICAL PROTEST AND RUSSIAN VIDEO BLOGGERS: COGNITIVE MAPPING RESULTS

Anna V. Shentyakova¹ (a) & Nikolai V. Grishin² (a)

(a) St. Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia

Abstract

The paper presents the results of using the cognitive mapping method to analyze the messages from video bloggers which were popular among Russian youth and covered protest actions in Russia in 2019-2020. The cognitive mapping method has not previously been used to interpret the information messages of representatives of the protest movement in modern Russia. The objective of the study is to identify the value systems, priorities, individual logical chains of opinion leaders in the Russian language segment of YouTube video hosting. The research sample was based on a two-step model, including the selection of 20 video bloggers who are considered to be the most popular among Russian protest youth as well as the selection of information materials for further analysis. For each leader of public opinion, several cognitive maps were built regarding the coverage of protest actions in 3 cases (the protests in Yekaterinburg in 2019, in Moscow after the Moscow City Duma elections in 2019 and in Khabarovsk in 2020). The cognitive mapping method made it possible to analyze the perception and interpretation of the protest actions taken by public opinion leaders who are opposed to the ruling party. The results of cognitive mapping reveal the value systems of the interpreters of political events who are popular among young people. The system of values, expressed in the interpretation of protest actions, presupposes the dominance of liberal guidelines, ideas of the rule of law and civil society.

Keywords

political protest; video blogging; online mobilization; online political participation; Russian youth; political mobilization; mobilizing youth; cognitive mapping; opposition; opposition blogs

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: anna_pedagog@mail.ru

2 Email: nvgrishin@mail.ru

МОБИЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА МОЛОДЕЖИ И РОССИЙСКИЕ ВИДЕОБЛОГЕРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОГНИТИВНОГО КАРТИРОВАНИЯ

Шентякова Анна Владимировна¹ (а), Гришин Николай Владимирович² (а)

(а) Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты применения метода когнитивного картирования для анализа сообщений популярных среди российской молодежи видеоблогеров о протестных акциях в России в 2019-2020 гг. Метод когнитивного картирования ранее не использовался для интерпретации информационных сообщений представителей протестного движения в современной России. Задачей исследования было выявление ценностных установок, приоритетов, индивидуальных логических цепочек лидеров общественного мнения в русскоязычном сегменте видеохостинга YouTube. Выборка исследования строилась по 2 ступенчатой модели, включающей отбор 20 наиболее популярных у российской протестной молодежи видеоблогеров и отбор информационных материалов для последующего анализа. Для каждого лидера общественного мнения было построено несколько когнитивных карт относительно освещения протестных акций по 3 кейсам (протесты в Екатеринбурге в 2019 г., в Москве после выборов в Мосгордуму в 2019 г., в Хабаровске в 2020 г.). Метод когнитивного картирования позволил проанализировать восприятие и интерпретацию лидерами общественного мнения, которые оппозиционно настроены по отношению к власти, акций протеста. Результаты когнитивного картирования раскрывают ценностную систему популярных среди молодежи интерпретаторов политических событий. Система ценностей, выраженная в интерпретации протестных акций, предполагает доминирование либеральных ориентиров, идей правового государства и гражданского общества.

Ключевые слова

политический протест; видеоблогинг; онлайн мобилизация; политическое онлайн участие; российская молодежь; политическая мобилизация; мобилизация молодежи; когнитивное картирование; оппозиция; оппозиционные блоги

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: anna_pedagog@mail.ru

2 Email: nvgrishin@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Влияние видеоблогеров на молодежь современной России находится в центре внимания как исследователей, так и практиков политического управления. Значительный приток молодежи в российское оппозиционное движение был признан в 2017 г. (Лагутин & Шентякова, 2018), в частности, после выхода видеоролика «Он вам не Димон» (Морозова, 2018). В специфических условиях существования традиционных СМИ в современной России и продолжающегося падения их популярности можно ожидать усиление значимости интернет-блогеров для процесса формирования политического сознания и поведения российской молодежи (Соколов & Палагичева, 2020; Гришин & Линдерс, 2020).

Научная проблема, решению которой способствует данная статья, заключается в отсутствии знаний об особенностях мобилизующего воздействия российских видеоблогеров оппозиционной направленности на молодежную аудиторию. В исследованиях политического видеоблогинга в России фокус внимания обычно сосредоточен на вопросах политической направленности блогеров, степени их радикальности или умеренности (Роменков, 2008), речевых особенностей и т. д. (Шарапов, 2017). За пределом внимания остаются методы и формы мобилизующего воздействия видеоблогеров, в частности, способы распространения ценностных установок. Между тем, анализ сообщений, транслируемых популярными видеоблогерами, способен расширить наши знания о потенциале и особенностях политической мобилизации посредством современных информационных средств.

Целью данной статьи является выявление ценностных и мобилизующих компонентов в информационных обзорах наиболее популярных российских молодежных видеоблогеров, способных оказывать влияние на ценностные установки, смыслы и взгляды молодежной части аудитории при освещении и интерпретации политических протестов.

Теоретическим ориентиром исследования выступает теория «двухступенчатой коммуникации» в ее адаптации к современной эпохе использования новых информационных технологий. Применяя данную теорию, мы следовали апробированному в ее рамках подходу, в соответствие с которым популярные блогеры могут быть рассмотрены как лидеры общественного мнения, оказывающие влияние на аудиторию в специфических условиях сетевого общества (Karlsen, 2015). Рассмотрение блогеров как лидеров общественного мнения соответствует исследуемой в данной статье ситуации,

поскольку выбранные для анализа блогеры фигурируют в числе лиц, признанных наиболее популярными медийными персонами у молодежной аудитории.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Когнитивное картирование – один из качественных методов анализа текстовых данных, который позволяет измерить психологические параметры политических лидеров или других политических субъектов. Данный метод был разработан в рамках когнитивной психологии для поиска в структуре мышления отдельного человека устойчивых конструкций познания и понимания окружающей реальности (Olazabal et al, 2018). Операционный код традиционно определяется как система когнитивных конструкций, которая используется политическим актором при анализе им конкретных политических ситуаций относительно постоянно, что и делает возможным ее выявление (Gray et al, 2015).

Процедура когнитивного картирования сочетает в себе два компонента:

- 1) психологический элемент направлен на поиск категорий и базовых смысловых понятий;
- 2) статистическая составляющая предполагает подсчет связей между категориями и анализ связей между ними. «Содержит три последовательные процедуры:
 - а) определение суждений, терминов, устойчивых выражений, которыми оперирует политический деятель;
 - б) указание существующих между высказываниями причинно-следственных связей;
 - с) оценку значимости, устойчивости и «плотности» причинно-следственных связей между тематическими высказываниями» (Попова, 2009).

С середины XX века разрабатываются и совершенствуются методики проведения и анализа индивидуальных когнитивных карт (Авдеева & Коврига, 2014). Одним из первых разработчиков в этой области считается Н. Лейтес, который предложил термин «операционный код» в работах «Операционный код политбюро» и «Исследование большевизма» в начале 50-х годов (Leites, 1951). Предложенная им методика активно разрабатывалась и развивалась Р. Абельсоном

(Abelson, 1979), Р. Аксельродом (Axelrod, 1976), М. Бонэм, Д. Херадсвейт, М. Шапиро и др. Р. Аксельрод предложил рассматривать когнитивную карту как «совокупность утверждений, связанных между собой каузальными связями. Посредством подобных каузальных связей выстраиваются цепочки последовательных утверждений, которые и формируют “картину мира” лица, принимающего решения по определенному вопросу». По мнению Аксельрода Р. создание подобной когнитивной карты, позволяет прогнозировать логику принятия решений, систему приоритетов целеполагания отдельного человека на основании узловых категорий и мыслительных цепочек связей между ними (1976).

В прикладной политологии данный метод используется для исследования широкого спектра проблем: процессов принятия решений в сфере государственного управления, для оценки стратегий участников конфликта, построение карт представителей политической элиты, анализа ценностных «картин мира» лидеров государств в компаративных исследованиях международных процессов и отношений.

Одним из активно развивающихся направлений можно считать исследования ценностных картин, дискурсивных практик и цифровых профилей активных участников сетевых сообществ (Бродовская & Домбровская, 2020). За последние 20 лет интенсивно развиваются методики и подходы конструирования коллективных когнитивных карт (Wang et al, 2018). В рамках этого направления выделяют две техники: 1) технику агрегирования, которая на первом шаге анализа данных предполагает разработку индивидуальных карт, на втором шаге объединяющихся в единую; и 2) коллективную технику, которая делает акцент на иной стратегии, когда в ходе групповой работы строится одна общая карта.

«В то время как агрегирование обеспечивает комплексное представление по проблемной ситуации с учетом разнообразия индивидуальных представлений о ней, коллективный подход направлен, в первую очередь, на достижение общего понимания в команде по исследуемой проблемной ситуации» (Авдеева & Коврига, 2014).

В данном исследовании будут приведены результаты коллективных когнитивных карт, построенных с использованием техники агрегирования.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВИДЕОБЛОГИНГ В РОССИИ И ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Под лидерами общественного мнения понимаются блогеры, журналисты и другие публичные люди, которые в своей постоянной повестке дня обсуждают, комментируют социально-значимые, общественно важные политические темы.

«В коммуникационном пространстве лидеры мнений “социального типа” выполняют функцию точек кристаллизации, структурирующих информационное пространство. При этом разница их мировоззренческих позиций менее важна, чем само наличие продуманного мировоззрения. Таким образом, социальные блогеры формируют в информационном пространстве некую “кристаллическую решетку”, в узлах которой находятся важные для социума и часто дополняющие друг друга социально-мировоззренческие позиции» (Витвинчук и др., 2017, с. 97).

Они выступают как активные ключевые коммуникаторы, которые интерпретируют и конструируют смыслы политических событий для своего молодежного сегмента аудитории (Абросимова и др., 2017; Сотрудничество, 2018, с. 56). Характер подачи информационных материалов, сочетание различных техник привлечения внимания к акциям протеста, подчеркивание самопозиционирования и самоидентичности в конфликтных ситуациях позволяет рассматривать их в качестве лидеров общественного мнения (Соловей, 2018), способных существенно влиять на ценностные установки и политические взгляды молодежной части аудитории видеохостинга YouTube (Кириянова, 2019; Петрова, 2019).

Политический видеоблогинг в России получает развитие с начала 2010-х гг., что можно связать с массовым распространением необходимых информационных технологий (Зигадуллина, 2018). О значительных политических эффектах видеоблогинга можно говорить, вероятно, не ранее середины 2010-гг.; символическим «Рубиконом» можно считать, в частности, события 2017 года (Киселева, 2019). В последующей истории протестного движения, в частности, в акциях 2019-2020 гг. именно видеоблогинг, превосходя другие формы, становится основной и важнейшей формой распространения информации в интернете (Гришин, 2021).

20 видеоблогеров, фигурирующих в нашем исследовании, чрезвычайно разнятся по множеству оснований (табл.1).

В качестве первого критерия сравнения следует назвать совершенно формальный аспект, заключающийся в наличии собственного видеоблога. По данному критерию единственное исключение состав-

ляет Любовь Соболь – называемая молодежью в числе наиболее известных и популярных видеоблогеров, она не располагает собственным Youtube-каналом, но использует различные блоги, в частности, видеоканал «команды» Алексея Навального «Навальный Live».

Видеоканал Youtube	Год регистрации	Количество подписчиков
Канал «Команда Жукова» (ранее – «Блог Жукова»)	2015	233 тыс.
Канал Алексея Пивоварова «Редакция»	2018	1,9 млн.
Канал «Руслан Усачев»	2010	2,5 млн.
Канал «Дмитрий Гордон»	2011	1,44 млн.
varlamov	2008	2,2 млн.
вДудь	2014	8,8 млн.
Алексей Навальный	2013	6,42 млн.
Константин Сёмин	2015	519 тыс.
Илья Яшин	2013	300 тыс.
Ксения Собчак	2017	1,9 млн.
Yulia Latynina	2018	220 тыс.
Артемий Лебедев	2006	550 тыс.
Александр Невзоров	2011	1 млн.
Parfenon	2018	1 млн.
Евгений Ройзман	2017	300 тыс.
Романов	2015	375 тыс.
Михаил Ходорковский	2009	850 тыс.
Максим Шевченко	2017	760 тыс.
Екатерина Шульман	2016	435 тыс.

Таблица 1. Информация об Youtube-каналах популярных у российской молодежи видеоблогеров, освещавших протестные акции в 2019-2020 гг.

У 19 других лидеров собственные видеоканалы присутствуют, однако, степень их зависимости от собственного канала следует признать разной. В частности, для Александра Невзорова или Екатерины Шульман их персональные видеоканалы не являются главными средствами обеспечения их присутствия в медийном пространстве. Напротив, у таких персон, как Юрий Дудь или Алексей Романов их персональные видеоканалы являются основными средствами, обеспечивающими их влияние в интернете (Зубанова & Зыховская, 2018)

Рассматриваемые в нашем исследовании 20 видеоблогеров также чрезвычайно разнятся по степени зависимости от интернета в целом. Влияние некоторых из них (Ю. Дудь, И. Варламов, А. Романов) практически полностью основано на присутствии в интернете. Напротив, влияние таких фигур, как Е. Шульман, К. Собчак или К. Семин, основывается на использовании не только интернета, но и других средств, в том числе традиционных СМИ. Для данных лидеров общественного мнения представляется важным, но и методологически сложным разделить степень их влияния на аудиторию именно в качестве видеоблогеров и в качестве популярных лиц, использующих для распространения информации, среди прочих, и средства интернета.

Рассматриваемые блогеры различаются в зависимости от того, насколько важную роль сыграл видеоблогинг в превращении их во влиятельных медийных персон. Большинство из 20 блогеров приобретением популярности обязаны иным средствам информации, в том числе традиционным СМИ. В частности, такие лидеры, как Л. Парфенов или К. Собчак, перенесли свою активность в интернет, уже будучи популярными фигурами. Отдельно стоит выделить группу лидеров, которые изначально добились популярности благодаря интернету. Но и у этой группы присутствует внутренняя дифференциация: А. Романов представляет редкий случай, когда лидер общественного мнения изначально добился популярности на основе видеоблогинга; в то время как А. Навальный или И. Варламов приобрели популярность и влиятельный статус на основе других интернет-платформ, в первую очередь – благодаря livejournal. Таким образом, абсолютное большинство из отобранной нами группы популярных в молодёжной среде видеоблогеров добились влиятельного статуса на основе использования иных информационных площадок.

Самыми старыми видеоблогами располагают А. Лебедев и И. Варламов (их видеоканалы в YouTube зарегистрированы соответственно в 2006 и 2008 гг.). Самый молодой блог принадлежит Л. Парфенову (канал “Parfenon” зарегистрирован в 2018 г.).

По количеству подписчиков лидирует видеоканал Юрия Дудя (8,8 млн. подписчиков). Самая скромная аудитория подписчиков у анала Юлии Латыниной – 221 тыс. человек.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОГНИТИВНОГО КАРТИРОВАНИЯ

Одной из эмпирических задач исследования, проводимого в рамках проекта, было выявление ценностных установок, приоритетов, индивидуальных логических цепочек лидеров общественного мнения русскоязычного сегмента видеохостинга YouTube, которые комментировали или делали обзоры акций протестов, проходивших в крупных городах в 2019-2020 гг. Исследование контента блогов основывалось на нескольких параметрах:

- 1) соотношение доли сообщений/обзоров, репрезентирующих различные аспекты темы акций протеста;
- 2) тип логических цепочек/конструктов;
- 3) сила и характер логических связей между событиями и акторами;
- 4) применяемые схемы освещения протестной активности.

Выборка исследования строилась по 2 ступенчатой модели. На первом уровне осуществлялся отбор оппозиционно настроенных лидеров общественного мнения YouTube для русскоязычного сегмента молодых людей в возрасте 18-36 лет. Критериями отбора выступали объем аудитории (количество подписчиков, просмотров и комментариев) и тематика обзоров/комментариев данными персонами политических и социально-политических событий новостной повестки дня. В итоге объем выборки составил 20 персон, которые методом «первого встречного» попали в выборочную совокупность по указанным критериям.

На втором уровне осуществлялся отбор информационных материалов, видео обзоров протестных акций по выбранным кейсам. Сетевой подход в сочетании с методом картирования позволил выявить причинно-следственные связи между приоритетными смысловыми категориями, оценить логичность и последовательность системы аргументации выбранных лидеров.

«Методологические принципы когнитивного подхода позволяют проанализировать процессы формирования субъективной социальной реальности, субъективного восприятия и интерпретации сообщений, транслируемых в пространстве социальных медиа» (Бродовская и др., 2018, с. 53).

В выборку методом основного массива были включены все видео/обзоры или иные материалы по выбранным кейсам. На первом этапе анализа для каждого лидера общественного мнения было построено несколько когнитивных карт. На втором этапе для каждого кейса была построена коллективная когнитивная карта методом агрегирования.

Первым кейсом были события в Екатеринбурге в 2019 году. Все выбранные инфлюенсеры освещали, с той или иной степенью осведомленности, ход гражданского противостояния по вопросу постройки храма на территории сквера. Сравнительный анализ всех карт позволил выделить общие логические, структурные компоненты контента. Можно выделить несколько логических блоков.

Первый блок связан с позиционированием участников акций протеста. Они характеризуются через категории «активные люди», «люди с гражданской позицией», «ответственные и небезразличные граждане». Особый акцент авторами контента делается на конструировании положительного образа протестующих, апеллируя как к рациональным, так и к эмоциональным аргументам. Рациональная аргументация блогеров строится на базовых установках демократического общества, таких как уважение прав граждан, ценности и мнения простых людей. С одной стороны, эти идеи демонстрируют либерально-демократические ценностные ориентиры, которые разделяют многие представители молодого поколения. С другой стороны, авторы четко разделяют всех участников конфликта на две стороны по упрощенной схеме черно-белого восприятия ситуации. Таким образом подчеркивается отличительная особенность участников акций протеста и демонстрируется модель поведения, которая позволяет выделиться из общей массы обывателей и самоидентифицироваться. Одновременно с этим, эмоциональный компонент аргументации связывает конструируемый образ, с такими положительными характеристиками как смелость, независимость, самостоятельность. Совокупность выявленных факторов способствует конструированию положительного, привлекательного для молодежи, образа борца.

Анализ логических связей выявил, что выход людей на улицы авторы контента связывают с двумя основными категориями. Первая категория – «ошибки региональной власти», которые рассматриваются как базовая причина конфликтной ситуации. Вторая – «действия силовых структур». Наибольшее количество и сила связей наблюдается между категориями «протестующие» и «действия силовых структур». Необходимо отметить отрицательный характер

связи между этими двумя категориями и в 90% случаев негативное влияние силовых структур направлено на участников акций протеста.

Второй логический блок – статус и характер действий представителей силовых ведомств в гражданском конфликте. Эта категория очень значима по количеству связей с другими категориями. Инфлюенсеры очень подробно освещают действия полиции и представителей ОМОНа. Основной проблемой они считают применение мер силового воздействия на рядовых граждан и многочисленные задержания, которые носят незаконный характер.

Смысловые цепочки этого блока выявили противоречие в контенте блогеров. С одной стороны, лидеры общественного мнения подчеркивают незаконность задержаний, арестов и других мер воздействия на протестующих. Силовые ведомства представляются как инструмент власти, применение которого демонстрирует слабость и страх власти перед силой протеста. С другой, не приводятся какие-либо конкретные случаи применения насилия со стороны полиции, нет случаев жестокого обращения с задержанными. Можно сделать вывод, что силовой ресурс властью не используется в полную силу, а ограничивается определенным набором мер воздействия. Фактическое отсутствие жесткого подавления акций протеста со стороны региональной власти можно трактовать двояко, либо как действия, демонстрирующие страх, либо как рациональную и сдержанную позицию на стадии острого конфликта. В материалах данного кейса блогеры не сформировали однозначной трактовки позиции власти.

Третий логический блок характеризует причины и последствия акций протеста. В качестве основной причины протеста выступает отсутствие диалога между властями города и жителями. Четко декларируется, что отсутствие каналов и площадок для коммуникации, а также нежелание публично обсуждать проект и договариваться, провоцируют людей выходить на улицы, чтобы быть услышанными. Отсутствие демократических институциональных механизмов разрешения конфликтных ситуаций обозначается в качестве главной проблемы современной российской системы власти. Таким образом, авторы контента подчеркивают роль власти как активного субъекта противостояния, но позиционируют его как «виновника-причины конфликта».

Четвертый блок – ценностные и эмоциональные мотиваторы. Участие людей в акциях протеста связывается с набором демократических и постдемократических ценностных установок. Обзоры и комментарии выстраиваются таким образом, что обоснованность протестных акций объясняется не столько рациональным и логически

взвешенным решением протестующих обозначить свою позицию/ несогласие перед властью, сколько эмоциональным и идеализированным восприятием демократических практик, которые существуют в странах Европы и США.

Логика построения смысловых цепочек выбранных комментаторов/блогеров предполагает четкое разделение на два лагеря: «мы – протестующие, жители города и солидарные с ними, которых не уважают и с чьим мнением не считаются» – противники стройки; и «они – власть, губернатор, Путин, спонсоры, полиция» – все те, кто «за» постройку Храма на месте сквера. Происходит жесткая поляризация сторон спора. Невозможность решения спорной ситуации в рамках демократических практик и институтов лидеры общественного мнения обосновывают существующей системой органов власти и принципами ее организации.

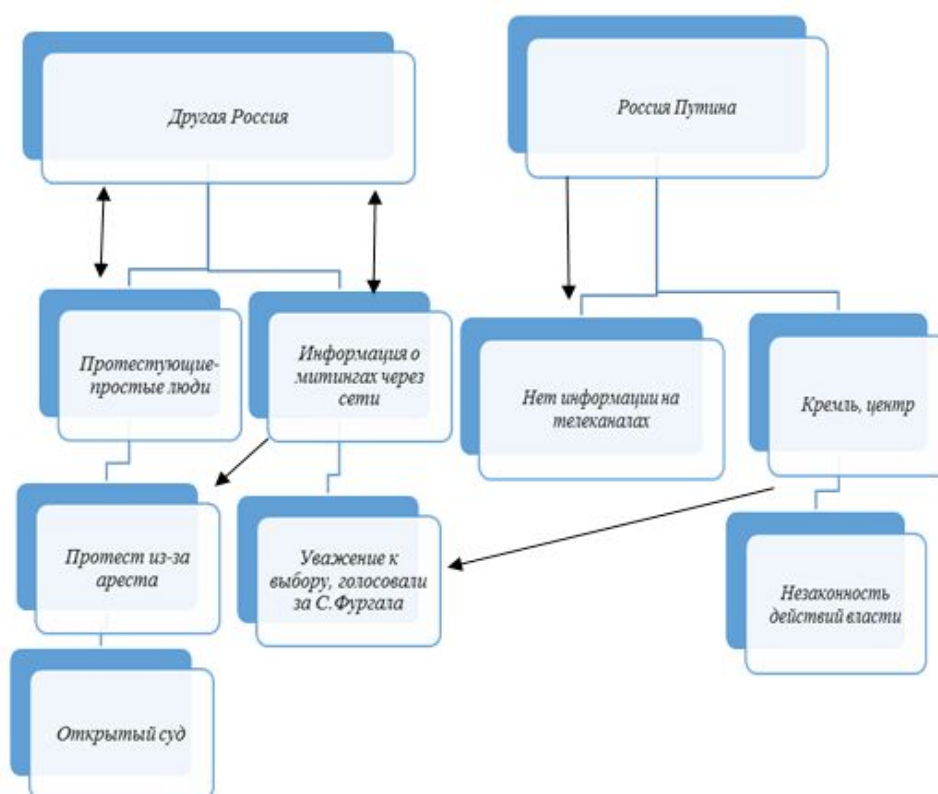

Рисунок 1. Когнитивная карта освещения протестных акций в Екатеринбурге в 2019 г.

Вторым кейсом стали акции протеста лета – начала осени 2019 года в Москве связанные с выборами в МосГорДуму. Поводом к началу акций протеста стал отказ в регистрации оппозиционных кандидатов. Агрегирование всех карт позволило выделить наиболее значимые

структурные компоненты контента, которые можно разделить на несколько логических блоков.

Первый блок, как и в первом кейсе, характеризует участников протестных акций через категории «искренние люди», «нас много и мы не меньшинство», «люди, которые борются за свои права». Таким образом создается представление о значимости событий и важности участия в них. Этот способ позиционирования участников протестных акций содержит в себе двойную мотивационную компоненту. С одной стороны, категория «искренние люди» предполагает морально-этическую оправданность действий всех людей, которые вышли на улицы Москвы. С другой, подразумевается естественный, не искусственный, несрежиссированный характер протестной активности.

Это важный момент для консолидации поддержки/сочувствия или участия в протестных акциях. Категория «мы — не меньшинство» выполняет значимую символическую роль, т.к. апеллирует к чувству сопричастности с большими социальными группами, что позволяет ощущать силу и историческую роль событий. Используемые приемы конструирования образа протестующих сокращают дистанцию между реципиентами контента и участниками событий, что усиливает влияние на аудиторию.

В данном блоке можно выделить также категории «уважение права выбора» и «уважение мнения простых людей», которые логически связаны со вторым блоком.

В рамках второго блока основной акцент делается на незарегистрированных кандидатах, которые олицетворяют собой единство оппозиционных сил. Они позиционируются как представители демократических сил современной России и четко противопоставляются мэру Москвы С. Собянину, бюрократам-чиновникам. Эмоциональный компонент связывает конструируемый образ кандидатов, как «жертвы беззакония», с такими характеристиками как смелость, современность, борьба. В цепочках всех инфлюенсеров сохраняется жесткое символическое разделение всех участников событий на две стороны конфликта. Одна сторона представлена протестующими москвичами и незарегистрированными кандидатами. Эти субъекты протеста тесно связаны между собой через категории «требование представительства своих кандидатов», «право на выбор», «борьба за свободу», «мы — поколение без страха», «новая, молодая Россия».

По аналогии с кейсом Екатеринбурга, эти идеи демонстрируют либерально-демократические политические взгляды, но в тоже время, авторы включают в контекст события межпоколенческий аспект

противостояния. Логика построения смысловых цепочек выбранных комментаторов/блогеров демонстрирует призыв к мобилизации, на основе создания символического противопоставления между «здоровой Россией будущего» и «старой, больной Россией в лице Путина, Собянина и др».

Третий блок характеризует вторую сторону конфликта, которая представлена двумя акторами. Первый субъект – политическая власть – раскрывается через смысловые категории «власть», «Кремль», «партия Единая Россия», мэр С. Собянин. Каждый из элементов характеризует единовластие политической и административной системы властной вертикали. Второй субъект это силовые структуры (силовики, ОМОН, полиция) функция которых давление на участников протестных акций. Слабость, неспособность и нежелание первого субъекта решать спорные ситуации с помощью легальных, демократических норм, по мнению блогеров, обуславливают необходимость выхода на улицу как последнего и единственного действенного аргумента. Аресты, задержания, перекрытие и блокирование улиц — способы подавить, а не решить конфликт. В качестве ответственного лица за новый виток уровня напряженности называются власти, которые приняли решение отказать в регистрации кандидатам не от партии Единая Россия.

Таким образом, конфликт из предвыборного переводится на другой уровень. Он представляется как противостояние не только с чиновниками из избирательной комиссии, но со всей недемократической системой власти.

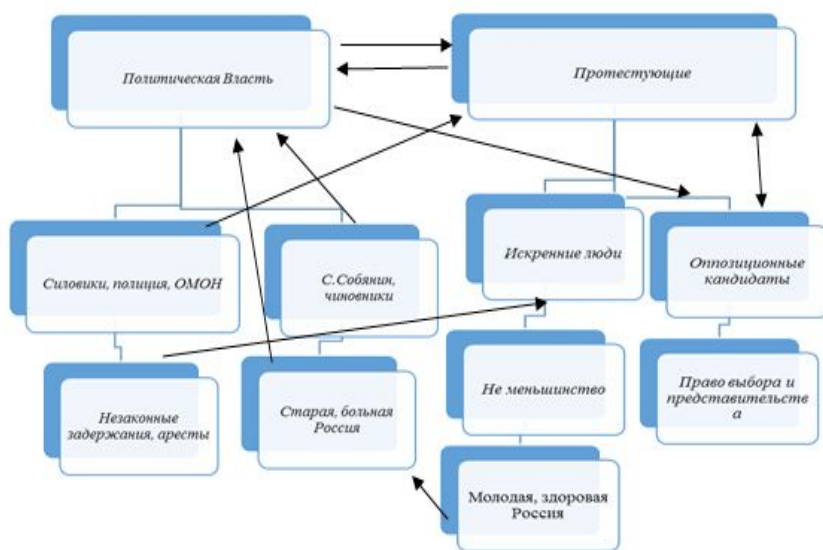

Рисунок 2. Когнитивная карта освещения протестных акций в связи с выборами в Мосгордуму в 2019 г.

В качестве третьего кейса представлен анализ освещения и комментирования лидерами общественного мнения акций протеста, проходивших в Хабаровске летом 2020 года. Формальным поводом для массовых митингов стал арест, действующего на тот момент губернатора Хабаровского края С. Фургала. Событие регионального масштаба стало серьезным информационным поводом в интернете. Агрегирование всех когнитивных карт позволило выделить два смысловых блока и определить их как наиболее значимые акторы.

Первый блок категорий обозначает протестующих как людей, которые выступили против Кремля и его незаконных действий. *Второй блок* категорий характеризует федеральный центр как субъекта данного конфликта.

Это важный момент позиционирования участников протеста. Комментаторы и инфлюенсеры, которые делали обзоры, четко обозначают две стороны очередного публичного политического противостояния. С одной стороны конфликта жители Хабаровского края, которых возмутил арест С. Фургала, избранного на последних губернаторских выборах от партии ЛДПР. Первый актор раскрывается через категорию «простые, обычные люди», которые сделали свой выбор в день голосования. Создание положительного образа протестующих происходит с использованием рациональных и эмоциональных компонентов. Акцент делается «на уважении выбора и мнения простых людей». С другой стороны Кремль, федеральный центр как сосредоточение далекой и надоевшей власти. Важно отметить, что оба субъекта позиционируются как два мира. Один мир – Россия, представленная на федеральных телеканалах, которые не освещают события, происходящие в Хабаровском крае: Россия Путина с подконтрольными СМИ и «в этой стране ничего не происходит». Но есть другая Россия, в которой люди недовольны действиями федеральной власти и готовы выразить свой протест на улице. Другая Россия – «современная, информационная, неподчиняющаяся Кремлю», которая требует «информации и открытого суда» над С. Фургалом.

Акции протеста подробно освещались почти всеми инфлюенсерами и рассматривались ими как региональный протест против власти Москвы. Анализ логических связей между категориями показал, что, по мнению лидеров общественного мнения, выход людей на улицы связан с двумя основными причинами. Первая – вмешательство Москвы во внутреннюю политику региона, вторая – незаконный арест. Первая причина обозначает внутриэлитный конфликт между центром и региональной элитой. Вторая – артикулируется как проблема легитимности и доверия к центральной власти. Протесту-

ющие требовали открытого судебного процесса над своим губернатором, который для них является лидером протестного голосования. Основным мотивом ареста называют не реальные преступления С. Фургала, а месть со стороны федерального центра за то, что кандидат от партии Единая Россия не стал победителем на выборах.

В качестве одного из важных катализаторов протеста во всех материалах блогеров выступает «тактика молчания» в публичном дискурсе о конфликте, отсутствие диалога между федеральной властью и избирателями. Основной акцент делается на внутривластной борьбе между разными элитными группами. Но отличительной особенностью этих митингов можно назвать не только широкий географический охват, но и отсутствие в течение долгого времени насильственных действий со стороны региональной власти по отношению к протестующим. В этом кейсе власть представляется пассивной стороной конфликта, которая выбрала тактику игнорирования в публичном пространстве самого факта митингов.

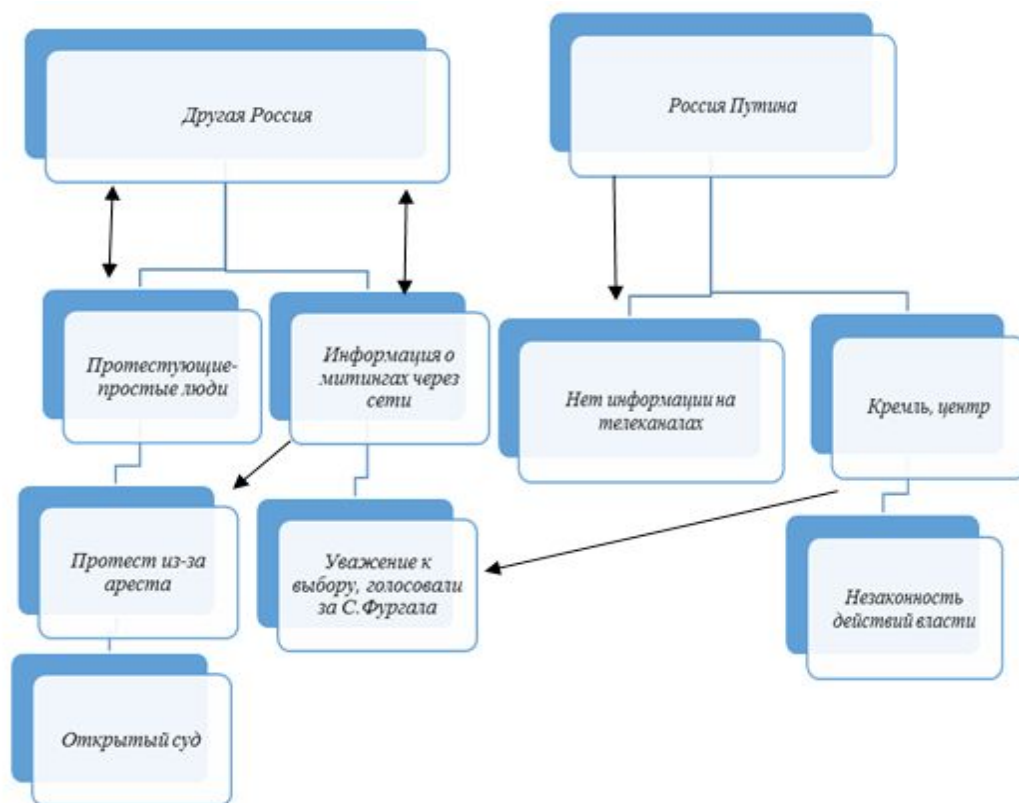

Рисунок 3. Когнитивная карта освещения протестных акций в Хабаровске в 2020 г.

ВЫВОДЫ

В рамках проведенного исследования метод когнитивного картирования позволил проанализировать восприятие и интерпретацию лидерами общественного мнения, которые оппозиционно настроены по отношению к власти, акций протеста, проходивших в Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске 2019-2020 гг.. События в Екатеринбурге и Хабаровске являются примерами региональных кейсов, которые стали значимыми информационными поводами для того, чтобы привлечь внимание молодых людей всей страны к этим событиям.

Проведенное исследование не может помочь в оценке эффективности мобилизующего воздействия российских видеоблогеров, но представляет значимость для изучения особенностей их мобилизующих усилий.

Результаты когнитивного картирования раскрывают ценностную систему популярных среди молодежи интерпретаторов политических событий. Представленные когнитивные карты позволяют сделать вывод, что практически у всех рассмотренных нами лидеров общественного мнения присутствует единая ценностная картина в оценке протестных событий. Также для них характерна единая позиция в отношении целесообразности участия в протестной деятельности.

Основной акцент молодежными блогерами делается на то, что протестующие — это обычные люди, которых оскорбили, и чье мнение проигнорировали. Этот стилистический прием сокращает дистанцию между реципиентами информации и непосредственными участниками событий, что позволяет конструировать консолидированное символическое пространство смысла.

Подчеркивается важность права выбора этих людей, т.е. акцентируется внимание на правах, которые гарантируются Конституцией и другими нормативными актами. Конструирование положительного образа протестующих происходит с опорой на рациональные, демократические требования. Такой посыл априори предполагает, что власть нарушает базовые принципы современного демократического государства и выступает в качестве виновника происходящих событий.

Отсутствие демократических институциональных механизмов разрешения конфликтных ситуаций обозначается в качестве главной проблемы современной власти. Внимание аудитории акцентируется на существующих системных недостатках политического процесса, которые невозможно устранить в короткие сроки. Как следствие сохраняется благоприятная почва для поляризации мнений и дальнейшего

использования митингов как инструмента влияния на конкретные политические решения.

Включение в конфликтное поле межпоколенческого фактора актуализирует проблему акций протеста в сознании молодежной аудитории.

Выделенные аспекты особенно важны, т.к. инфлюенсеры, которые обладают достаточным авторитетом и социальным капиталом для влияния на широкую аудиторию в сети, выступают в качестве активных субъектов политической коммуникации (Попова & Лагутин, 2019). В условиях, когда значительную часть их постоянной аудитории составляют люди молодого поколения, они выполняют функцию агентов политической социализации и основных ретрансляторов неофициального либерально-демократического дискурса.

Не смотря на то, что вопрос о применимости теории мобилизации к деятельности оппозиционно настроенных видеоблогеров не является в полной мере ясным, представленная в данном исследовании картина может восполнить представления о мотивах и ориентирах представителей молодежи, участвующих в протестном движении в современной России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации»

Список литературы

- Abelson, R. (1979). Differences Between Belief and Knowledge Systems. *Cognitive Science*, 3, 355–366.
- Axelrod, R. (Ed.). (1976). *Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites*. Princeton: Princeton University Press.
- Gray, S. A., Gray, S., De Kok, J. L., Helfgott, A. E. R., O'Dwyer, B., Jordan, R., & Nyaki, A. (2015). Using fuzzy cognitive mapping as a participatory approach to analyze change, preferred states, and perceived resilience of social-ecological systems. *Ecology and Society*, 20(2). doi: 10.5751/es-07396-200211
- Karlsen, R. (2015). Followers are opinion leaders: The role of people in the flow of political communication on and beyond social networking sites. *European Journal of Communication*, 30(3), 301–318. doi: 10.1177/0267323115577305

- Leites, N. (1951). *The Operational Code of the Politburo*. New York: McGraw-Hill Book Company.
- Olazabal, M., Neumann, M. B., Foudi, S., & Chiabai, A. (2018). Transparency and Reproducibility in Participatory Systems Modelling: The Case of Fuzzy Cognitive Mapping. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 791–810. doi: 10.1002/sres.2519
- Wang, M., Wu, B., Kirschner, P. A., & Michael Spector, J. (2018). Using cognitive mapping to foster deeper learning with complex problems in a computer-based environment. *Computers in Human Behavior*, 87, 450–458. doi: 10.1016/j.chb.2018.01.024
- Авдеева, З. К., & Коврига, С. В. (2014). О некоторых принципах и подходах к построению коллективных когнитивных карт ситуаций. *Управление Большими Системами: Сборник Трудов*, (52), 37–68.
- Бродовская, Е. В., & Домбровская, А. Ю. (2020). Социальная база Информационного потока внешнего давления в новых медиа Крыма и Севастополя. *Власть*, 28(4), 84–92. doi: 10.31171/vlast.v28i4.7439
- Бродовская, Е. В., Домбровская, А. Ю., Пырма, Р. В., & Карзубов, Д. Н. (2018). Украинские социально-медийные потоки о Крыме: Результаты когнитивного картирования украинских блогов и каналов новых медиа. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (4), 51–61.
- Витвинчук, В. В., Фотиева, И. В., Семилет, Т. А., & Лукашевич, Е. В. (2017). Проблема лидеров мнений в публичной коммуникации. *Сибирский философский журнал*, 15(4), 91–101. doi: 10.25205/2541-7517-2017-15-4-91-101
- Гришин, Н. В. (2021). Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23(1), 47–59. doi: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59
- Гришин, Н. В., & Линдерс, А. М. Р. (2020). Децентрализация системы управления выборами. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (3), 99–115. doi: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115
- Зигадуллина, А. Р. (2018). Преодоление парасоциальности: Лидеры YouTube как генераторы гражданской журналистики (на примере каналов sobolev и Philip DeFranco). *Знак: Проблемное Поле Медиаобразования*, (2), 17–22.
- Зубанова, Л. Б., & Зыховская, Н. Л. (2018). Сетевые проекты: Потенциал воздействия на аудиторию (на примере проекта «вДудь»). *Знак: проблемное поле медиаобразования*, (4), 119–127.
- Кириянова, С. (2019). Блогер или журналист—Почему подростки так ценят мнение ютуберов. Извлечено от <https://www.tulapressa.ru/2019/06/blogger-ili-zhurnalist-pochemu-podrostki-tak-cenyat-mnenie-yutubero-5302/>
- Киселева, А. (2019). Оценка воздействия социальных медиа на политические и социокультурные взгляды молодежи в условиях глобальной трансформации общества (на примере видеоблогинга). *Векторы благополучия: экономика и социум*, (1), 26–36.

- Лагутин, О. В., & Шентякова, А. В. (2018). Эмпирическое измерение социального капитала молодежи современного мегаполиса. *Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума. Под редакцией Т.А. Сеньюшкиной*, 95–100. Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал».
- Морозова, А. А. (2018). Videоблоги для молодежной аудитории: Социологический портрет зрителя. *Челябинский гуманитарий*, (4), 20–26.
- Петрова, М. В. (2019). Тактики речевой контрманипуляции в российских политических видеоблогах. *Вопросы теории и практики журналистики*, 8(3), 625–639. doi: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).625-639
- Попова, О. В. (2009). Измерительный инструмент в сравнительной политологии: К вопросу о нерешенных проблемах. *Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС*, 5(1), 271–291.
- Попова, О. В., & Лагутин, О. В. (2019). Политические настроения молодежи: Лояльность или протест? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 21(4), 599–619. doi: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
- Роменков, А. В. (2008). Интернет-блог как инструмент политической борьбы. *Власть*, (7), 79–83.
- Сморгунов, Л. В. (Ред.). (2018). *Сотрудничество в публичной политике и управлении*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Соколов, А. В., & Палагичева, А. В. (2020). Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте. *Политическая наука*, (3), 266–297. doi: 10.31249/poln/2020.03.12
- Соловей, В. Д. (2018). Особенности политической пропаганды в цифровой среде. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 8(1), 81–87. doi: 10.26794/2226-7867-2018-7-1-81-87
- Филипова, А. Г., Ардальянова, А. Ю., & Абросимова, Е. Е. (2017). Videоблогинг и современные подростки: Опасности интернет-пространства. *Теория и практика общественного развития*, (8), 9–13. doi: 10.24158/tipor.2017.8.1
- Шарапов, Р. И. (2017). Условия политической мобилизации в сети Интернет. *Социодинамика*, (10), 1–8. doi: 10.25136/2409-7144.2017.10.22073

References

- Abelson, R. (1979). Differences Between Belief and Knowledge Systems. *Cognitive Science*, 3, 355–366.
- Avdeeva, Z. K., & Kovriga, S. V. (2014). On some principles and approaches to building collective maps of the situation. *Big Systems Management: A Collection of Works*, (52), 37–68. (In Russian).

- Axelrod, R. (Ed.). (1976). *Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites*. Princeton: Princeton University Press.
- Brodovskaya, E. V., & Dombrovskaya, A. Yu. (2020). Social base of the Information flow of external pressure in the new media of Crimea and Sevastopol. *Power*, 28(4), 84–92. doi: 10.31171/vlast.v28i4.7439 (In Russian).
- Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Pyrma, R. V., & Karzubov, D. N. (2018). Ukrainian social media streams about Crimea: results of cognitive mapping of Ukrainian blogs and new media channels. *Bulletin of the Tula State University. Humanities*, (4), 51–61. (In Russian).
- Filipova, A. G., Ardalyanova, A. Yu., & Abrosimova, E. E. (2017). Video blogging and modern adolescents: the dangers of the Internet space. *Theory and practice of social development*, (8), 9–13. doi: 10.24158/tipor.2017.8.1 (In Russian).
- Gray, S. A., Gray, S., De Kok, J. L., Helfgott, A. E. R., O'Dwyer, B., Jordan, R., & Nyaki, A. (2015). Using fuzzy cognitive mapping as a participatory approach to analyze change, preferred states, and perceived resilience of social-ecological systems. *Ecology and Society*, 20(2). doi: 10.5751/es-07396-200211
- Grishin, N. (2021). Reinforcement Theory and Study of the Impact of Internet Technologies on Political Participation of Modern Youth. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 47–59. doi: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59 (In Russian).
- Grishin, N., & Leenders, A. M. R. (2020). Decentralization of Electoral Governance. *Politeia-journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics*, (3), 99–115. doi: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115 (In Russian).
- Karlsen, R. (2015). Followers are opinion leaders: The role of people in the flow of political communication on and beyond social networking sites. *European Journal of Communication*, 30(3), 301–318. doi: 10.1177/0267323115577305
- Kiryanova, S. (2019). Blogger or journalist - why do teens value the opinion of YouTubers so much. Retrieved from <https://www.tulapressa.ru/2019/06/blogger-ili-zhurnalist-pochemu-podrostki-tak-cenyat-mnenie-yutuberov-5302/> (In Russian).
- Kiseleva, A. (2019). Assessment of the impact of social media on the political and sociocultural views of young people in the context of the global transformation of society (on the example of video blogging). *Well-being vectors: economy and society*, (1), 26–36. (In Russian).
- Lagutin, O. V., & Shetyakova, A. V. (2018). Empirical measurement of the social capital of young people in a modern metropolis. *Political space and social time: Synergy of meanings and values (edited by T.A. Senyushkina)*, 95–100. Yalta: Limited Liability Company "Publishing House Typography "Arial". (In Russian).
- Leites, N. (1951). *The Operational Code of the Politburo*. New York: McGraw-Hill Book Company.
- Morozova, A. A. (2018). Video blogs for a youth audience: a sociological porter of the viewer. *Chelyabinsk Humanities*, (4), 20–26. (In Russian).

- Olazabal, M., Neumann, M. B., Foudi, S., & Chiabai, A. (2018). Transparency and Reproducibility in Participatory Systems Modelling: The Case of Fuzzy Cognitive Mapping. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 791–810. doi: 10.1002/sres.2519
- Petrova, M. V. (2019). Tactics of speech counter-manipulation in Russian political video blogs. *Questions of theory and practice of journalism*, 8(3), 625–639. doi: 10.17150/2308-6203.2019.8(3).625-639 (In Russian).
- Popova, O. V., (2009). A “Measuring Tool” in Comparative Political Science: Toward a Question of Unresolved Issues. *Political expertise. POLITEX*, 5(1), 271–291. (In Russian).
- Popova, O. V., & Lagutin, O. V. (2019). Political Sentiments of Youth: Loyalty or Protest? *RUDN Journal of Political Science*, 21(4), 599–619. doi: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619 (In Russian).
- Romenkov, A. V. (2008). Internet blog as an instrument of political struggle. *Power*, (7), 79–83. (In Russian).
- Sharapov, R. I. (2017). Conditions for political mobilization on the Internet. *Sociodynamics*, (10), 1–8. doi: 10.25136/2409-7144.2017.10.22073 (In Russian).
- Smorgunov, L. V. (Ed.). (2018). *Cooperation in public policy and governance*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Sokolov, A. V., & Palagicheva, A. V. (2020). Mobilization and demobilization in a networked political protest. *Political Science*, (3), 266–297. doi: 10.31249/poln/2020.03.12 (In Russian).
- Solovey, V. D. (2018). Features of political propaganda in the digital environment. *Humanitarian sciences. Financial University Bulletin*, 8(1), 81–87. doi: 10.26794/2226-7867-2018-7-1-81-87 (In Russian).
- Vitvinchuk, V. V., Fotieva, I. V., Semilet, T. A., & Lukashevich, E. V. (2017). The problem of opinion leaders in public communication. *Siberian Philosophical Journal*, 15(4), 91–101. doi: 10.25205/2541-7517-2017-15-4-91-101 (In Russian).
- Wang, M., Wu, B., Kirschner, P. A., & Michael Spector, J. (2018). Using cognitive mapping to foster deeper learning with complex problems in a computer-based environment. *Computers in Human Behavior*, 87, 450–458. doi: 10.1016/j.chb.2018.01.024
- Zigadullina, A. R. (2018). Overcoming Parasociality: YouTube Leaders as Generators of Citizen Journalism (Case Study of the Sobolev and Philip DeFranco Channels). *Sign: problematic field of media education*, (2), 17–22. (In Russian).
- Zubanova, L. B., & Zykhevskaya, N. L. (2018). Network projects: potential impact on the audience (for example, the “vDud” project). *Sign: problematic field of media education*, (4), 119–127. (In Russian).

THE “BLACK SWAN” OF COVID-19 AND THE SECURITY ISSUES IN DIGITAL LEARNING

Liudmila V. Baeva

Astrakhan state University. Astrakhan, Russia. Email: [baevaludmila\[at\]mail.ru](mailto:baevaludmila@mail.ru)

Abstract

The social security problems come to the fore as the relationships between individuals, society and modern technologies become more and more complicated. In the context of the pandemic social security issues turned out to be decisive for the education system, the transformation of which caused significant difficulties. The article covers the topic of the security of digital education and focuses on theoretical concepts as well as on the analysis of practical cases found in the media. The author analyzes the experience of educational organizations and education management institutions in the area of protection against risks in the information environment, and identifies the most successful approaches. As a result, the conclusion is made that it is necessary to create a system of safe information and communication environment that should be designed to ensure the rights and quality of life of individuals in the context of the digital transformation of educational and upbringing processes.

Keywords

electronic culture; media environment; digital education; social security; cybersecurity threats; cyberbullying; COVID-19

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«ЧЁРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» COVID-19 И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВОГО ОБУЧЕНИЯ

Баева Людмила Владимировна

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: [baevaludmila\[at\]mail.ru](mailto:baevaludmila[at]mail.ru)

Аннотация

Проблемы социальной безопасности выходят на первый план по мере усложнения связей человека, общества и современных технологий. В условиях пандемии вопросы социальной безопасности оказались определяющими и для системы образования, трансформация которой вызвала значительные трудности. Статья посвящена вопросам безопасности цифрового образования, как концептуальным теоретическим понятиям, так и анализу практических кейсов в медиа-среде. Проведено изучение опыта образовательных организаций и учреждений по управлению образованием в сфере защиты от рисков в информационной среде, выявлены наиболее успешные подходы. В результате сделан вывод о необходимости создания системы безопасной информационной и коммуникационной среды, призванной обеспечить права и качество жизни граждан в условиях цифровой трансформации образовательного и воспитательного процессов.

Ключевые слова

электронная культура; медиасреда; цифровое образование; социальная безопасность; киберугрозы; кибербуллинг; COVID-19

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

The year 2020 turned out to be linked with a new challenge for the world, the *COVID-19* pandemic, like M. Taleb's "*black swan*" that became a point of no return for society (Taleb, 2015). Unpredictable, uncontrollable, covering almost all of humanity, changing the life of everyone, it forced to revise many norms and orders that define life. First of all, the new restrictions turned out to be related to communication and personal intercourse, which led to the need to switch to remote work and a distance learning format. Interpersonal relationships have almost completely moved to the media environment, namely, to social media, educational portals, electronic libraries, etc. Under these conditions, information technologies have created the opportunity to carry out continuous working activity for many sectors of economy, although a number of them, unfortunately, were victims of a lockdown. Education in these unprecedented circumstances was transferred to distance form of work in various forms, and remains so for many countries and large cities. The pandemic has become a powerful challenge to social resilience, showing that human life is still subject to high risks, and economic growth and well-being are not guaranteed even in developed countries.

The education system was already partly on the path of digital transformation even before 2020, but it was a "small island" in a sea of traditional learning. Digital education has become common practice in 2020. After the digital turn, the education system in schools and universities found itself in an unexampled experiment, which made it possible to draw important analytical conclusions about the impact of digitalization on education. The digitalization of education in the context of the pandemic has made it possible to maintain the continuity of education at all levels. However, the problem of information inequality and access to resources has still arisen. This especially affected large families of low-income citizens, where not every child had their own gadget for study, as well as families living in remote areas – due to the problems with high-speed Internet. The digital gap has thereby increased social exclusion, when a number of citizens and their children did not have the same chances to use the offered opportunities. At the same time, the digitalization of education has revealed not only the issues of the growing digital disparity, but a whole range of other problems related to social security. It is obvious that digital learning turned from a temporary measure to a new social trend, intention, irreversible action, and for this reason it became necessary to study its possible social consequences and the nature of its impact on a person. Having ensured the safety of subjects in the context of the spread of morbidity, digital learning

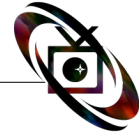
was transferred to a special virtual communication environment that has its own characteristics and risks connected, on the one hand, with a high level of cybersecurity threats, and on the other, characterized by high pluralism and the absence of rigid regulatory boundaries. The purpose of our research is to identify and characterize the social problems of digital education related to personal safety and to study practices providing such problems prevention. To do this, our study used the theory of electronic culture, the theory of social security and risks, as well as the method of focus group research, elements of content analysis and analysis of media cases.

DIGITAL EDUCATION AS AN ELEMENT OF ELECTRONIC CULTURE

In the present-day information society, a special type of culture has formed, into which the human life world and the environment around it are gradually shifting – that is, the world of electronic, digital, online or cyber culture, a kind of “third nature” with many new phenomena and processes. In the most general sense, electronic culture (online culture, e-culture) is considered by us as a sphere of human activity and its results related to the creation of electronic analogues of spiritual and material objects, as well as virtual spaces, processes and phenomena themselves (Baeva, 2013; 2014). In a narrower sense, electronic culture is a set of results of creativity and communication of people under the introduction of IT innovations, which is characterized by the creation of a single information space, a virtual form of expression, distance technology, liberal content, including both virtual phenomena proper and virtual analogues of real objects.

Of note is that the structure of electronic culture is heterogeneous, it includes such basic types of objects as:

- 1) digitized analogues of the manifestations of non-digital culture: digital libraries, digital data, video and photo archives, digital copies of works of art, digital education, electronic media, electronic governmental and commercial services, online banks, currencies, and much more. The function of such digital analogues of cultural objects is their adaptation to the conditions of the information age, increasing the convenience of their use and transmission for humans;
- 2) manifestations of culture, electronic in form and content, that had no analogues in pre-digital culture, as the Internet, artificial intelligence, big data, social media, the Internet of things, etc.;
- 3) information technologies, networks, systems, resources related to the creation and management of data, knowledge, communication channels, etc.

Electronic culture and its phenomena have a special nature, being a synthesis of knowledge and information phenomena. The characteristic features of objects of the first and second types of electronic culture are as follows:

- freedom of access, openness for members of the information society (possessing the necessary resources and competencies);
- distance, real remoteness from the knowing agent;
- interactivity, the ability to participate in the information content forming from any point in the information community;
- liberality, descriptiveness, absence of rigid rules, and norms (including ethical ones);
- eclecticism, diversity of content, coexistence of different streams of information, of styles, genres, and trends;
- virtuality as existence in an artificially created reality;
- fragmentation, mosaic expression, dominance of the visual over the semantic;
- innovativeness, existence through the introduction and constant updating of scientific developments (especially in electronic art and electronic communication);
- entertaining and playful character used both in traditional spheres (learning, recreation, leisure) and in others (online advertising, -trade, -banks, etc.).

Objects of electronic culture do not just replace the originals; they largely develop them, supplement them with new opportunities, and make them more accessible, interactive, and widespread. They become not only a doubling of “living” culture as its digital copy, but also acquire their own ontological status, having special parameters and characteristics that are not inherent in the phenomena of material culture or phenomena of consciousness. In the field of virtual interaction in electronic culture, its own communities, rules, etiquette, language are formed, developing rapidly, sometimes in opposition to the existing reality, sometimes by analogy with it. Electronic culture acts not just as the “environment” for a contemporary person, but as his/her existence, where new problems of living in a digital society arise: blurring of the boundaries of real and virtual; questioning the trust in virtual communication with the digital analogue of the Other; deformation of cultural, as well as social identity and the formation of digital and network identities; new forms of alienation, escapism, digital runaway from reality;

manipulating consciousness and behavior of an individual in the information space; the formation of new types of unfreedom, dependence on virtual objects and processes; replacement of individuality with cyber-corporeality; existential security in a digital society, etc.

Digital education, based on e-learning, has become one of the most important components of e-culture, contributing to the adaptation of citizens to life in its conditions. Digital education has signs and features inherent to the objects of electronic culture in general, many of which complement and develop its capabilities (accessibility, openness, interactivity, game elements), but a number of them may also have a potentially risky nature (openness, interactivity, lack of regulatory rules, control from any place, etc.).

Social and existential problems and security risks peculiar of the e-culture turn out to be more or less inherent in digital education. And as digital education begins to play an increasing role for an increasing number of citizens, determining the life of the present and future generations of children and youth, the study of the parameters of its safety and social risks becomes a necessary step for its development and humanitarian expertise.

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF DIGITAL EDUCATION ON HUMANS

The issues of assessing the impact of digital technologies on the education system and on a person from a security standpoint have become more and more relevant since the beginning of the 21st century, as such learning is increasingly used. The researchers note that digital learning makes it possible to widely use the possibilities of individualization, interactivity, visualization, gamification of training; it creates ample opportunities for managing education based on artificial intelligence, processing big data on learning outcomes and problems. The positive aspects of the impact of digital learning on a person include the following:

- The digital learning process (DL) is activated on the two sides: both the teacher and the student (student) act as creators of information, participants in the communication process, acquire knowledge and skills in a single digital environment. Digital learning involves the development of skills for self-study, independence, initiative, self-control, etc.
- DL assumes individualization of training, flexible adjustment of the curriculum, the speed of mastering it, specific methods of online or offline learning in accordance with the age group, psychological type of personality, etc. (Gaskell, 2009).
- DL is characterized by high innovation, dynamism of changes, updating of content, interfaces, software based on the constant implementa-

tion of the achievements of the scientific and technological revolution in teaching practice.

- DL allows students to receive constantly updated, multilateral, and not only bound by unambiguous interpretation, information about the object of study. Speed, breadth of coverage, democratic access, the ability to learn more – all this characterizes the features of the modern receipt of information by students at school or university.
- Informatization visualizes information, makes the learning process effective for working with different age and other groups. (Ghosh, Nath, Agarwal & Nath, 2012)
- DL is based on the principle of interactivity, which fosters students' interest through the co-creation of information, opportunity and consideration of continuous feedback.
- DL makes the learning process as transparent as possible, verifiable from the outside, reduces subjectivity in estimating students by the teacher, and possible "pressure" on the student's personality.
- DL allows people to study on-the-job, with the family, saying away from the educational institution or having health difficulties, or hard access to receive a classical education.
- Being highly democratic and widespread, this makes DE the most popular for generations from 30+ to 70+, as well as for the development of forms of additional education (MOOC) (Thompson, 2012).

At the same time, researchers are identifying the highest risk factors associated with the use of online learning.

Even before the widespread use of online learning in 2020, the risks of the formation of addictive behavior were identified; for example, a study by Y. Alghamdi showed that the introduction of educational digital technologies at a young age can lead children to social isolation, cause depression, serious mental and physical illnesses and disorders (Alghamdi, 2016). In addition, emerging threats to the health of students were noted due to lack of physical activity, prolonged exposure to the screen, stress on vision, musculoskeletal system, etc. (Mustafaoğlu, 2018). A number of studies identified significant problems and risks in the use of digital learning connected with a decrease in motivation to study (Strekalova, 2019), with a decrease in interpersonal communication skills (Karpova, 2016), the formation of mental disorders in behavior: from apathy to aggression (Schneider & Symaniuk,

2017; Panchenko, Mukhametzhanova & Khairutdinov, 2019), weakening of cognitive functions (Khrapov, 2020). N. S. Ilyushenko, considering the risks of a digital turn in education, distinguished the following: additional study and workload for students and teachers, large time costs for creating a digital educational product and its rapid obsolescence with a loss in the quality of content, a decrease in the quality of formed skills that develop only in “face-to-face” communication as well as problems of digital security and digital discrimination (2019). In general it should be noted that studies on the impact of digital education on a person from a security standpoint until 2020 were mostly episodic. Since the task of digital transformation of education has today been set by the government of many countries, including Russia, it becomes necessary both to perform step-by-step consistent movement in this direction, and to assess possible risks and threats as one of the priorities (Semenov, 2019). Year 2020 has accelerated the digital turn in education, while also highlighting some of its major challenges. These transformations caused a significant social effect; in many aspects they were accompanied by negative assessments of students and parents, which forces researchers to more carefully analyze the associated risks and pay the most serious attention to human safety issues in the digital learning environment.

ASSESSMENT OF RISKS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

Year 2020 was a turning point both for the world as a whole and for the education system, which was forcedly transferred to a distance format, making it possible to reduce the threat of the spread of coronavirus infection. Year 2020 was a turning point both for the world as a whole and for the education system, which was forcedly transferred to a distance format, making it possible to reduce the threat of the spread of coronavirus infection. This process was uneven and showed that a significant part of schools and universities were not ready for such a transformation. At the same time, the education system, in the context of self-organization, rapidly began to adapt to new conditions, and by the second semester considerable experience had already been accumulated in methodical, organizational and also educational activities, as well as, in some cases, in the field of psychological and social support for the students.

As the education process became conditioned by the peculiarities of virtual communication and shifted to the digital environment, certain social threats also emerged. The practice of a general transition to online learning showed the crucial threats that were associated with a violation of personal security and human rights in the digital environment, with the possibility of cyberattacks, transmission of classified information, the spread of fakes, cyber

fraud, which in these conditions receive new impulses and forms of manifestation.

At the end of 2019-2020, within the framework of the project “Assessing the impact of digitalization of education on a person” at the Astrakhan State University, two mass surveys and a series of focus groups from teachers of schools and colleges in Astrakhan were organized and conducted to estimate the problems encountered during the transition to distance learning format. Surveys on information security issues were conducted in two waves, the first in November-December 2019 and the second in the context of the transition to digital learning in self-isolation mode in April 2020 (the sample consisted of 400 respondents, including teachers of schools and colleges in Astrakhan and a number of districts of Astrakhan region). The results of the first wave of the survey (November-December 2019), in which 400 teachers were interviewed, showed that teachers put in the first place the problems of violation of authenticity and confidentiality among the most pressing risks. After the introduction of the self-isolation regime and the transition of schools to digital education, the situation changed dramatically: after the massive transition to a digital learning environment, teachers put digital inequality (lack of availability of technical resources) and violation of the integrity of educational content (more than 70% of respondents) in the first places among the risks. Violations of educational content have been linked to a variety of factors, from fakes to cyberattacks. The results of the conducted surveys showed that the greatest fears among the pedagogical community in the implementation of the digital educational environment (DEE) in the information sphere are caused by the risks of violation of confidentiality, content integrity and authenticity (over half of the respondents). The teachers also noted the risks in the legal sphere: the increase in cases of plagiarism among students, violation of the copyright of teachers for methodological or didactic materials, a decrease in the level of unique educational material (Azhmukhamedov & Kuznetsova, 2020, p. 10).

A series of focus groups with school teachers aimed at examining the main difficulties and risks encountered in the course of digitalization was held in June 2020. Three focused group interviews were organized, homogeneous on two grounds: the professional affiliation of the respondents and the use of digital educational technologies in their activities. During the processing of the results, such a method as mind mapping was used; consequently, a mental map of teachers' opinions regarding the process of digitalization of education was drawn.

The teachers identified the various risks they faced in the digital learning environment and in the organization of educational activities:

- 1) problems of affordable internet connection and personal gadgets;

- 2) introduction of undesirable, “adult” content into educational resources, general problems of information security violation;
- 3) significant problems with the organization of learning in the digital environment of primary and secondary schoolchildren who are not able to organize their workspace on their own;
- 4) general decrease in learning outcomes, weakening of motivation to study, concentration of attention during online classes, deterioration in memorizing the material (possible reasons are associated with the loss of motor skills in writing, as well as an increase in the information flow), significant difficulties in the assimilation of educational material in several subjects;
- 5) lack of teaching materials for learning in a digital environment;
- 6) the risks of losing the opportunity to develop creative skills of students who can borrow ready-made samples in the digital environment;
- 7) physical health and safety issues. Students have a dramatic increase in “screen time”, which affects vision, the musculoskeletal system, the nervous system, thus disrupting the healthy lifestyle of the student (and the teacher);
- 8) possible risks in the field of socialization and adaptation of students, weakening and even loss of the upbringing function of education associated with the transmission of values.

The results of surveys and focus groups were studied and formed the basis of the cluster theory of digitalization risks (Baeva, Khrapov, Azhmukhamedov, Grigoriev & Kuznetsova, 2020).

The following main risk-generating clusters were identified: informational, cognitive, social, vital and addictive.

I. Information cluster is associated with possible threats and risks from negative information impact in the cyber environment.

The main parameters of information threats to the educational process associated with the implementation and realization of a unified digital educational environment, from the point of view of the main information security services, are: threats of violation of confidentiality, integrity, availability, authenticity and non-repudiation. “Confidentiality” parameter characterizes the ability to prevent the illegal distribution of personal information by participants in the educational process. “Integrity” parameter of educational content is associated with the impossibility of its illegitimate change, affecting the internal unity, logical connection in accordance with the requirements of the educational organization and federal standards. Accessibility to a digital

learning environment means the possibility of unhindered entry to DEE resources for all legitimate participants in the educational process. “Authenticity” parameter provides for the confirmation of identity and the obstacle to the ability of the subject to impersonate another user. Non-repudiation is considered as an important security parameter linked with preventing the possibility of refusing to create, receive or process information (Kuznetsova, Azhmukhamedov & Baeva, 2020).

II. The cluster of cognitive risks is associated with impairment or impairment of cognitive processes.

The following main types of possible cognitive risks of digitalization of the educational space were identified: 1) informational oversaturation of the cognitive sphere of students as a process of fixing redundant information at the levels of attention, memory and thinking, causing fatigue and reducing motivation for learning; 2) crucial transformation of students’ consciousness as a process of changing the content and structural/functional mechanisms of the dynamics of consciousness, expressed in the development of “clip consciousness”; 3) devaluation of the possibilities of memory as a cognitive situation manifested in the domination of the short-term type of memory over the long-term one and the alienation of individual memory from social (cultural) memory, due to its depreciation and replacement by digital information resources; 4) decrease in the level of critical independent thinking as a process revealing itself in the dominance of the emotional-figurative type of perception and thinking over the verbal-logical type and the devaluation of analytical abilities (Khrapov, 2020).

III. The cluster of vital risks and threats associated with a significant increase in screen time accompanying the digital transformation of education.

The generalization of scientific sources and the results of focus groups surveys showed that the main risks were connected with emotional, mental and physical reboots. The organs of vision, the musculoskeletal system, and the nervous system are the most vulnerable in this regard. Excessive “screen time” can be a source of physical and psychological overexcitement for adolescence, as sleep disorders, emotional exhaustion, provokes increased activation of the visual centers; this also becomes the cause of the development of diseases of the spine. (Baeva, Khrapov, Azhmukhamedov, Grigoriev & Kuznetsova, 2020).

IV. The cluster of social risks.

It was found that the shift in lifestyle to a digital communication and educational environment for students can have certain risk-generating effects forming difficulties with socialization, interpersonal communication, social

skills, etc. Social risks have a delayed effect and can manifest themselves as communication further shifts to the digital environment. As noted by A. V. Grigoriev, one of the consequences of the digitalization of education which reduces the share of interpersonal communication may be “desocialization of the individual expressed to this or that extent, namely, deterioration of communication skills, mismatch of rules and behavioral habits in society, weakening of the sense of community, belonging to a larger social group” (Grigoriev, 2020, p. 415). This becomes a manifestation of social exclusion, infringing of the person’s involvement in social relations expressed through language, behavioral specifics, etc., and contributes to the growth of alienation both between the teacher and the students and among the students themselves. This alienation “becomes a prerequisite for the development of other social risks of digitalization of education, namely trolling and bullying” (Grigoriev, 2020, p. 416).

V. The cluster of risks of addictions forming.

The factor of addictions forming associated with various forms of electronic culture is of particular concern in recent decades. An increase in the students’ “screen time”, and the transition of communication mainly to a virtual environment can contribute to the formation of new addictive disorders and forms of behavior, such as “screen addiction”, dependence on social networks, a general growing dependence on gadgets and Internet communication. (Baeva, Khrapov, Azhmukhamedov, Grigoriev & Kuznetsova, 2020).

The risks of digitalization of communication and education are manifested in different ways in certain conditions (social well-being, age characteristics, psychological aspects of personality, etc.); therefore, attention to them should form a wide range of measures for social support of students. Such support received particular relevance in the crisis year of 2020, when all students found themselves in the conditions of a transition to digital learning.

PERSONAL SAFETY PRACTICES IN A DIGITAL LEARNING ENVIRONMENT

In 2020, as the issues of personal protection in the digital environment were becoming more acute, social practices related to ensuring security have intensified. The factors that increase social security in the digital environment of the education system, in our opinion, are various types of activity that contribute to:

- 1) respect for human rights, in this case the right to education;

- 2) protection of the individual in the digital environment from destructive social impact;
- 3) ensuring the communicative needs of the individual (want of communication, self-expression, social interaction) and the development of his abilities, skills that increase his social adaptation and socialization;
- 4) the settlement of relationships in the communicative and educational environment based on the principles of ethics, mutual respect and recognition of the rights of each of the parties to a dialogue or polylogue.

In 2020, during a pandemic, security issues in the digital environment came to the focus of attention of both researchers and practitioners. In different countries, educational organizations and ministries began to develop and implement certain elements of the security system associated with protecting students from different threats. Security issues were reflected in various guides and instructions on security in the cyber environment, posted on the websites of educational institutions, which were studied by us on the basis of the elements of content analysis and in-depth study of individual media cases (study of Internet portals of educational organizations in different countries). The following were used as the main categories for comparison:

- 1 sections on security in DEE;
- 2 safety instructions for students (meant for parents);
- 3 information about the types of threats in the digital environment (of their variants; for example, cyberbullying, as the most widespread type of personal abuse);
- 4 providing links to the addresses of the helpline or the hotline for assistance in a crisis situation;
- 5 links to documents on cybersecurity at the national or international level;
- 6 the existence of rules of ethics of conduct in the digital educational environment (from an external source, or developed in the organization).

In November-December 2020, we studied the Internet portals of educational institutions (ministries, universities, schools) in selected countries of Europe and Asia in order to analyze content related to ensuring security (including that from social risks) in the digital educational environment (DEE). The sites of the University of Tokyo, Kanagawa University (Japan), Seoul National University, Peking University, Shanghai Open University, East

China University, University of Edinburgh, New Zealand Ministry of Education, UK Ministry of Education, EU Ministry of Education, Russian Ministry of Education were studied, as well as those of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, and National Research University Higher School of Economics. A number of universities did not publish any information on the prevention of threats in the digital environment in connection with the transition to digital education; some universities partially reflected the information, including guidelines on communication in the cyber environment, personal data protection, etc. In general, information on security in the cyber environment was presented in fragments, which showed that the policy of ensuring the protection of students is still largely at the stage of contemplation on and formation of, but not implementation. Universities in Japan were examined on the example of the websites of two universities. For instance, on the website of the University of Tokyo in the context of the transition to digital education in 2020, detailed “Rules for the safe communication of students and teachers”¹ were posted, as well as detailed instructions for working in a digital environment on various resources². During 2020, the university worked in a remote format and monitored emerging problems, provided material support for students.

In December 2020, the Briefing “Towards an online hybrid class” was also held to analyze the achievements and shortcomings in the course of working in the online learning environment and preparing for the new year 2021. Instructions for students in the field of safe communication in the digital environment are not provided on the portal, issues of social cybersecurity threats, for example cyberbullying, are presented only in the scientific news section devoted to the study of professors of the University of Tokyo, who investigated this phenomenon in 2020 including its correlation with human emotional competencies using the quantitative analysis method (survey with a sample of 6403 respondents)³.

In 2020, the website of the University of Kanagawa (Japan) provided detailed information on the transition to distance learning and the prevention of coronavirus infection; remote learning support sites were created with two versions: “For students” and “For teachers”⁴. The president of the university has allocated a one-time scholarship of 50,000 yen for students and for

1 How to let your students know your online class URL – Ground rules to safely meet instructors and students https://utelecon.github.io/en/faculty_members/let_students_know_your_url#how-to-let-your-students-know-your-online-class-url-ground-rules-to-safely-meet-instructors-and-students

2 Responses to cyberbullying Bullied victims’ experiences differ by their ability to handle their own emotions. URL: https://www.u-tokyo.ac.jp/focus/en/press/z0508_00120.html

3 Responses to cyberbullying Bullied victims’ experiences differ by their ability to handle their own emotions. URL: https://www.u-tokyo.ac.jp/focus/en/press/z0508_00120.html

4 Site of Kanagawa University. Establishment of Remote Class Support Site (24.04.2020) URL: https://www.kanagawa-u.ac.jp/english/news/details_20151.html

the organization of their online education in 2020¹. At the same time, issues of cybersecurity and cybersecurity were not reflected separately on the site.

**Figure 1. Website of the University of Edinburgh.
Top 10 rules for information security**

The analysis of the websites of universities in China was carried out on the example of Peking University and a number of universities in Shanghai. Peking University least reflected information related to the safety and protection of students in the digital environment. Only studies by university scientists involved in cybersecurity and cyber defense are noted here. At the same time, the contribution of a number of Shanghai universities to the development of measures for social and psychological support of students and parents during the period of the forced transition to distance learning should be especially noted. For example, East China Pedagogical University has developed a “Guide to Mental Health Education for Elementary and Secondary Schools” to help educators in schools during a pandemic. Shanghai University of Science and Technology subsidized mobile traffic for students, and increased the number of sign language interpreters for teaching hearing-impaired students to raise the share of online text communication in teaching. Shanghai universities launched programs for the population called

¹ https://www.kanagawa-u.ac.jp/english/news/details_20160.html

“The Wisdom of Family Education” and the “Grow Up Together – Parent and Children Amusement Park” program for social adaptation in home schooling conditions, for teaching preschool parents to go in for sports with children, exercises and play useful games in conditions of lockdown¹.

Among European universities, the University of Edinburgh (UK) stands out as the best practice in social security in the digital environment. The most complete information on ensuring personal safety in the context of the transition to digital learning was presented on its website². The university's website presents the basic rules for information security of students, including recommendations for data protection, for ensuring “digital well-being”, for the prevention of stress, addictions, emotional and psychological disorders. The information was presented in a structured manner, in separate categories. Among the recommendations in the field of information security were such as: regular checking of privacy settings; control of tracking geolocation. In the area of social well-being, there were such recommendations: set your boundaries on the Internet (since “the constant bombardment of news reports and posts on social networks can negatively affect your mental health”); take breaks from sessions if you feel moodiness; participate in activities on the Internet to support each other. In the field of protection against negative information impact, there were such recommendations: report if you witnessed cyberbullying on the Internet. The addresses of the trust services were given. In the University of Edinburgh several resources to support students' well-being has been created, such as the Big White Wall, the Feeling Good app, and the Silver Cloud Self-Help Center.

Of Russian universities, we studied the official sites of the Moscow State University named after Lomonosov, and the Higher School of Economics, which is positioned as one of the leaders in the digitalization of education.

A page “Distance education at Moscow State University” was created on the website of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, which contains instructions (“7 steps”) for teachers on organizing online education³, as well as recommendations for the students to adapt to a new format of education during a pandemic.

The section “FAQ on remote work at Moscow State University” provides useful information for students on the organization of educational and extracurricular life in the context of distance education, including information on the possibility of visiting virtual exhibitions (links to the pages of the best

1 Online and Open Education in Shanghai: Emergency Response and Innovative Practice during COVID-19 Pandemic. <https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2020/06/Online-and-Open-Education-in-Shanghai-Emergency-Response-and-Innovative-Practice-during-COVID-19-Pandemic.pdf>

2 The site of University of Edinburgh. Information Security is everyone's responsibility. It will help protect yourself and the University. URL: <https://www.ed.ac.uk/information-services/help-consultancy/is-skills/digital-safety-and-citizenship/staying-safe-learning-teaching-online>

3 <https://covid.msu.ru/>

museums in the world), web travel (in Antarctica, to the International Space Station, etc.), reading online, learning foreign languages, watching films¹ in order to relieve psychological tension, and alienation from the usual environment of communication. Information on security in a digital learning environment, prevention of cybersecurity threats, their variants and personal protection was not presented on the university website; neither ethical rules for working in an online learning environment.

On the website of another leading Russian university, the National Research University Higher School of Economics, a separate page was created in 2020 with recommendations for the transition of education to a digital environment during a pandemic, which contains instructions for teachers and students. They gave recommendations on organizing classes and communicating with students in various formats², including a step-by-step “Memo on how to transfer classes to online type”³. Among the recommendations, one should especially highlight those that contain advice “How to do” and “How not to do” for the effective organization of online learning. As a reduction in the risks of a cognitive nature, we noted recommendations aimed at maintaining students’ motivation to learn, as well as reducing the unnecessary burden on the student to maintain the quality of education.

Как нужно делать	Как делать не стоит
01 Асинхронное обучение: преподаватель заранее разрабатывает задания (или записывает видео) для студентов и дает инструкции по использованию технических инструментов обучения	01 Синхронное обучение: преподаватель читает лекции и ведет семинары только онлайн, не предлагая студентам подготовительные материалы
02 Меньше значит лучше: при онлайн-обучении освоение материала по различным причинам может занимать больше времени, поэтому следует заранее определить приоритетные темы и задания	02 Нереалистичные ожидания: не следует давать задания на каждый день или устанавливать короткие сроки исполнения заданий
03 Четкие критерии и инструкции: дайте студентам план будущих занятий – темы, их последовательность, примерное время прохождения, используемые инструменты, четкие критерии всех форм оценивания	03 Размытые сроки и неясные критерии: задания с неопределенным сроком исполнения чаще всего оказываются совсем невыполненными, а задания без жестких критериев – выполненными некачественно
04 Будьте на связи: сделайте форму для обратной связи, чтобы узнать, какие темы и инструменты вызывают у студентов затруднения, и назначьте регулярные «часы приема», когда студенты могут связаться с вами для их обсуждения	04 Быть всегда online: не стоит использовать различные платформы для связи со студентами (например, отвечать в социальных сетях); большинство учебных вопросов могут быть решены в рабочем порядке в течение рабочих часов

Figure 2. Site of the National Research University Higher School of Economics. Instructor Memo⁴

- 1 Moscow State University. Official site. ‘FAQ on remote operation at Moscow State University’ <https://vk.com/@studsovetmsu-chem-zanyatsya>
- 2 National Research University Higher School of Economics. Official site. Distance learning tools. URL: https://elearning.hse.ru/if_you_want_to_create
- 3 National Research University Higher School of Economics. Official site. Memo for the teacher: Transfer of the discipline to the online format. URL: https://elearning.hse.ru/how_to_prepare
- 4 Ibid. Do's and Don'ts. English version: https://elearning.hse.ru/en/how_to_prepare/

At the same time, among the instructions for teachers and students present on the site there is no prophylaxis of cybersecurity measures, protection of individual rights and dignity, countering cyber fraud, caring for manifestations of addictions and psychological disorders. Information for students is mainly containing advice on preparing for exams, for preparing for classes. National Research University Higher School of Economics, on the wide transition of its services to online learning, has developed the widest range of measures for organizing online learning, primarily from an organizational and technical position; however, as for social support measures and personal safety issues, they have not yet been given significant importance.

Analyzing these sample examples, we can draw the following conclusions. During the period of digital transition, the websites of leading universities to a greater or lesser extent provided information related to ensuring personal safety in the digital learning environment. The main focus was made on ensuring the continuity of education and instructions for teachers and students for the learning process itself. Much attention is paid to the organizational, methodical, technological aspects of working in an online learning environment. A number of universities paid special attention to cybersecurity threats and their prevention (University of Tokyo, University of Edinburgh). At the universities of Tokyo, Shanghai and Moscow State University named after Lomonosov, considerable attention was paid to measures of a socio-psychological orientation, to create a positive background, to maintain an atmosphere of solidarity in conditions of disunity and forced remoteness of students from each other and the campus.

The control over the activities of schools that are less autonomous in comparison with universities is carried out by the national ministries of education, whose websites we also studied for coverage of recommendations on ensuring social security in the cyber environment for schoolchildren.

One of the successful cybersecurity reporting cases is the New Zealand Ministry of Education website. Here, the first materials on safe behavior and learning date back to even 2015. Materials for the work of teachers with different age categories were posted on the website of the Ministry: up to 6 years old, from 5 to 16, and 16+. The website also contains a detailed guide “Digital Technologies: Safe and Responsible Use in Schools” (2015)¹. The Guide includes descriptions of the digital technologies themselves, of the accepted forms of behavior, as well as a description of the risks and negative scenarios that are most common (cyberbullying, publishing intimate photos, organizing a fight online, recording an incident in the classroom and

1 Site of Ministry of Education of New Zealand. Digital technologies: Safe and responsible use in schools. URL: <https://www.education.govt.nz/school/digital-technology/digital-technology-guide-for-schools/digital-technology-safe-and-responsible-use-in-schools/>.

publishing it, etc.). Separate sections are devoted to such categories as: “Safe and responsible use of digital technologies for learning”; “Incident response”, “Legislation and Incident Management”; “Responsibility and Authority of Schools”; “Using social networks and other online services in teaching and learning”. The Ministry’s website pays attention to the ethical principles of behavior in the conditions of online learning; it provides recommendations for regulating these issues.

Special sections on the website of the Ministry of Education of New Zealand were devoted to an overview of measures preventing and responding the incidents in DEE, the study of negative scenarios and measures to prevent them (through a system of questions and answers) (the main scenarios were the distribution of intimate photos and pornography on the network, the use of instant messages for organizing a fight, video recording of the attack). The site contains a list of criminal offenses in the digital environment (cyberbullying, harassment and threatening behavior), links to legislation and a list of necessary literature. The section on terminology includes such concepts as “Cybersafety: Involves conduct or behavioural concerns” and “Cybersecurity: Involves unauthorized access or attacks on a computer system”, where the first has a more socio-psychological and the second – technological emphasis.

In 2020, during the pandemic, a section on Covid-19 appeared on the website of the Ministry of Education of New Zealand, where detailed information about learning from home was posted, including a separate website for parents, including instructions for organizing education for children of various categories (up to children of migrants and refugees)¹. The information was presented in 15 languages.

For certain categories (Mauri peoples), the lessons were televised. All schools were sent packages of documents and teaching materials on 50 basic disciplines (including printed ones if the children did not have access to the Internet). Specific links have been created for early childhood education counseling, counseling for schools, and for health care providers related to the pandemic.

Conclusions for the 1st case:

- 1) In New Zealand, in 2015, the creation of conditions for online learning in schools began.
- 2) An information and legal base for DEE was created at the national level.

1 Ministry of Education of New Zealand. Covid-19: Distance learning. URL: <https://www.education.govt.nz/covid-19/distance-learning/>

- 3) Guidelines have been developed for various levels of education for working in DEE.
- 4) During the pandemic, resources were created with educational materials, guidelines and forms for consultation and feedback not only in the state language (English), but also in the languages of the peoples living in the country or the languages of migrants.
- 5) Personal safety issues were fully reflected on the website of the Ministry of Education, including a detailed list of threats (their conceptual analysis), their examples, and preventive measures for different age groups of students.

This case shows an example of an effective organization of theoretical and practical work in the field of risk and threat mitigation in the digital environment.

The second case is dedicated to the website of the UK Department of Education. Information on student safety in the digital environment has been presented here since 2019. The Department's website has a comprehensive Guide to Online Safety in UK Schools that can be used by educators and parents and guardians alike. This guide describes how schools can ensure their students understanding of how to stay safe and how to behave within the future and existing curriculum requirements. One of the most important measures taken by the UK Department of Education was the decision to include from September 1, 2020, the course "Teaching Online Security" as a mandatory course in the school curriculum. Also, certain issues related to safety, on the recommendation of the Ministry, were to be included in the already existing disciplines. For example, the course "Civic Education" should now cover issues of media literacy in order to develop the ability to distinguish facts from opinions, analyze issues of freedom of speech, the role and responsibility of the media in informing and shaping public opinion.

Particular attention on the website of the UK Ministry of Education is paid to cybersecurity; the page "Online Security" provides detailed information on how to avoid online fraud (fishing), online crimes associated with extremism, violence or discrimination on various grounds. During the pandemic in 2020, the Ministry's website added columns related to the protection of teachers and students, pages for parents and guardians to ensure online safety of children, to prevent negative impact on the Internet, to set up parental controls on various devices, advice to parents and guardians to protect children from online radicalization¹. At the request of "cyberbullying",

¹ Safeguarding and remote education during coronavirus (COVID-19) (April 2020). URL: <https://www.gov.uk/guidance/safeguarding-and-remote-education-during-coronavirus-covid-19#safeguarding-pupils-and-teachers-online>

63 results have been generated on the Ministry's website (2018-2020) on the measures providing assistance, study and prevention of this social phenomenon (01/04/2021). This topic is one of the most important in the field of studying social threats and protection for the young people in the Internet, and it rightly attracts the attention of educators and specialists. An important role was given on the Ministry's website to providing psychological support to students, helping students to protect themselves from stress in the context of digital education.¹ "Public Health England Parent and Guardian Guidelines" are developed to help organize student routines that will help children feel safe in the face of uncertainty.²

Conclusions for the 2nd case:

- 1) Online safety issues were highlighted as priorities for study in the school curriculum;
- 2) Safety guidelines for parents and guardians in the digital environment include aspects of countering the spread of violence, extremism, discrimination;
- 3) During the pandemic, resources have been created to protect both students and teachers;
- 4) A system of measures has been developed to support parents, as well as to train them to monitor children and help them with safety issues;
- 5) Special attention was paid to the problems of the emotional and psychological state of students and protection from stress;
- 6) The types of threats in the digital environment are presented differentially, and special attention is paid to the most socially dangerous and widespread destructive informational influences.

The third case is devoted to the website of the Ministry of Education of the Russian Federation.

Since March 2020, hotlines have been created and operated on the website of the Ministry for methodological support for teachers, parents, school principals, students of secondary vocational education, as well as people with disabilities. A specialized section has been created on the Ministry's website to help organize home education using distance technologies, containing instructions and methodological materials for teachers

1 Safeguarding and remote education during coronavirus covid-19/ URL: <https://www.gov.uk/guidance/safeguarding-and-remote-education-during-coronavirus-covid-19#providing-pastoral-care-remotely>

2 URL: // <https://www.gov.uk/government/publications/covid-19-guidance-on-supporting-children-and-young-peoples-mental-health--during-the-coronavirus-covid-19-outbreak#helping-children-and-young-people-cope-with-stress>

and schools. As material and social support, 500 thousand children and 23 thousand teachers received computers and Internet access free of charge.¹ On Children's Day, June 1, 2020, an open lesson "Cybersecurity and rules of conduct on the Internet" was held to develop information security skills in schoolchildren.² At the same time, there are no separate sections dedicated to recommendations in the field of security and protection in the digital environment on the site, as well as ethical codes for work and study. For the query "cyberbullying", the Ministry of Education website did not provide any results. The data obtained indicate that security issues in the digital environment are still largely underestimated and require a comprehensive study to be updated.

Conclusions for the 3rd case:

- 1) Methodological materials for organizing online education in the pandemic were posted on the website of the Ministry of Education of the Russian Federation.
- 2) Measures were taken to provide material support to citizens to solve the problem of access to educational resources.
- 3) The problem of security in the digital learning environment did not receive documentary support and recommendations for teachers and students.

The fourth media case was devoted to the analysis of the website of the European Commission on the regulation of online education. Strategically important steps for the EU countries on security issues in the field of digital education were developed at the 3rd European Education Summit (12.12.2020). Here, the development of digital competencies and increasing information literacy of the population, as well as bridging the digital divide were named the main tasks.³ At the summit, the "Digital Education Action Plan (2021-2027)" was adopted, in which the problems of digital education that arose in 2020 were also noted. First of all, they included the lack of equal access for all students to Internet resources and technical un-readiness for distance learning. Based on the monitoring carried out before the summit, it was revealed that the most vulnerable were junior and middle schoolchildren, who themselves could not organize their own learning process. In families

1 URL: <https://edu.gov.ru/press/3079/opyt-rossii-po-organizacii-bezopasnogo-uchebnogo-processa-vysoko-ocenili-v-sovete-evropy>

2 <https://edu.gov.ru/press/2541/minprosvescheniya-rossii-udelyaet-osoboe-vnimanie-bezopasnosti-obrazovatel'nogo-kontenta-v-period-distancionnogo-obucheniya>

3 Digital Education Action Plan (2021-2027) URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en

with higher educated parents, the transition to digital leaning was more successful, and the children received the necessary assistance. Such problems of digital learning as high overload of information and tasks for students, introduction of false information and extraneous content, insecurity of personal data were noted.¹ To address emerging and potential threats, the European Commission's Plan provides for the development of common guidelines for teachers and teaching staff on increasing digital literacy and combating disinformation through education and training.² Thus, the importance of preventive actions in the field of protection against falsification of information, fakes, violation of the integrity of educational content or the use of low-quality material for educational activities is noted.

Another no less important area of the Action Plan implementation is the development of ethical standards for the use of artificial intelligence in education, which is also an important measure for the prevention of possible social and legal risks in the relationship "person – AI", in which incorrect actions that harm a person and his dignity are possible. At the same time, the issues of the security of the digital learning environment in social, psychological, vital, addictive relations have not yet been reflected in the Digital Education Action Plan. However, it should be noted that cyberbullying issues in Europe have attracted more and more attention among scientists and practitioners in recent years.

This case shows that in the Digital Education Action Plan for the EU countries:

- 1) The issues of personal safety in the digital environment are considered as priorities, along with the issues of organizing and expanding digital learning, overcoming the digital divide, etc.;
- 2) Specialized sections on protecting a person from threats are not presented in the document;
- 3) Issues of cyber ethics, including ethics of human relations with AI in the educational environment, are being raised as topical in the coming years;
- 4) The work of the European Commission pays great attention to countering social threats in the cyber environment (cyberbullying, etc.), which are considered in a set of measures to protect human rights and dignity.

1 Digital Education Action Plan (2021-2027) URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1602778451601&uri=CELEX%3A52020DC0624>

2 Digital Education Action Plan (2021-2027) URL: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en

CONCLUSION

Thus, the following conclusions can be drawn regarding the assessment of security issues in a digital learning environment and their coverage in educational practices:

1. In the context of digital transformation, the learning system significantly changes the nature of the social interaction of its subjects, breaking old ties and forming new ones. The role of social skills, and interpersonal communication, formed in the process of educational and extracurricular activities, is extremely important for the formation of personality, and they should also be given an important place in the context of digital transformation. A significant role in the digital transformation is played by the social well-being of the student, digital hygiene and the guarantee of the protection of his rights and freedoms in the digital environment. Interpersonal communication among students in virtual classrooms is being replaced by communication in social networks, which changes its nature and forms new social phenomena (including risk-generating ones associated with destructive information impact). In these conditions, prophylaxis of the social security in the digital educational environment is becoming one of its important components in this system, which ensures the protection of the rights and freedoms of the individual.

2. The guarantee of social protection of individual rights in the information society should be associated first of all with the possibility of choosing a form of education (traditional, distance or hybrid), which should be taken into account when forming strategic documents in the field of education development at the national and regional levels. Students and parents should have the right to decide whether it is worth turning to distance learning in a digital environment, unless it is caused by *force majeure*.

Another important parameter of social guarantees of human rights to education in the digital environment is the availability of resources, the provision of which should not be completely transferred to the families of students.

3. The digital learning environment, created by order of modern governments in various countries, is becoming a concentration of large volumes of educational materials, tests and assignments performed by students in many ways autonomously, the verification of which will be supplemented in the near future with specialized artificial intelligence. This will create conditions under which the social background that motivates learning and activity, the formation of moral experience, the dialogue with the Other, including the experience of communication in the intercultural sphere, is practically absent and is replaced by the cyber environment, simulative community and communication. This requires the development of a system of social support

and accompanying students, designed to strengthen social and emotional skills, moral forms of behavior in the digital environment.

The tasks of the social support system should include, among other things:

- 1) supporting families with technology difficulties and creating equal educational opportunities;
- 2) support of interpersonal communication and the formation of social skills of the individual;
- 3) support of a positive social and emotional state in virtual classrooms;
- 4) prevention of deviant manifestations and social threats in the network interaction of students, including cyberbullying;
- 5) development of codes of ethics for online education and training courses on the basics of safe behavior in the cyber environment.

4. Social security and well-being depend on the prevention of threats in the cyber environment that can intentionally harm the individual. Websites of educational organizations post materials on the prevention and countermeasures of personal threats in the digital environment. However, an understanding of the relevance of these steps in a broad sense has not yet been achieved; a lag in responding to such challenges can lead to tragic consequences. Informing about existing threats alone is not sufficient to counter them; a system of measures in educational institutions is needed to counter cybersecurity threats of a socio-psychological orientation (along with the protection of information and personal data).

5. In the education system in various countries, security issues in the digital learning environment remain largely underestimated. A number of universities in Asia and Europe demonstrate a high degree of concern for cybersecurity, while in Russian universities these problems remain on the periphery of attention. It should be noted that European universities and ministries of education are more focused not on protecting the system from cybersecurity threats, but on protecting human rights and dignity. In Russia, using the example of Moscow State University, one can note that high attention is paid to social and psychological support of students in the digital environment as a prevention of network social threats.

6. The study of the best practices in the field of personal protection from social cybersecurity threats becomes, in the context of digitalization of education, an opportunity to increase the competencies of each educational institution at all levels of education. In this regard, it is effective to create a databank at the international level, accumulating measures to prevent threats, develop

ethical codes of communication in the digital environment, including relations between humans and artificial intelligence.

The system of social support for students as one of the important elements of the digital learning environment should become one of the sources of prevention of possible deviations, addictions, destructive or self-destructive behavior, as well as the basis for protecting the individual from threats in the cyber environment, violation of the rights and freedoms and dignity of the individual, protection of personal data, to maintain and develop the social environment of communication, to strengthen the skills of socialization of the individual both in the conditions of electronic culture and in real communication.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared in terms of the research project “Assessment of the impact of digitalization of educational and social space on a person and the development of a safe communication and educational environment”, Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant № 19-29-14 007 MK.

References

- A3, E. (2018, September 14). Digital Education Action Plan (2021-2027) [Text]. Retrieved from Education and Training—European Commission website: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en
- Alghamdi, Y. (2016). *Negative Effects of Technology on Children of Today*. Oakland: Oakland University. doi: 10.13140/RG.2.2.35724.62089
- Baeva, I. A. (2002). *Mental safety in education*. St. Petersburg: Publishing house "Soyuz". (In Russian).
- Baeva, L. (2014). E-Culture. In M. Khosrow-Pour (Ed.), *Encyclopedia of Information Science and Technology: In 10 vol.: Vol. IX* (3rd ed., pp. 6847–6854). USA: IGI-Global.
- Baeva, L. V. (2013). E-culture: Experience of philosophical analysis. *Voprosy Filosofii*, (5), 75–83. (In Russian).
- Baeva, L. V., Khrapov, S. A., Azhmukhamedov, I. M., Grigoriev, A. V., & Kuznetsova, V. Yu. (2020). The Digital Curve in Russian Education: From Problems to Opportunities. *Values and meanings*, (5), 28–44. doi: 10.24411/2071-6427-2020-10 043 (In Russian).
- Chu, H.-C. (2014). Potential Negative Effects of Mobile Learning on Students' Learning Achievement and Cognitive Load—A Format Assessment Perspective. *Journal of Educational Technology & Society*, 17(1), 332–344.
- Cybersecurity and Rules of Conduct on the Internet. (2020). Retrieved from Ministry of Education of the Russian Federation website: <https://edu.gov.ru/press/2541/minprosvetsheniya-rossii-udelyaet-osoboe-vnimanie-bezopasnosti-obrazovatel'nogo-kontenta-v-period-distancionnogo-obucheniya> (In Russian).

- Education in New Zealand. (2020, December 7). Retrieved from Home learning website: <https://www.education.govt.nz/covid-19/distance-learning/>
- Establishment of Remote Class Support Site. (2020, April 24). Retrieved from Site of Kanagawa University website: https://www.kanagawa-u.ac.jp/english/news/details_20151.html
- Fundação Telefônica Vivo. (2016). *Assessment experiences in digital technologies in education*. São Paulo. Retrieved from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247330>
- Gable, G., Sedera, D., & Chan, T. (2008). Re-conceptualizing Information System Success: The IS-Impact Measurement Model. *Journal of the Association for Information Systems*, 9(7). doi: 10.17705/1jais.00164
- How to let your students know your online class URL – Ground rules to safely meet in-structors and students. (n.d.). Retrieved from Utelecon website: https://utelecon.adm.u-tokyo.ac.jp/faculty_members/old/let_students_know_url.html
- How to prepare for the transition to a distance learning format. (2020). Retrieved from https://elearning.hse.ru/how_to_prepare (In Russian).
- Iljuschenko, N. S. (2019). Digital learning: Perspectives and Risks of the Digital Curve in Education. *Designing the Future. Problems of Digital Reality: Proceedings of the 2nd International Conference (February 7-8, 2019, Moscow)*, 215–225. Moscow: M.V. Keldysh Institute for Applied Mechanics. Retrieved from <https://keldysh.ru/future/2019/20.pdf> doi:10.20948/future-2019-20 (In Russian).
- Information Security is everyone's responsibility. It will help protect yourself and the University. (2021). Retrieved from The site of University of Edinburgh website: <https://www.ed.ac.uk/information-services/help-consultancy/is-skills/digital-safety-and-citizenship/staying-safe-learning-teaching-online>
- Johnston, J., & Barker, L. T. (2002). *Assessing the impact of technology in teaching and learning: A sourcebook for evaluators*. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, University of Michigan.
- Karpova, D. N. (2016). *The Risks of Continuous Online Communication: Theoretical and Methodological Approaches to the Study* (PhD Thesis). MGIMO, Moscow. (In Russian).
- Khrapov, S. A. (2020). Risks of Forming a "Technogenic (Digital) Identity" in the Digitalization of Educational Space. *Vestnik of Tver State University. Series: Philosophy*, (2), 7–13. (In Russian).
- Kuznetsova, V. Y., Azhmukhamedov, I. M., & Baeva, L. V. (2020, May 13). *Analysis of Information Risks and Strategies for Protecting Schoolchildren from the Negative Consequences of Digitalization of Education*. 244–249. Atlantis Press. doi: 10.2991/assehr.k.200509.045
- Leaflet for students on information security of children. (2020). Retrieved from http://sites.-petersburgedu.ru/media/32/docs/3461/addition_MZQQlFX.pdf (In Russian).
- MSU. Official website. "FAQ on Remote Mode of Work at MSU". (n. d.). Retrieved from <https://vk.com/@studsovetmsu-chem-zanyatsya> (In Russian).
- Mustafaoğlu, R., Zirek, E., Yasacı, Z., & Razak Özdinçler, A. (2018). The Negative Effects of Digital Technology Usage on Children's Development and Health. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 5(2). doi: 10.15805/addicta.2018.5.2.0051

- Online and Open Education in Shanghai: Emergency Response and Innovative Practice during COVID-19 Pandemic. (2020). Retrieved from UNESCO IITE website: <https://iite.unesco.org/publications/online-and-open-education-in-shanghai-emergency-response-and-innovative-practice-during-covid-19-pandemic/>
- Panchenko, O., Mukhametzyanova, F., & Khayrutdinov, R. R. (2019). Challenges and risks to personal safety in the digitalization of education. In D. V. Sochivko (Ed.), *Psychology of the XXI Century: Challenges, Search, Vectors of Development. Proceedings of the All-Russian Symposium of Psychologists*. (pp. 640–645). Ryazan: Academy of the Russian Federal Penitentiary Service. (In Russian).
- Responses to cyberbullying: Bullied victims' experiences differ by their ability to handle their own emotions. (2020, June 29). Retrieved from ScienceDaily website: <https://www.sciencedaily.com/releases/2020/06/200629120145.htm>
- Russia's experience in organizing a safe learning process. (2020). Retrieved from <https://edu.gov.ru/press/3079/opyt-rossii-po-organizacii-bezopasnogo-uchebnogo-processa-vysoko-ocenili-v-sovete-evropy> (In Russian).
- Safeguarding and remote education during coronavirus COVID-19. (2020). Retrieved from GOV.UK website: <https://www.gov.uk/guidance/safeguarding-and-remote-education-during-coronavirus-covid-19>
- Safety of the digital environment in a distance learning environment for children under 18. (n. d.). Retrieved from <http://sites.petersburgedu.ru/media/32/docs/3463/additions/8B.pdf> (In Russian).
- Schneider, L. B., & Symanyuk, V. V. (2017). The User in the Information Environment: Digital Identity Today. *Psychological Research*, 10(52), 7. (In Russian).
- Semenov, A. L. (2019). Goals of General Education in a Digital World. Informatization of Education and Methodology of E-learning : Proceedings of the III International Scientific Conference Krasnoyarsk, September 24-27, 2019., 383–388. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russian).
- Strekalova, N. (2019). Risks of implementing digital technologies in education. *Bulletin of Samara University. History. Pedagogy. Philology*, 25(2), 84. doi: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88 (In Russian).
- Taleb, N. (2015). *Black Swan. Under the sign of unpredictability*. Moscow: KoLibri.. (In Russian).
- Tawafak, R. M., Romli, A. B., Arshah, R. bin A., & Almaroof, R. A. S. (2018). Assessing the Impact of Technology Learning and Assessment Method on Academic Performance: Review Paper. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 14(6). doi: 10.29333/ejmste/87117

Список литературы

- A3, E. (2018, September 14). Digital Education Action Plan (2021-2027) [Text]. Retrieved from Education and Training—European Commission website: https://ec.europa.eu/education/education-in-the-eu/digital-education-action-plan_en
- Alghamdi, Y. (2016). *Negative Effects of Technology on Children of Today*. Oakland: Oakland University. doi: 10.13140/RG.2.2.35724.62089

- Baeva, L. (2014). E-Culture. In M. Khosrow-Pour (Ed.), *Encyclopedia of Information Science and Technology: In 10 vol.: Vol. IX* (3rd ed., pp. 6847–6854). USA: IGI-Global.
- Chu, H.-C. (2014). Potential Negative Effects of Mobile Learning on Students' Learning Achievement and Cognitive Load—A Format Assessment Perspective. *Journal of Educational Technology & Society*, 17(1), 332–344.
- Education in New Zealand. (2020, December 7). Retrieved from Home learning website: <https://www.education.govt.nz/covid-19/distance-learning/>
- Establishment of Remote Class Support Site. (2020, April 24). Retrieved from Site of Kanagawa University website: https://www.kanagawa-u.ac.jp/english/news/details_20151.html
- Fundação Telefônica Vivo. (2016). *Assessment experiences in digital technologies in education*. São Paulo. Retrieved from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247330>
- Gable, G., Sedera, D., & Chan, T. (2008). Re-conceptualizing Information System Success: The IS-Impact Measurement Model. *Journal of the Association for Information Systems*, 9(7). doi: 10.17705/1jais.00164
- How to let your students know your online class URL – Ground rules to safely meet in-structors and students. (n.d.). Retrieved from Utelecon website: https://utelecon.adm.u-tokyo.ac.jp/faculty_members/old/let_students_know_url.html
- Information Security is everyone's responsibility. It will help protect yourself and the University. (2021). Retrieved from The site of University of Edinburgh website: <https://www.ed.ac.uk/information-services/help-consultancy/is-skills/digital-safety-and-citizenship/staying-safe-learning-teaching-online>
- Johnston, J., & Barker, L. T. (2002). *Assessing the impact of technology in teaching and learning: A sourcebook for evaluators*. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, University of Michigan.
- Kuznetsova, V. Y., Azhmukhamedov, I. M., & Baeva, L. V. (2020, May 13). *Analysis of Information Risks and Strategies for Protecting Schoolchildren from the Negative Consequences of Digitalization of Education*. 244–249. Atlantis Press. doi: 10.2991/assehr.k.200509.045
- Mustafaoglu, R., Zirek, E., Yasaci, Z., & Razak Özdiñler, A. (2018). The Negative Effects of Digital Technology Usage on Children's Development and Health. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 5(2). doi: 10.15805/addicta.2018.5.2.0051
- Online and Open Education in Shanghai: Emergency Response and Innovative Practice during COVID-19 Pandemic. (2020). Retrieved from UNESCO IITE website: <https://iite.unesco.org/publications/online-and-open-education-in-shanghai-emergency-response-and-innovative-practice-during-covid-19-pandemic/>
- Responses to cyberbullying: Bullied victims' experiences differ by their ability to handle their own emotions. (2020, June 29). Retrieved from ScienceDaily website: <https://www.sciencedaily.com/releases/2020/06/200629120145.htm>
- Safeguarding and remote education during coronavirus COVID-19. (2020). Retrieved from GOV.UK website: <https://www.gov.uk/guidance/safeguarding-and-remote-education-during-coronavirus-covid-19>

- Tawafak, R. M., Romli, A. B., Arshah, R. bin A., & Almaroof, R. A. S. (2018). Assessing the Impact of Technology Learning and Assessment Method on Academic Performance: Review Paper. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 14(6). doi: 10.29333/ejmste/87117
- Баева, И. А. (2002). *Психологическая безопасность в образовании*. Санкт-Петербург: Издательство «СОЮЗ».
- Баева, Л. В. (2013). Электронная культура: Опыт философского анализа. *Вопросы Философии*, (5), 75–83.
- Баева, Л. В., Храпов, С. А., Ажмухамедов, И. М., Григорьев, А. В., & Кузнецова, В. Ю. (2020). Цифровой поворот в российском образовании: От проблем к возможностям. *Ценности и смыслы*, (5), 28–44. doi: 10.24411/2071-6427-2020-10043
- Безопасность цифровой среды в условиях дистанционного обучения детей до 18 лет. (б. д.). Извлечено от <http://sites.petersburgedu.ru/media/32/docs/3463/additions/8B.pdf>
- Ильюшенко, Н. С. (2019). Digital learning: Перспективы и риски цифрового поворота в образовании. *Проектирование Будущего. Проблемы Цифровой Реальности: Труды 2-й Международной Конференции (7-8 Февраля 2019 г., Москва)*, 215–225. Москва: ИПМ им. М.В.Келдыша. Retrieved from <https://keldysh.ru/future/2019/20.pdf> doi:10.20948/future-2019-20
- Как подготовиться к переводу обучения на дистанционный формат. (2020). Извлечено от https://elearning.hse.ru/how_to_prepare
- Карпова, Д. Н. (2016). *Риски непрерывной онлайн-коммуникации: Теоретико-методологические подходы к изучению* (Диссертация кандидата социологических наук). МГИМО, Москва.
- Кибербезопасность и правила поведения в сети Интернет. (2020). Извлечено от Министерство просвещения Российской Федерации website: <https://edu.gov.ru/press/2541/minprosvescheniya-rossii-udelyaet-osoboe-vnimanie-bezopasnosti-obrazovatelno-kontenta-v-period-distancionnogo-obucheniya>
- МГУ. Официальный сайт. «FAQ по дистанционному режиму работы в МГУ». (б. д.). Извлечено от <https://vk.com/@studsovetmsu-chem-zanyatsya>
- Опыт России по организации безопасного учебного процесса. (2020). Извлечено от <https://edu.gov.ru/press/3079/opyt-rossii-po-organizacii-bezopasnogo-uchebnogo-processa-vysoko-ocenili-v-sovete-evropy>
- Памятка для обучающихся об информационной безопасности детей. (2020). Извлечено от <http://sites.petersburgedu.ru/media/32/docs/3461/addition/MZQQIFX.pdf>
- Панченко, О., Мухаметзянова, Ф., & Хайрутдинов, Р. Р. (2019). Вызовы и риски личной безопасности в условиях цифровизации образования. В Д. В. Сочивко (Ред.), *Психология XXI века: Вызовы, поиск, векторы развития. Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов* (с. 640–645). Рязань: Академия ФСИИ России.
- Семенов, А. Л. (2019). Цели общего образования в цифровом мире. *Информатизация образования и методика электронного обучения: материалы III Междунар.*

науч. конф. Красноярск, 24–27 сентября 2019 г., 383–388. Красноярск: Сибирский федеральный университет.

Стрекалова, Н. (2019). Риски внедрения цифровых технологий в образование. *Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология*, 25(2), 84. doi: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88

Талёб, Н. (2015). *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. Москва: КоЛибри.

Храпов, С. А. (2020). Риски формирования «техногенной (цифровой) идентичности» в условиях цифровизации образовательного пространства. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*, (2), 7–13.

Шнейдер, Л. Б., & Сыманюк, В. В. (2017). Пользователь в информационной среде: Цифровая идентичность сегодня. *Психологические Исследования*, 10(52), 7.

“ARE YOU IN YOUR BODY?!”. THE STUDY OF BIOPOLITICAL INTERFACE DESIGN

Alexander S. Lenkevich

Research Centre for Media Philosophy; Laboratory for Computer Games Research; ITMO University.
St. Petersburg, Russia. Email: a_lenkevich@mail.ru

Abstract

The article considers biopolitical design of interfaces in terms of computer games: the player's body is constructed with the help of a variety of technical instances that support gameplay (for instance, gamepads, haptic controllers, virtual reality devices). Through the interaction with interfaces, the new patterns of sensuality are formed, namely, the new forms of tactile communication with media. The article demonstrates the distinction between the representation of biopolitical processes in games (for instance, in *Plague. Inc.* and *Bio. Inc.*) and the process of incorporating biopolitical procedures into technical gaming devices, and through them into our bodies and lifestyle. The setting and narratives of games often tend to rely on biopolitical images. However, the processes that take place in our body during the game are more important than those that are presented on the screen: the new controllers increasingly take into account the physical state of the player in order to regulate the level of difficulty, promising not only entertainment but also care. The article raises the question of what the body feels and does not feel when it is included into the game, since the existing interfaces and controllers allow us to simulate a complex perceptual experience which includes not only audiovisual elements, but also touch, smell and so forth. After all, the (self-) control practices embedded in game controllers allow us to view them as technical dispositives through which we master the bodies of the future. The author of the article proposes the concept of a “touch-image” which captures a new dimension of hi-tech sensibility.

Keywords

computer games; body; interfaces; controllers; biopolitics; DualSense; media; digital sensibility; body imagination; touch-image

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«ТЫ В СВОЕМ ТЕЛЕ?!». ИССЛЕДОВАНИЕ БИОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА ИНТЕРФЕЙСОВ

Ленкевич Александр Сергеевич

(а) Исследовательский центр медиафилософии; Лаборатория исследований компьютерных игр (ЛИКИ); Университет ИТМО. Санкт-Петербург, Россия. Email: a_lenkevich@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается биополитический дизайн интерфейсов на примере компьютерных игр: тело игрока конструируется с помощью разнообразных технических инстанций, поддерживающих геймплей (геймпады, тактильные контроллеры, девайсы для виртуальной реальности и т. п.). Через взаимодействие с интерфейсами формируются новые паттерны чувственности, в частности, новые формы тактильной коммуникации с медиа. В статье проводится различие между репрезентацией биополитических процессов в играх (например, в *Plague.Inc.* и *Bio.Inc.*) и процессом инсталляции биополитических процедур в технические игровые устройства, а через них — в наши тела, в наш образ жизни и т. д. Сеттинг и нарративы игр часто опираются на биополитические образы, но важнее процессы, происходящие с нашим телом во время игры, а не те, что представлены на экране: новые контроллеры все чаще учитывают физическое состояние игрока, чтобы регулировать уровень сложности, сулят не просто развлечение, но вместе с ним — заботу. В статье поднимается вопрос о том, что чувствует и что не чувствует тело, включенное в игру, поскольку существующие интерфейсы и контроллеры позволяют моделировать сложный опыт восприятия, в который входят не только аудиовизуальные элементы, но и осязание, запах и т. д. В конечном счете практики (само)контроля, вшитые в игровые контроллеры, позволяют рассмотреть их как технические диспозитивы, через которые мы осваиваем тела будущего. В статье предлагается концепт «образ-прикосновение», схватывающий новое измерение высокотехнологической чувственности.

Ключевые слова

компьютерные игры; тело; интерфейсы; контроллеры; биополитика; DualSense; медиа; цифровая чувственность; воображение тела; образ-прикосновение

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Все-мирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КАРТА ЧТЕНИЯ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)¹

Вообразим картину: при проверке банковских операций вы обнаруживаете списание внушительной суммы на оплату перцептивных впечатлений — вкусовых, тактильных, слуховых, зрительных, обонятельных и других. Более того, средств на погашение счета в следующем месяце у вас не хватит, поэтому перцептивный траффик ограничивается или даже блокируется. Эта картина кажется фантастической, если понимать перцепцию как нечто естественное/природное. Но наша перцепция (да и тело в целом) представляет собой конструкт, который зависит от определенных техник², технических (и властных) инстанций, диспозитивов³. И раз перцепция напрямую связана с техническими аппаратами, ее можно контролировать: так, если вы хотите чувствовать сейсмические колебания Земли, как художница Мун Рибас, или усилить слух, чтобы слышать то, что происходит на расстоянии в тысячи километров, как Супермен или пушкинский пророк (который внемлет «неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье»), вам следует обзавестись специальными гаджетами.

Надо признать, что массовая культура уже продумывает этот сценарий: в сериале «Загрузка» (Upload, 2020) оцифрованный герой после смерти попадает в технически сконструированный «рай», виртуальную симуляцию, траффик впечатлений в которой стоит огромных денег (если их нет, пользователь получает аккаунт эконом-класса с крайне ограниченным функционалом). В ироничном ключе подобные образы создавал и Ф. К. Дик: например, в романе «Убик» (Ubik, 1969) персонажи платят практически за все, в том числе за открытие и закрытие двери в свою квартиру, дверь даже может подать в суд на жильца, если он задерживает оплату. Продолжим фантазию: кожа подает на нас в суд после неуплаты счета за тактильный опыт (сценарий не столь фантастический, если вспомнить, что современные

- 1 Автор составил «карту чтения», прислушавшись к советам рецензентов, поскольку ее наличие упрощает движение по территории текста. Расширение возможностей чтения (да и письма) в наше время — в эпоху форматов и дедлайнов — превращается фактически в политическую задачу. Читатель волен эту «карту» пропустить и сразу перейти к «мясу» статьи.
- 2 Например, культурно настраивается боль. Исследованию этого феномена, производительной силе боли (Хайдарова, 2013), а также связи боли с топологической рефлексией, экстремальными практиками тела, проживанием пространства (Савчук, 2012) посвящены отдельные работы. Закономерно, что опыт боли, купированный эстетикой всеобщей анестезии, в превращенной форме возвращается через кино, литературу, театр, компьютерные игры.
- 3 Например, П. Пресьядо рассматривает «три типа властных технологий» в отношении конструирования тела (некропатриархальный, гетеросексуально-колониальный, фармакопорнографический), каждый из которых задает свои стандарты чувственности, формы сегрегации и контроля, способы фабрикации тел (Пресьядо, 2021).

гаджеты, которые как раз дополняют и переопределяют функции кожи, т. е. переводят тактильный опыт в технически-коммерческий формат, могут требовать за это плату). Критику капитализма хотелось бы оставить в стороне, чтобы сосредоточиться на техниках конструирования тела, технической настройке перцепции и режимах жизни высокотехнологического субъекта. Современные компьютерные игры являются лабораториями по испытанию и формированию тел со специфическим набором перцептивных навыков.

Лейтмотивом данной статьи можно назвать исследование перцептивных режимов тела геймера, которые определяются интерфейсами и контроллерами. В эти технические инстанции уже встроены определенные интерпретации тела и способы действия, которые предполагают освоение специфической перцептивной грамматики и которые не всегда попадают в поле нашего внимания, заслоняемые сюжетом, правилами игры, графическим дизайном или аффордансами.

Итальянскому неомарксисту Паоло Вирно принадлежит мысль о связи понятий «биополитика» и «рабочая сила» (Вирно, 2013, сс. 97-98): в его несколько упрощающей интерпретации говорится, что «рабочая сила» является носителем возможностей, это — воплощенный *dynamis*, нематериальное сокровище, за которым охотится капиталист. В силу того, что капиталист заинтересован в рабочей силе, ее преумножении и сохранении, в XVIII веке появляются первые биополитические институты, реализующие эти задачи (напр., демографические институты, статистика и др.¹). Связь между «биополитикой» и «рабочей силой», по всей видимости, есть, но эта редукция — переподчинение биополитической проблематики марксистскому аналитическому аппарату (Вирно отсылает читателя к «Капиталу» К. Маркса) — обедняет понятие «биополитики». События недавнего времени — пандемия коронавируса — и вовсе делают ее ненадежной, поскольку экономические измерения биополитики ушли на периферию, уступив место риторике безопасности, контроля и чрезвычайного положения. Однако тезис о том, что человеческое тело — исток возможностей (*dynamis*), позволяет прояснить установки современного геймдизайна, его идеологическую подоплеку, пристрастие к нейро-биологическому дискурсу и т. п.. Так, геймдизайнеры зачастую исходят из квантифицируемого представления о теле, которое — из этой перспективы — надо правильно рассчитывать и настраивать.

1 Как известно, впервые эту тему начинает разрабатывать М. Фуко во второй половине 1970-х гг. См., например, лекцию от 17 марта 1976 года из курса «Нужно защищать общество», где предлагается набросок исследования биовласти (Фуко, 2005, сс. 253–278).

Например, на современном этапе развития игровой индустрии можно говорить о колонизации осязания: все больше игр — в VR и мобильном гейминге — ориентированы на тактильную перцепцию¹ (что в очередной раз вынуждает указывать на ограниченность термина «видеоигры» — в современных играх много невизуального перцептивного опыта).

Итак, **ключевые пункты движения** — исследовать перцептивные режимы тела геймера, их связь с интерфейсами и контроллерами, задающими координаты нашей жизни в медиареальности, рассмотреть поворот к осязанию в современном геймдизайне.

Карта:

- 1) Компьютерные игры — это биополитические машины (интерфейсы игр — диспозитивы), регулирующие наш образ жизни, вовлекающие тело в новые перцептивные режимы, встраивающие дисциплинарные механизмы в тела. Здесь надо различать *изображение* биополитики в играх и *организацию* жизни геймера через интерфейсы и контроллеры, это две разные технологии — первая *показывает*, вторая *воздействует*.
- 2) Интерфейсы создают мультисенсорную перцепцию. Практически нет регистров чувственности, которые были бы исключены из переработки в интерфейсах и контроллерах игр. Более того, вопрос всегда стоит так: какие *еще* интерфейсы и контроллеры нужны, чтобы опыт был более реальным и *непосредственным*?
- 3) На сегодняшний день в игровой индустрии активно прорабатывается осязание (через различные хаптические технологии), поэтому в последней части статьи вводится концепт «образ-прикосновение», схватывающий эту ситуацию.

Основные ориентиры читателю предложены: остается надеяться, что эта карта поможет разобраться в структуре текста.

Прежде чем перейти к основному размышлению, стоит еще раз подчеркнуть: *то, что мы чувствуем, знаем и понимаем в цифровой реальности, задается интерфейсами и контроллерами, поэтому мы неизбежно что-то не чувствуем, не знаем и не понимаем*. Интерфейсы и контроллеры, а также формируемые ими режимы восприятия и понимания по этой причине необходимо исследовать.

¹ Эта тенденция в целом характеризует современные медиа: так, ряд моделей iPhone поддерживает функцию 3D Touch, позволяющую настраивать уровень тактильного отклика устройства. См. подробнее на сайте: <https://support.apple.com/ru-ru/HT205056>

BIOGAMING: *PLAGUE INC.*, *BIO INC.* И COVID-19¹

Цель игры *Plague Inc.* (2012) от компании Ndemic Creations — уничтожение человечества. Играть надо за возбудителя болезни (бактерия, вирус, грибок, паразит и т. д.), чтобы путем различных мутаций усилить болезнь, разнообразить способы ее распространения, повысить заразность, летальность и т. п. и уничтожить всех людей на Земле². Этот разрушительный итог не мешает игре быть проводником биополитической риторики безопасности, рассказывать о том, как функционируют эпидемии и почему необходимы те или иные меры защиты³. Более того, в разгар пандемии COVID-19 весной 2020 года разработчики анонсировали режим игры, который, напротив, позволит игроку спасти человечество от заразы. *Plague Inc.* представляет собой постапокалиптическую грёзу, в ироничном ключе позволяющую проиграть гибель человечества. Ироничная атмосфера, правда, тускнеет, когда заголовки обычных новостей напоминают заголовки новостей из *Plague Inc.* Компания Ndemic Creations даже выделила 250 тыс. долларов на борьбу с COVID-19, заботясь о своей репутации, после того как игра в феврале 2020 года пропала из магазинов мобильных приложений в Китае.

«Восемь лет назад я и не думал, что реальный мир станет похож на *Plague Inc.* или что *Plague Inc.*, будет помогать многим игрокам пережить настоящую пандемию, — отметил Джеймс Воган (James Vogan), создатель *Plague Inc.* — Мы гордимся тем, что можем поддержать жизненно важную деятельность СЕРИ и ВОЗ, пока они ищут вакцину от COVID-19» (Михайлова, 2020).

Игра *Bio Inc.* (2017) — своеобразный клон *Plague Inc.* — от DryGin Studios идет еще дальше: здесь та же стратегия разрушения применя-

- 1 Этот текст писался для тематического номера Galactica Media в декабре 2019 года (приглашенные редакторы — А. Р. Латыпова и М. М. Скоморох), однако закончить в срок его тогда не удалось. С тех пор мир столкнулся с пандемией COVID-19, что перевело воображаемый апокалипсис и биополитические процедуры, отображенные в этих играх, в офлайн-формат. На этом фоне некоторые механики *Plague Inc.* и *Bio Inc.*, рассмотренные в первом варианте статьи, стали выглядеть более жутко, зловеще (Фрейд). После паралича, охватившего нашу жизнь в период пандемии, и личных трагедий механики *Plague Inc.* и *Bio Inc.* смотрятся как опережающее (а потому — неизбежно искаженное) отражение всеобщего биополитического (и экзистенциального) переживания. В них мы узнаем то, что случилось в период пандемии в 2020 году, но этот опыт более не кажется забавным и смешным. История произошла дважды: сначала — в виде фарса (в игре), а затем уже — в виде трагедии (в реальности). Такова предвосхищающая (и программирующая) сила современных медиа. В итоговый вариант статьи были внесены правки, учитывающие опыт пандемии, развития игровой индустрии в 2020–2021 гг., а также тексты, вышедшие за это время, хотя основные тезисы не претерпели изменений.
- 2 Официальный сайт игры: <https://www.ndemiccreations.com/en/22-plague-inc>
- 3 Поскольку назвать болезнь в игре можно как угодно, например «жизнь» или «любовь», то финальный титр может быть довольно комичным: «Победа! Любовь уничтожила всю жизнь на Земле».

ется не к человечеству в целом, а к отдельному человеку: надо развить у пациента болезнь, которая в конечном счете его убьет. Эта игра выполняет функцию негативного просвещения, информируя игрока о том, что сопротивление прививкам, страх перед больницами, неправильное питание, курение и др. приближают печальную развязку. В *Bio Inc.* в процессе игры надо переключаться между различными системами организма («Кровообращение», «Дыхание», «Нервы», «Мышцы», «Почечная [система]», «Скелет», «Пищеварение»), чтобы собирать в этих вкладках «био очки» для последующей «покупки» на них: 1) болезней для жертвы (бронхит, рахит, остеопороз, дефицит калия, бессонница, астма, стресс, нефрит и т. п.); 2) факторов риска (лишний вес, наследственность, недоедание, трудоголик, обезвоживание и т. п.); а также 3) преград к выздоровлению (неверный диагноз, плохие врачи, забастовка медсестер, нозокомефобия¹ и т. п.). Иногда в дело могут вступить случайные события: так, по ходу игры всплывает сообщение, что у жертвы был незащищенный секс, после чего игрок крутит «колесо болезней» и жертва может заразиться заболеванием, передающимся половым путем. По ходу игры геймер видит, как снижается эффективность систем организма (от 100% до нуля): падение работоспособности систем отображается и визуально (органы окрашиваются в черный цвет, меняется ритм пульса и др.). Со временем жертва замечает болезнь и обращается к доктору, после чего игроку необходимо эффективно препятствовать лечению: игра превращается в увлекательное соревнование с медицинской и иммунной системой (иммунитет здесь визуализирован в виде щита). Кто успеет быстрее: болезнь или врачи²?

Plague Inc. и *Bio Inc.* через геймплей представляют биополитические процедуры, контроль над индивидуальным телом и телом рода (населением), а также вывернутую наизнанку логику заботы, когда вместо того, чтобы «инвестировать жизнь от края до края» (Фуко, 1996, с. 244), надо ее уничтожать. Эти игры вполне могут быть рассмотрены через оптику «процедурной риторики», т. е. через то, как они с помощью процедур передают игрокам определенные сообщения (Bogost, 2007). Геймплей здесь действительно сообщает игрокам некоторые идеи (Ароневи́ч, 2016), однако биополитический дизайн компьютерных игр не сводится к подобным сообщениям: он в большей степени связан с тем, как само тело игрока включается

1 Боязнь медицинских учреждений.

2 В 2018 году в игровом магазине Steam появилась новая — дополненная и переосмысленная — версия этой игры *Bio Inc.: Redemption* (2018), в которой можно не только убивать пациента, развивая его болезни, но и спасать его, выбрав сторону врачей: https://store.steampowered.com/app/612470/Bio_Inc_Redemption

в игровые процедуры. Геймеру сообщается определенный ритм и стиль жизни, техники тела, его окружают вниманием и заботой (например, для игроков выпускают специальные линейки кресел, клавиатур, компьютерных мышей, наушников, которые обеспечивают максимальные погружение и комфорт). Если эффективность процедурной риторики ограничена знанием игровых конвенций, нарративов, визуального языка игр и может не сработать в том или ином случае, то проработка телесности в процессе игры неизбежна. Тело геймера принадлежит интерфейсам, т. е. биополитические процедуры буквально разворачиваются в нем.

Игры, подобные *Plague Inc.* и *Bio Inc.*, позволяют в шутильной форме примерить на себя роль нечеловеческого актора — болезни — и снять напряжение в трансгрессивном жесте¹. Они дают понять, как работают биополитические процессы, представляют их в ясной визуальной и нарративной форме, предъявляют в компактном формате интерфейсов. В ходе игры происходит включение геймера в среду интерфейсов, в их соматическую грамматику. Иными словами, интерфейс/контроллер — это диспозитив, т. е., согласно определению, «вещь, обладающая способностью захватывать, ориентировать, определять, пресекать, моделировать, контролировать и гарантировать поведение, жестикуляцию, мнения и дискурсы живых людей» (Агамбен, 2012, с. 26). Можно сказать, что в процессе игры на машину тела наносится текстура интерфейсов, что напоминает установку делезианского soft'a на картезианский hard². Биополитические процедуры встраиваются в тело игрока, который, осваивая контроллеры (мышь с клавиатурой, геймпад, тачскрин и т. д.) и способы интеракции, превращается в главную платформу для биополитических инвестиций. Закономерно, что в игровой форме (как, впрочем, и в традиционных медиа: литературе, кино, сериалах) задолго до новостей о COVID-19 уже была разыграна биополитическая фантазия о чрезвычайном положении на фоне пандемии.

- 1 Например, в *Bio Inc.* можно задать любое имя пациенту («имя жертвы» на языке игры) — и тем самым в символическом формате погасить рессентиментарное чувство. Отчасти это похоже на то, как в азиатских компаниях сотрудники снимают напряжение, когда в перерывах бьют деревянными мечами по куклам, воображая своих боссов, топ-менеджеров и т. п.
- 2 Ср. с описанием тела в китайской медицине эпохи Мин, где энергетическая система, прописанная поверх физического тела, определяет его реальность: «Тело или, точнее, телесность, пустотное “тело без органов” — ключевая философия китайской традиции. <...> В распыленности “тела Дао” исчезает противостояние сознания и плоти, и это единение духа и вещества засвидетельствовано, помимо прочего, образом тела в китайской медицине, лишенном анатомии, сведенном к хаотически сложной геометрии “энергетических каналов”, и употреблением китайцами понятия “сердце” для обозначения разумного начала в человеке. Самое сознание китайские ученые соотносили с токами крови и лимфы» (Малявин, 2008, сс. 83–84).

В принципе, несложно понять, как выстраивать «оборону против биовласти на границе собственного тела» (Медведев, 2018), когда речь идет о контроле над ним со стороны государства, например устраивать голодовки или заниматься экстремальным спортом, превращая тело в трибуну для перформативного высказывания, но сопротивляться биополитическим процедурам, которые вшиты в игру, а через нее инсталлированы в тело, которые сопряжены с желанием и соблазном, гораздо труднее. Риск, аффект, удовольствие и боль, на которых строятся многие игры, притягательны. Игра соблазняет, вынуждая держать тело в тонусе и адекватности инстанциям управления — контроллерам, ее власть — лишь по видимости мягкая — держится на желании. Игровые контроллеры и интерфейсы легко становятся формами самоконтроля, поскольку обещают исполнить наши желания. В игровой форме они уже сняты как исполненные. Здесь располагаются самые современные техники сборки тела¹: в конечном счете гейминг превращается в биополитический процесс, поскольку в ходе игры не только демонстрируются те или иные концепты, связанные с темой биополитики, но они, встроенные в интерфейсы, становятся частью самой игры (частью тела игрока и формой его жизни).

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ИНТЕРФЕЙСЫ: ИНКОРПОРАЦИЯ БИОПОЛИТИКИ

Часто аналитики говорят о том, как биополитические процессы представлены в медиа: в кино, литературе, играх, т. е. говорят о содержании, которое передают медиа, о той рефлексии, которая культура

1 В самом общем виде под «сборкой тела» можно понимать комплекс практик, техник, отношений, которые организуют тело. С одной стороны, тело кажется самым «природным», что есть в человеке. С другой — тело конструируется культурой, т. е. оно является неестественным (или даже противоестественным) объектом, который колонизирован различными агентами культуры, инстанциями власти, техническими операторами. Эта тема затрагивалась во многих классических работах, однако последовательно ее разрабатывают после Ф. Ницше, М. Мосса («Техники тела»), М. Мерло-Понти и др. Так, например, у Ж. Делеза и Ф. Гваттари организм как способ сборки (ассамбляжа) тела становится основной мишенью для критики, а мотив дезорганизации тела, или разучреждения организма, соответственно, становится политической и философской задачей. М. Фуко — вслед за Ницше — говорит о различных дисциплинарных механизмах сборки тела. В российском контексте эти темы разрабатывал В. А. Подорога («Феноменология тела»). Современный российский медиафилософский дискурс (В. В. Савчук, К. П. Шевцов, К. А. Очеретяный и др.) рассматривает ассамбляж/сборку тела в контексте его включения в различные медийные, топологические, технические инстанции. В данной статье исследуются сборки тела геймера в процессе взаимодействия с интерфейсами и игровыми контроллерами. Стоит также отметить позицию петербургского философа Н. А. Грякалова, который, размышляя об антропологии измененных состояний сознания, писал: «Человеческий мир ставит система денатуратов — антропогенных “машин памяти”, которые не дают пропасть той тревоге, что была вчера» (Грякалов, 2017, с. 13). Н. А. Грякалов пишет о «ритуальной ректификации души» и сборках «человека в духе», однако его тезис идеально ложится и на тему сборки тела.

производит через медиа, но не обращают внимания на роль самих медиа в биополитическом процессе. Уже М. Маклюэн отмечал, что говорить стоит прежде всего не о содержании, а о самом посреднике (Маклюэн, 2011). Поэтому рассмотреть стоит то, как медиа (в данном случае — компьютерные игры) включают нас в биополитику. Разработчики компьютерных игр давно экспериментируют с нашими телами. Так, например, можно вспомнить игру *Nevermind* (2015), которая использовала биоотклик для настройки уровня сложности:

«Искусственный интеллект предполагает любое “разумное” поведение техники, т. е. когда она реагирует на пользователя, подстраивается под него, как если бы она могла чувствовать, желать, принимать решения. Так, игра *Nevermind* (2015) меняет уровень сложности в зависимости от реакций игрока: если он дал волю страху, игра станет сложнее, если ему удалось успокоиться, игра делается легче. Смарт-объекты современного мира немыслимы без искусственного интеллекта» (Латыпова, 2019, с. 50).

С развитием игровой индустрии такие локальные эксперименты становятся все более привычными. Скоро контроллеры в автоматическом режиме будут аккумулировать данные о пользователях для модуляции игровых переживаний и настройки сложности. Сейчас этот опыт имеет технологические ограничения, но определенные шаги по все большему вовлечению тела геймера в цифровую среду и его перестройке уже сделаны.

После выхода летом 2020 года консоли нового поколения от PlayStation (PS5) с геймпадом DualSense произошла очередная трансформация тела игрока. На официальном сайте компании сказано, что «беспроводной контроллер DualSense для PS5 оснащен реалистичной тактильной отдачей, динамическими адаптивными триггерами и встроенным микрофоном в сочетании с оригинальным дизайном»¹. Адаптивные курки и тактильная отдача геймпада позволяют ощутить игровую среду: отдачу оружия, силу удара, рукопожатие, скорость, натяжение тетивы лука и т. п.. DualSense пока не собирает данные о состоянии игрока, не считывает его биометрические параметры, но, вероятно, эти функции будут реализованы в будущих контроллерах от PlayStation, Microsoft и других компаний. Если судить по патентам, именно к этому готовится игровая индустрия: давно разработаны контроллеры, учитывающие движение тела (Wii Remote, Kinect), шлемы, куртки (pneumatically-actuated jacket) и перчатки, обес-

1 См. описание на официальном сайте: <https://playstation.com/ru-ru/accessories/dualsense-wireless-controller>

печивающие контакт с виртуальной реальностью¹. До внедрения биометрических интерфейсов, которые уже есть в смартфонах, компьютерах, фитнес-трекерах, в процесс игры остался один шаг. После этого геймпад, считывая пульс игрока или частоту его дыхания, будет корректировать сложность игры (и давать рекомендации на будущее, сколько нужно сжечь калорий, чтобы игра не вызывала проблем с сердцем или одышки). Неигровые устройства уже выполняют эти функции, но биометрия пока не стала всеобщей основой геймплея. Когда это случится, привычными станут следующие ситуации: не удалось снизить частоту сердцебиения в сражении с боссом — и ваш аватар понес большой урон. Подобные технологические настройки тела формируют разветвленную сеть биополитических процедур², и они только укрепились в разгар пандемии COVID-19 в связи с переводом работы, учебы, отдыха в дистанционный формат.

П. Пресьядо, отрицательно оценивая дистанцию, производимую в медиа, назвал современную ситуацию «телекапитализмом»³:

«Телескоп. Телепатия. Телеграф. Телеграм. Телефон. Телевидение. Телефакс. Телефильм. Телероман. Телеассистент. Телесекс. Тележанр. Телеклуб. Телетруд. Телемарафон. Телебанк. Теледом. Телефото. Телеуправление. Телегид. <...> Телевидение — это состояние, при котором далекое оказывается близким, а близкое — далеко. Но если все наше внимание будет сосредоточено на том, что далеко, то, что будет с тем, что рядом?» (Пресьядо, 2021).

В сложившейся ситуации легко говорить о негативных эффектах, но критика теле/медиакапитализма строится на — наивной — вере в реальность, которая не зависит от медиа. Дж. Болтер и Д. Грусин отмечают, что эта установка является более или менее естественной в нашей работе с медиа, поскольку мы хотим получить амедиальный опыт (на языке Канта — прорваться к вещам-в-себе), окружая себя все более сложной системой посредников (такова, по мысли американских

- 1 Об этих и других контроллерах регулярно пишут в профильной прессе, а также на сайтах разработчиков. Из свежих примеров можно вспомнить VR-контроллер DecaMove, который «отслеживает движения тела независимо от направления взгляда» (Рассказов, 2021). О конструировании эстетического — чувственного — опыта с помощью подобных технических устройств, а также о некоторых из устройств можно прочитать и в исследовательской литературе (см., например: Keogh (2018); Ленкевич (2019) и др.).
- 2 Дж. Агамбен в схожем ключе говорит о формировании «идентичности без личности», когда машина опознает и признает меня по внеличностным, чисто биологическим параметрам (Агамбен, 2014).
- 3 П. Пресьядо в своей заметке использует как существующие слова с приставкой «теле-», так и конструирует новые: в первую очередь приставкой подчеркивается дистанция, но с тем же основанием можно говорить и о «медиакапитализме». Как не раз отмечал директор Центра медиафилософии (ИФ СПбГУ) В. В. Савчук количество слов с приставкой «медиа-» растет экспоненциально каждый год.

философов, двойная логика ремедиации (Bolter & Grusin, 1999)). Из этого можно сделать парадоксальный вывод, что самый естественный, подлинный, амедиаальный опыт для нас достижим только посредством медиа. Средством огромного количества медиа — их всегда будет для этого недостаточно.

ЧТО ЧУВСТВУЕТ ТЕЛО, ВКЛЮЧЕННОЕ В ИГРУ?

Учитывая создание новых контроллеров, все больше вовлекающих тело в игру, а также тонкую настройку и модуляцию чувств, происходящую в ее процессе, уместнее спросить: а что *не* чувствует тело, включенное в игру?

В 2013 году появилась альфа-версия игры *The Way* (2013), которая до сих пор в этом начальном, плачевно-безвестном состоянии и пребывает¹. Тем не менее игра позволяет пережить особый опыт коммуникации и построения цифровой чувственности. Игра кооперативная: для того чтобы в нее сыграть, нужен напарник, выбирающийся наугад из числа желающих (отчасти в этом причина упадка *The Way*, поскольку игроков, которые хотят вновь погрузиться в игровую среду и решить те же самые головоломки, мало). Кооперация в игре организуется только через телесные жесты аватаров. Каждый из участников видит только половину элементов игры — и должен подсказывать напарнику, как преодолевать препятствия: игроки должны подсказывать друг другу решения головоломок, способы обойти препятствия, указывать путь. При этом голосовой и текстовый чат отсутствуют. Игра выбрасывает нас на нулевой уровень коммуникации, где язык, подобно тому как описывает этот процесс Э. Кассирер в первом томе «Философии символических форм» (Кассирер, 2002), зарождается из указательных местоимений (в игре буквально руками аватара указывается направление движения²) и т. п. Только после прохождения всех головоломок игроки получают дополнительную возможность коммуникации — карту мира, на которой можно обозначить место своего проживания или написать что-то на память и сделать скриншот.

Вывод, который можно сделать после прохождения *The Way*: тело, включенное в игру, чувствует то, что позволяют ему интерфейсы. Предельной иллюстрацией здесь будет берлинский аркадный автомат

1 Благодарность за знакомство с проектом я выражаю А. Д. Муждабе, редактору gamestudies.ru и сотруднику ЛИКИ. На данный момент существует довольно много кооперативных игр головоломок, например серия *We Were Here* (2017–2021), но способы коммуникации в них принципиально иные.

2 Подобная система жестов присутствует и в других игровых проектах, например в *The Endless Forest* (2005–2012), *LittleBigPlanet* (2008) или *Dark Souls* (2011). Кроме того, игроки многих мультиплеерных игр вырабатывают невербальные способы коммуникации, но они, как правило, не являются основой геймплея.

«Болектрон» (PainStation), на котором можно сыграть в *Pong* (1972), за каждую ошибку получая порцию боли (удар хлыстом, электрическим током и т. п.). В этом издевательском художественном артефакте, который до предела доводит логику интеракции нашего тела с игровыми интерфейсами и в некоторой степени варьирует тему мазокорных игр (Скоморох, 2016), тело, включенное в игру, становится объектом непосредственных воздействий и ярких болевых ощущений. Тело в PainStation является частью игровой машины: границы его чувственности определяются как мазокорными механиками, так и игровыми контроллерами (тепловая панель, электропроводящие элементы, хлыст, рычаги управления). Современные VR/AR-игры, использующие, например, контроллеры Kinect, Nintendo Wii или «колесо» в *Ring Fit Adventure* (2019)¹, в которых аватаром (и контроллером/интерфейсом) становится тело игрока, конструируют более сложную чувственность, чем игры предыдущих поколений, где управление осуществлялось с помощью джойстика или геймпада.

Простой ответ на вопрос, что не чувствует тело, включенное в игру, такой: вкус². На данный момент практически все чувственные восприятия моделируются с помощью оригинальных технических устройств. Прежде всего речь идет о 1) визуальном опыте (графика стала визитной карточкой компьютерных игр и перешла из игрового формата в кино и другие медиа); 2) звуках³; 3) вибрации и тактильных ощущениях (вплоть до новшеств контроллера DualSense); 4) чувстве равновесия, скорости и т. п., связанных с вестибулярным аппаратом (например, в VR-проектах); 5) есть технические девайсы, позволяющие моделировать запахи: так, маска FeelReal⁴ позволяет чувствовать запахи и прикосновения к лицу пользователя. Стоит отметить, что в последние годы усилия разработчиков направлены на тактильную сферу, следующие шаг — создание доступных большой аудитории девайсов, моделирующих запахи (пока они не очень распространены) и вкус (фактически рабочих прототипов контроллеров в этой области

1 Контроллер буквально напоминает рулевое колесо, которое надо крутить в воздухе, чтобы преодолевать препятствия.

2 В играх пока не используются и более специфические — нечеловеческие — формы чувственности, такие как эхолокация или магниторецепция, однако для виртуальной реальности разрабатываются отдельные проекты, которые позволяют моделировать эти чувства.

3 На сегодняшний день визуальная и звуковая среда компьютерных игр исследованы хорошо. Этим заняты не только зарубежные, но и отечественные исследователи, например, есть актуальные работы, посвященные перспективе в играх от первого лица (Муждаба, 2019), геймплейной функции звука (Кириченко, 2019) и др. Поскольку разработчики расширяют перцептивный репертуар игр, вероятно, стоит наперед продумывать формы цифровой чувственности (не только осязание, с которым связаны текущие эксперименты игровой индустрии, но, возможно, и другие).

4 Сайт проекта: <https://feelreal.com>

нет)⁵. Игровые контроллеры предлагают геймеру не только широкий спектр чувственных впечатлений, но и чувственных удовольствий, вплоть до сексуальных (есть специальные контроллеры для секс-игр (Sicart, 2017)).

Рене Декарт, разбираясь в первом размышлении «Медитаций...» с тем, что может быть подвергнуто сомнению, говорит о том, что чувства ненадежны, ибо могут обманывать (в пределе все может быть сном, и тогда чувства лгут постоянно):

«Без сомнения, все, что я до сих пор принимал за самое истинное, было воспринято мною или от чувств, или через посредство чувств; а между тем я иногда замечал, что они нас обманывают, благоразумие же требует никогда не доверяться полностью тому, что хоть однажды ввело нас в заблуждение» (Декарт, 2006, с. 141).

Опыт (игровых) медиа говорит, что чувства не только могут вводить нас в заблуждение и предлагать недостоверный опыт, они являются конструктором от начала и до конца, и наше восприятие целиком зависит от тех инстанций, которые мы используем — контроллеров и интерфейсов. Аватар в *The Way* не отождествлен в игре с телом геймера, он не дублирует наши указательные жесты, но этот разрыв вполне может быть преодолен в VR-пространстве. Даже простое исполнение команд управления, пресловутой комбинации клавиш WASD, предполагает, что игрок усвоил игровые конвенции и техники тела, в VR-среде эта колонизация тела геймера игровыми знаками становится более очевидной. Если в разрыве между тем, что репрезентируется на экране, и действиями, которые совершает игрок, манипулируя контроллерами, еще разворачивается биополитическое сражение за тело, то в VR и AR само тело становится агентом биополитики. Любая вера в естественную данность тела геймера разбивается, стоит только вспомнить, как трудно освоить новый для себя контроллер или тип интерфейсов (скажем, перейти с клавиатуры и мыши на геймпад и обратно, поэтому можно говорить об особой «игре тел», связанной со сменой контроллеров (Keogh, 2018)). Подобная дисциплинарная настройка тела является частью биополитического дизайна компьютерных игр, но началась она намного раньше, по крайней мере, в XVII–XVIII вв., в эпоху бурного расцвета дисципли-

5 Игровая индустрия имеет широкие возможности для экспериментов с чувственностью и большое число добровольцев, которые испытывают новые технические аппараты. Пути к этому высокотехнологическому телу прокладывают не только разработчики игр, но и художники, имплантирующие в свои тела гаджеты для расширения перцептивного диапазона и связи с периферическими устройствами, и обычные пользователи, осваивающие новые интерфейсы, поэтому уже сейчас можно говорить о «высокотехнологических формах чувственности» (Ленкевич, 2020).

нарных технологий (Фуко, 1999), и была встроена в последующие технические диспозитивы, в том числе и в контроллеры¹.

ОБРАЗ-ПРИКОСНОВЕНИЕ

Валерий Савчук в статье о перформансе задает вполне уместный вопрос «Куда исчезает перформанс?». Он действительно заставляет задуматься, тем более, что ответ на этот вопрос есть. Если проследить вехи жизненного пути перформанса, который «дает максимально приближенную к тактильности картину времени» (Савчук, 2017), то вместе с автором мы придем к неутешительному выводу «перформанс сегодня стал излишне адаптирован к клубной культуре, к театру, танцу и популярной эстраде» (Савчук, 2017). Перформанс вымирает также и под натиском аудиовизуальных медиа, цифровой культуры, предлагающей новые формы телесного присутствия. Вопрос, заданный автором, абсолютно точен — и на него есть столь же точный ответ: «Перформанс исчезает в компьютерные игры»².

В первую очередь он исчезает в игры с виртуальной и дополненной реальностью (VR и AR), но также в игры с использованием специальных контроллеров, подобных «колесу» для *Ring Fit Adventure*, которые превращают геймера в перформера³. В 2020 году появилась игра *Half-Life: Alyx* (2020), новая игра из серии *Half-Life* (1998–2020), которую игроки ждали около двенадцати лет. Примечательно в этой

- 1 Исследователь медиа и компьютерных игр К. А. Очеретяный предлагает расположить точку «изобретения тела геймера» в XIX веке в связи с появлением первых аркадных автоматов (slot machine), например «Колокола свободы» Чарльза Фэя (Очеретяный, 2014).
- 2 Несмотря на то что есть более благозвучные варианты этой фразы («перформанс уходит в компьютерные игры», «перформанс растворяется в игровом опыте» и т. д.), чтобы сохранить переключку с вопросом В. В. Савчука, я предпочитаю говорить «...исчезает в...». Своей неправильностью/неказистостью эта фраза заставляет сделать паузу и поразмышлять над тем, что имеется в виду (подобно названию фильма «Как я провел этим летом?»).
- 3 В этой статье рассматривается телесная сторона игрового опыта, т. е. перформативность в данном случае подразумевает включение в игру тела, задействование соматического опыта игрока, а не специальную художественную практику. Следует отличать эту телесную перформативность игр от практики собственно художественных перформансов, которые происходят в компьютерных играх и игровых средах, например ироничные акции, повторяющие классические перформансы 1960–1970-х гг. в *Second Life* (2003) или антивоенные перформансы в *Counter Strike* (2000–2014). Художественные перформансы, как уже сказано, находятся за пределами данного исследования, но о них можно прочесть в других аналитических работах (см., например: Янссон, 2013; Скоморох, 2014). Главное отличие перформативности игр от художественных перформансов в играх заключается в том, что в первом случае само тело игрока действует и собирается для того, чтобы игра состоялась, а во втором случае «перформансы... исполняются художниками посредством их аватаров» (Янссон, 2013), т. е. в первом случае работает тело игрока, во втором — аватар художника. Само собой разумеется, первый опыт более распространен и характеризует игровую ситуацию в целом, а второй предполагает особую эстетическую фильтрацию геймплея. Все многопользовательские игры могут быть местом для художественного перформанса, но перформативность игр в целом проявляется не столько в художественных акциях и представлениях, а в той соматической работе, которая связана с организацией игры, освоением интерфейсов и контроллеров, физической стороной управления.

игре то, что она была сделана для VR: если в предыдущие игры серии — *Half-Life* (1998) и *Half-Life 2: Episode Two* (2007) — можно было сыграть вполне привычным способом на клавиатуре и геймпаде, то *Half-Life: Alyx* — игра, использующая технологии виртуальной реальности. Только на момент выхода игры (март 2020 года) было продано более 500 000 ее копий¹, это довольно высокий результат для VR-игры. *Half-Life: Alyx* — всего лишь знаковый пример: на сегодняшний день рынок устройств виртуальной реальности не самый успешный, но несмотря на это многие пользователи приобретают устройства для VR и переживают немало телесных трансформаций с их помощью. Количество пользователей VR больше, чем художников-перформеров, т. е. это более распространенный опыт. У перформанса и VR-игр немало сходств:

«В перформансе тело участвует во всей своей полноте, во всех аспектах расположения в пространстве, так и нерасположения к нему, чувстве безысходности и покинутости, чувстве отсутствия реальных переживаний» (Савчук, 2017).

Палитра телесного опыта, доступная VR-перформерам, пока, конечно, беднее, чем аналогичная палитра перформанса или танца, но этот опыт тем и привлекает, что предъявляет меньше требований при вхождении в него. Например, зритель для игры вовсе не нужен, а в перформансе разделение на исполнителей и зрителей имеет, как пишут исследователи, принципиальное значение (Рыжакова & Сироткина, 2016, с. 729)².

Half-Life: Alyx и другие игры для виртуальной реальности — это современные перформансы с подлинными переживаниями новой реальности тела: органы периферических устройств соединяются с органами тел и создают серии соматических галлюцинаций. Здесь мы имеем дело с *воображением тела* геймера, с вхождением в образ, телесной коммуникацией. Результат подобной коммуникации — смешение порядков представления и интеракции, визуализации и взаимодействия, синтез репрезентации и инкорпорации, который

1 См., например, новость на сайте Playground от 23 марта 2020 года: https://playground.ru/half_life_alix/news/prodano_bolee_500_000_kopij_half_life_alix-715538#

2 Если развивать аналогию между перформансом и телесной включенностью геймера в игру, можно вспомнить перформанс «Родина-мать» Лизы Морозовой (2014 года), в котором обнаженная художница перемещалась по галерее с замотанной скотчем головой, скотчем же к голове был примотан игрушечный танк. Антивоенный пафос перформанса вполне очевиден, менее же очевидно его сходство с опытом использования VR-шлема (с тем же эффектом экранирования мира и медиальной слепотой). На фоне появления современных VR-устройств этот *обезоруживающий* перформанс смотрится вдвойне актуально. Подробнее см.: <http://artuzel.com/content/liza-morozova-performans-rodina-mat>

является особой чертой биополитического дизайна современных интерфейсов. В играх с традиционным управлением есть «зазор» между телом игрока и аватаром, в VR / AR-играх этот разрыв сокращается. Следующий шаг — нейроинтерфейс, который позволит нам ощутить себя в другом теле без какого-либо физического напряжения. Декарт в свое время отвергал возможность

«сравнить себя с Бог ведает какими безумцами, чей мозг настолько помрачен тяжелыми парами черной желчи, что упорно твердит им, будто они — короли, тогда как они нищие, или будто они облачены в пурпур, когда они попросту голы, наконец, что голова у них глиняная либо они вообще не что иное, как тыквы или стеклянные шары; но ведь это помешанные, и я сам показался бы не меньшим безумцем, если бы перенял хоть какую-то их повадку» (Декарт, 2006, сс. 141–142).

В будущем для нас этот опыт вполне может стать тривиальным.

Гастон Башляр однажды заметил, что оправданием для написания статьи может быть по крайней мере, новое слово, которое в ней вводится (Башляр, 2009, с. 369): итоговый концепт данного текста — «образ-прикосновение»¹. Мир современных медиа переживается кожей — мы живем в эпоху, которая как никогда сближается с архаикой по производству тактильного опыта:

«...ранние свидетельства сигнификации выдают способность, которая сегодня встречается крайне редко: способность почувствовать боль материала, на который наносятся знаки. Согласованность ощущений доходит до нерасторжимости. Разделение еще не свершилось: разделение между субъектом и объектом, которое запустит игру силы и власти. Границы как фильтр еще проницаемы. Сострадание камню, стене, поверхности, шкуре чутко к эффектам насилия, которое с определенного времени ассоциировалось с землепашцем. Потому предпочтение отдавалось тем комплексным знакам, которые имеют в себе свою, в конечном счете непреодолимую, противоположность — хаотическую субстанцию» (Кампер, 2010, с. 32).

Дитмар Кампер описывает сеть, в которой разнообразные акторы существуют на равных, а мастер ощущает материал, с которым взаимодействует². Касаясь современных интерфейсов (сенсорный экран и т. п.), мы приближаемся к этому переживанию: здесь материал выступает в своей гладкой форме, еще нет рифления и рельефа —

1 По аналогии с концептами «образ-движение» и «образ-время» Ж. Делеза, введенных для проработки опыта кино, а также с концептом «if-образ» М. М. Скоморох, который используется для описания вариативности игровой перцепции (Скоморох, 2020).

2 Близкое ощущение фиксирует знаменитый тезис Протагора, точнее, вторая его часть: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».

он скрыт на поверхности, испещренной знаками. Новые игровые аппараты и интерфейсы позволяют перенести эти знаки на наше тело. С учетом того, что самый быстрорастущий сегмент игрового рынка — мобильный гейминг, ставка здесь делается именно на осязание, на вхождение в тактильный сенсориум (а также на ощущение положения в пространстве, кинестезию и др.), на «производство присутствия» — телесного опыта — в компьютерных играх (Ленкевич, 2019).

Воображение тела в нашу эпоху поддерживается аппаратами. Как было замечено:

«На новаторский способ производства тела в эпоху модерна первым указал Вальтер Беньямин. Обычно его статью воспринимают в качестве прогностического анализа произведения искусства в эпоху, когда стало возможно его воспроизведение. Однако более важным, в любом случае для нашей тематики, является его указание на то, что в настоящее время возник новый способ производства тела: техническое воспроизводство тел в визуальных медиа, особенно в фотографии, кино, телевидении и видео». (Гебауэр, 2013, сс. 98–99).

Доминирующим элементом в этом ряду стали игры, которые за счет различных технических эффектов создают новые тела. Например, вибрация геймпада задает не только новые способы ориентации в среде игры, но и новые сборки тела. Можно выделять различные геологические эпохи воображения тела¹, здесь лишь стоит коснуться последней из них — современного этапа хаптических игр, в которых ключевая функция отводится прикосновению. Когда мы работаем с интерфейсами, *образы-прикосновения* инсталлируются в наше тело: здесь еще предстоит различить касания-реакции (на которых игры строятся сейчас) и касания-созерцания (которые будут в самом осязании открывать новые — оптические — функции). Ж. Делез, исследуя логику ощущения на материале живописи Ф. Бэкона, говорит об особой функции зрения — *гаптической*,

1 Эта тема, безусловно, требует отдельного разговора: коротко можно отметить, что речь идет о практиках и техниках (воображения) тела, включения его в образ. Тело геймера (как и тело пользователя других медиа) формируется задолго до появления первых компьютерных игр, поэтому законно говорить об археологии или геологии тела геймера. Например, как отмечалось выше, дисциплинарные техники, муштра и дрессура тела, которые Фуко относит к XVII–XVIII вв., являются важной вехой на пути к телу геймера. Без этой дрессуры, без нанесения знаков памяти на тело человека (Ницше, 1990, сс. 441–443) культура, в том числе и игровая, невозможна. Если, однако, говорить о собственно игровой культуре (и отсчитывать ее от появления первых игр), то здесь можно обнаружить смену техник тела, смену образов тела (игрок с геймпадом или джойстиком; игрок с клавиатурой и компьютерной мышью; игрок, погруженный в VR). Строгой последовательности здесь нет: слои накладываются друг на друга, переплетаются, исчезают, развиваются параллельно и т. д. Но мы можем отмечать ключевые точки, вокруг которых собирается игровой опыт (например, комбинация WASD или тактильная поверхность экрана на смартфоне).

от которой отделена его оптическая функция (т. е. можно просто видеть, а можно *схватывать* вещь взглядом):

«...о *гаптическом* отношении можно говорить всякий раз, когда строгой субординации между рукой и глазом, ослабленного подчинения или виртуального сцепления нет, когда зрение открывает в себе собственную функцию осязания, принадлежащую только ему и отличную от его оптической функции. В этом случае можно сказать, что художник пишет глазами — в том смысле, что он осязает глазами. Гаптическую функцию непосредственно, сразу открывают во всей ее полноте древние формы, секрет которых мы утратили, — формы древнеегипетского искусства. Но она может быть и заново изобретена “современным” глазом исходя из неистовства и своеволия руки» (Делез, 2011, с. 161).

Касания-созерцания и другие «незаконные» смеси ощущений, такие как касания-звуки (музыкальных игр), касания-вибрации и др. развернут собственно тактильный опыт в новые форматы: уже сейчас довольно трудно раздробить опыт прикосновения и зрения в технологиях виртуальной реальности. Мы прикасаемся к сенсорным экранам смартфонов, тачпадам, тачскринам, скоро появятся и другие аппараты, подобные ShapeShift (прототип устройства, способного моделировать текстуры виртуальных объектов¹) или Kissinger (девайс для смартфонов, позволяющий передавать поцелуи на расстоянии²), с помощью которых можно будет прикасаться к цифре, чувствовать ее ответные касания, удары, объятия, боль. Это уже не просто созерцание того, что есть на экране, но конструирование нового тела с новыми измерениями чувственного опыта. Не так давно ученые из США и Гонконга к огромному числу устройств, моделирующих тактильные переживания в виртуальной реальности, добавили интерфейс Haptic Skin, «хаптическую кожу» (Marsh, 2019), которая позволит испытать тончайшие нюансы прикосновений к цифровым объектам. В скором времени мы, возможно, будем напрямую сталкиваться с ними (или экранировать их с помощью антитактильных файероволов). Если раньше ассамбляж нашего тела с машиной преимущественно опирался на модель «зрение — рука — экран», то за последние годы моделей сборки стало больше. Прикосновение как основа геймплея (и — наоборот — геймплей как способ создания тактильного опыта) задают новые координаты воображения нашего тела. На этом рубеже изобретаются новые приемы и техники биополитического дизайна, когда тело игрока технологически прорабатывается, а интерфейсы превращаются в формы чувственности, неотделимые от нашей жизни.

1 См. сайт ShapeLab: <http://shape.stanford.edu/research/shapeShift>

2 См. видео: <https://www.youtube.com/watch?v=5sfMBc7vVV0>

В конечном счете биополитические процедуры усваиваются игроком через овладение контроллерами и игровыми интерфейсами — и поэтому уместно вернуться к вопросу, вынесенному в заглавие: а в своем ли мы пребываем теле? И ответ: конечно, да! В одном из них.

ЛЮДОГРАФИЯ

- 1) Bio Inc. (2017)
- 2) Bio Inc.: Redemption (2018)
- 3) Counter Strike, серия игр (2000–2014)
- 4) Dark Souls (2011)
- 5) Endless Forest, The (2005–2012)
- 6) Half-Life (1998)
- 7) Half-Life 2: Episode Two (2007)
- 8) Half-Life: Alyx (2020)
- 9) LittleBigPlanet (2008)
- 10) Nevermind (2015)
- 11) Plague Inc. (2012)
- 12) Pong (1972)
- 13) Ring Fit Adventure (2019)
- 14) Second Life (2003)
- 15) Way, The (2013)
- 16) We Were Here (2017–2021)

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGMENTS

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды».

The research was made with the financial support from RSF, project 21-18-00046 “The definition of criteria for visual pollution of the environment, SPBU”.

Список литературы

- Bogost, I. (2007). *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Bolter, J. D., & Grusin, R. (1999). *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Keogh, B. (2018). *A Play of Bodies. How We Perceive Videogames*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Marsh, G. (2019). Haptic Skin' Creates Virtual Sense of Touch. *Nature*. doi: 10.1038/d41586-019-03596-z
- Sicart, M. (2017). Queering the Controller. *Analog Game Studies*, VII(II). Retrieved from <https://analoggamestudies.org/2017/07/queering-the-controller>
- Агамбен, Дж. (2012). Что такое диспозитив? В Дж. Агамбен, *Что современно?* (с. 13–44). Киев: ДУХ І ЛІТЕРА.
- Агамбен, Дж. (2014). Идентичность без личности. В Дж. Агамбен, *Нагота* (с. 78–90). Москва: Издательство Грюндриссе.
- Ароневич, О. (2016). § 2. Как компьютерные игры передают идеи? В *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр* (с. 43–53). Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии.
- Башляр, Г. (2009). Грезы и радио. В *Поэтика грезы* (с. 369–374). Москва: РОССПЭН.
- Вирно, П. (2013). *Грамматика множеств: К анализу форм современной жизни*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Гебауэр, Г. (2013). Тело, созданное аппаратами, и аппарат, создающий тело. *Логос*, (5), 97–107.
- Грякалов, Н. А. (2017). *Фигуры террора – 2*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА.
- Декарт, Р. (2006). Размышления о первой философии. В *Сочинения* (с. 132–185). Санкт-Петербург: Наука.
- Делез, Ж. (2011). *Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения*. Санкт-Петербург: Machina.
- Кампер, Д. (2010). Знаки как шрамы. Графизм боли. В *Тело. Насилие. Боль* (с. 30–46). Санкт-Петербург: Издательство РХГА.
- Кассирер, Э. (2002). *Философия символических форм. Том 1. Язык*. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга.
- Кириченко, В. (2019). Многоязычность компьютерной игры: О геймплейной функции звука. *Международный журнал исследований культуры*, (1), 102–112. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00008
- Латыпова, А. Р. (2019). Игровой искусственный интеллект как медиум социального мира. *Международный журнал исследований культуры*, (1), 46–61. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00004

- Ленкевич, А. С. (2019). На пути к медиаэстетизму: Производство присутствия в компьютерных играх. *Международный журнал исследований культуры*, (1), 20–33. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00002
- Ленкевич, А. С. (2020). Высокотехнологические формы чувственности. В *Критика цифрового разума* (с. 126–144). Санкт-Петербург: Академия исследования культуры.
- Маклюэн, Г. М. (2011). *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. Москва: Кучково поле.
- Малявин, В. В. (2008). *Повседневная жизнь Китая эпохи Мин*. Москва: Молодая гвардия.
- Медведев, С. (2018). Биополитика авторитарного транзита. Извлечено от <https://www.colta.ru/articles/society/20042-biopolitika-avtoritarnogo-tranzita>
- Михайлова, В. (2020). Разработчик Plague Inc. Пожертвовал \$250 тысяч на борьбу с коронавирусом. Извлечено от <https://app2top.ru/industry/razrabotchik-plague-inc-pozhertvoval-250-ty-syach-na-bor-bu-s-koronavirusom-162479.html>
- Муждаба, А. Д. (2019). Попробуйте повернуться: К генеалогии игровой перспективы от первого лица. *Новое литературное обозрение*, (158). Извлечено от https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/158_nlo_4_2019/article/21375/
- Ницше, Ф. (1990). К генеалогии морали. В *Сочинения в 2 томах* (Т. 2). Москва: Мысль.
- Очеретяный, К. А. (2014). Изобретение тела геймера. В *Медиафилософия X. Компьютерные игры: Стратегии исследования* (с. 252–274). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского философского общества.
- Пресьядо, П. (2021a). Причудливый технопатриархат: Репродукция. Извлечено от <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/prichudlivyj-tehnopatriarhat-reproduktsija>
- Пресьядо, П. (2021b). Телекапитализм. Извлечено от <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/telekapitalizm>
- Рассказов, В. (2021). Открыт предзаказ VR-контроллера DecaMove. Извлечено от <https://dtf.ru/hard/707715-otkryt-predzakaz-vr-kontrollera-decamove-kotoryy-otslezhivaet-dvizheniya-tela-nezavisimo-ot-napravleniya-vzglyada>
- Рыжакова, С. И., & Сироткина, И. Е. (2016). Performance studies: Концепция и исследовательские подходы. *Обсерватория Культуры*, 13(6), 726–735. doi: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-726-735
- Савчук, В. В. (2012). *Топологическая рефлексия*. Москва: Канон+, Реабилитация.
- Савчук, В. В. (2017). Куда исчезает перформанс? *Художественный журнал*, (103). Извлечено от <http://moscowartmagazine.com/issue/64/article/1346>
- Скоморох, М. М. (2014). Перформансы в онлайн-играх: К вопросу об отношениях между видеоиграми и искусством. В *Медиафилософия X. Компьютерные игры: Стратегии исследования* (с. 142–152). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского философского общества.

- Скоморох, М. М. (2016). § 21. Мазокор: Наследие Сада и Мазоха в компьютерных играх. В *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр* (с. 371–392). Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии.
- Скоморох, М. М. (2020). Алгоритмическая эстетика: If-образ как форма сопротивления исчислимости кода. В *Критика цифрового разума* (с. 160–181). Санкт-Петербург: Академия исследования культуры.
- Фуко, М. (1996). Право на смерть и власть над жизнью. В *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности* (с. 238–268). Москва: Касталь.
- Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem.
- Фуко, М. (2005). *Нужно защищать общество*. Санкт-Петербург: Наука.
- Хайдарова, Г. Р. (2013). *Феномен боли в культуре*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА.
- Янссон, М. (2013). От Plaintext Players до Avatars Actors: Небольшое исследование на тему перформансов в онлайн-играх. Извлечено от <https://gamestudies.ru/translations/performance/>

References

- Agamben, G. (2012). What is an Apparatus? In G. Agamben, *What is Contemporary?* (pp. 13–44). Kiev: Spirit and AITEPA. (In Russian).
- Agamben, G. (2014). Identity without the Person. In G. Agamben, *Nudities* (pp. 78–90). Moscow: Grundrisse Publishing House. (In Russian).
- Aronevich, O. (2016). § 2. How do computer games convey ideas? In *Media Philosophy XII. Game or Reality? Game Studies Experience* (pp. 43–53). St. Petersburg: Fond of Conflictology Development. (In Russian).
- Bachelard, G. (2009). Reverie and Radio. In *The Poetics of Reverie* (pp. 369–374). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Bogost, I. (2007). *Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Bolter, J. D., & Grusin, R. (1999). *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Cassirer, E. A. (2002). *Philosophy of Symbolic Forms. Volume 1. Language*. Moscow, St. Petersburg: University Book. (In Russian).
- Deleuze, G. (2011). *The Logic of Sense*. St. Petersburg: Machina. (In Russian).
- Descartes, R. (2006). Meditations on First Philosophy. In *Works* (pp. 132–185). St. Petersburg: Science. (In Russian).
- Foucault, M. (1996). Right of Death and Power over Life. In *The Will to Knowledge: Beyond Knowledge, Power, Sexuality. Works of Different Years* (pp. 238–268). Moscow: Castal. (In Russian).

- Foucault, M. (1999). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem. (In Russian).
- Foucault, M. (2005). *Society Must Be Defended*. St. Petersburg: Science. (In Russian).
- Gebauer, G. (2013). Body Made by Machines and Body-Making Machine. *Logos*, (5), 97–107. (In Russian).
- Gryakalov, N. A. (2017). *Figures of Terror – 2*. St. Petersburg: Publishing house RCHA. (In Russian).
- Jansson, M. (2013). From Plaintext Players to Avatars Actors: A Short Survey of Online Gaming Performance. Retrieved from <https://gamestudies.ru/translations/performance/> (In Russian).
- Kamper, D. (2010). Signs as Scars. Graphism of Pain. In *Body. Violence. Pain* (pp. 30–46). St. Petersburg: Publishing house RCHA. (In Russian).
- Keogh, B. (2018). *A Play of Bodies. How We Perceive Videogames*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Khaidarova, G. R. (2013). *Phenomenon of Pain in Culture*. St. Petersburg: Publishing house RCHA (In Russian).
- Kirichenko, V. (2019). Multilinguality of Computer Game. On the Gameplay Function of Sound. *International Journal of Cultural Research*, (1), 102–112. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00 008 (In Russian).
- Latypova, A. R. (2019). Game Artificial Intelligence as a Medium of Social World *International Journal of Cultural Research*, (1), 46–61. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00 004 (In Russian).
- Lenkevich, A. S. (2019). On the Way to Media Esthesis: Production of Presence in Computer Games. *International Journal of Cultural Research*, (1), 20–33. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00 002 (In Russian).
- Lenkevich, A. S. (2020). Hi-Tech Forms of Sensibility. In *A Critique of the Digital Reason* (pp. 126–144). St. Petersburg: Academy of Culture Research. (In Russian).
- Malyavin, V. V. (2008). *Everyday Life of China in the Epoch of Ming*. Moscow: Young Guard. (In Russian).
- Marsh, G. (2019). Haptic Skin' Creates Virtual Sense of Touch. *Nature*. doi: 10.1038/d41 586-019-03 596-z
- McLuhan, G. M. (2011). *Understanding Media*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Medvedev, S. (2018). Biopolitics of Authoritarian Transit. Retrieved from <https://www.colta.ru/articles/society/20 042-biopolitika-avtoritarnogo-tranzita> (In Russian).
- Mikhailova, V. (2020). Developer of Plague Inc. made the donation of \$250 000 for the Fight Against Covid. Retrieved from website: <https://app2top.ru/industry/razrabotchik-plague-inc-pozhertvoval-250-ty-syach-na-bor-bu-s-koronavirusom-162 479.html> (In Russian).

- Muzhdaba, A. D. (2019). Try to Turn: A Genealogy of First-Person View in Games. *New Literature Review*, (158). Retrieved from https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/158_nlo_4_2019/article/21375/ (In Russian).
- Nietzsche, F. (1990). On the Genealogy of Morality. In *Work in 2 Volumes* (Vol. 2). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Ocheretyany, K. A. (2014). The Invention of the Gamer Body. In *Media Philosophy X. Computer Games: Strategies of Research* (pp. 252–274). St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian).
- Preciado, P. (2021a). Baroque Technopatriarchy: Reproduction. Retrieved from <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/prichudlivyj-tehnopatriarhat-reprodukcija> (In Russian).
- Preciado, P. (2021b). Telecapitalism. Retrieved from <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/telekapitalizm> (In Russian).
- Rasskazov, V. (2021). Pre-order VR-controller DecaMove is Open. Retrieved from <https://dtf.ru/hard/707715-otkryt-predzakaz-vr-kontrollera-decamove-kotoryy-otslezhivayet-dvizheniya-tela-nezavisimo-ot-napravleniya-vzglyada> (In Russian).
- Ryzhakova, S. I., & Sirotkina, I. E. (2016). The Performance Studies: One Conception, Several Approaches. *Observatory of Culture*, 13(6), 726–735. doi: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-726-735 (In Russian).
- Savchuk, V. V. (2012). *Topological Reflection*. Moscow: Canon+, Rehabilitation. (In Russian).
- Savchuk, V. V. (2017). Where Has Performance Gone? *Moscow Art Magazine*, (103). Retrieved from <http://moscowartmagazine.com/issue/64/article/1346> (In Russian).
- Sicart, M. (2017). Queering the Controller. *Analog Game Studies*, VII(II). Retrieved from <https://analoggamestudies.org/2017/07/queering-the-controller>
- Skomorokh, M. M. (2014). Performances in Online Games: To the Question of Relationship between Video Games and Art. In *Media Philosophy X. Computer Games: Strategies of Research* (pp. 142–152). St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian).
- Skomorokh, M. M. (2016). § 21. Mazocore: the Heritage of Sade and Masoch in Computer Games. In *Mediaphilosophy XII. Game or Reality? Game Studies Experience* (pp. 371–392). St. Petersburg: Fond of Conflictology Development. (In Russian).
- Skomorokh, M. M. (2020). Algorithmic Aesthetics: If-image as a Form of Code Countability Resistance. In *A Critique of the Digital Reason* (pp. 160–181). St. Petersburg: Academy of Culture Research. (In Russian).
- Virno, P. (2013). *A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).

FROM BEHAVIORAL DESIGN TO REVERENCE FOR LIFE: CARE POLICIES FOR THE DIGITAL ENVIRONMENT

Konstantin A. Ocheretyany

St. Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: [kocheretetyany\[at\]gmail.com](mailto:kocheretetyany[at]gmail.com)

Abstract

The article raises the problem of the ecology of a human being in a digital reality, namely, the issue of caring for a resource accessible to any person living in new conditions. The aim of the study is to substantiate the need for a transition from the behavioral design as well as the corresponding ethological paradigm to the existential design, involving a more responsible and careful approach to ecology and ethics in human capital management in the context of cognitive capitalism and digitalization of life. In the modern world it is often the question of productivity growth and technological advancement. Meanwhile, the question of human capacities and incapacities (mental, physical, behavioral) does not arise. Taking into account the absence of a caring attitude towards human capacities, this resource will never go turn into human capital. The research demonstrates that the design of digital media allows the use of the available human resources more properly if technical requirements of speed, quantity, simplicity are changed in compliance with existential requirements (changes in the subject of herself/himself, not in the objects of her/his activities) increasing his/her role, ethical meaning, feeling of presence in the event, tracking the results of actions and a deeper awareness of the results. The article is aimed at media philosophers, anthropologists and theorists of digital culture.

Keywords

behavioral design; reverence for life; existential design; control policies; care policies; digital reality; cultural logic of interfaces; mediaphilosophy; cognitive capitalism

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОТ БИХЕВИОРИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА К БЛАГОГОВЕНИЮ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ: ПОЛИТИКИ ЗАБОТЫ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Очеретяный Константин Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Email: [kocheretetyany\[at\]gmail.com](mailto:kocheretetyany[at]gmail.com)

Аннотация

В работе поднимается проблема экологии человека в цифровой реальности: заботы о доступном человеку ресурсе в новых технических условиях жизни. Цель исследования — обосновать необходимость перехода от бихевиориального дизайна (и соответствующей этологической парадигмы) в пользу экзистенциального дизайна — более ответственного и внимательного отношения к экологии и этики работы с человеческим капиталом в ситуации когнитивного капитализма и цифровизации жизни. В современном мире, речь часто идет только о росте производительности и о совершенстве технического обеспечения, забывают о возможностях человека и его невозможностях: ментальных, физических, поведенческих. В ходе исследования было показано, что дизайн цифровых сред позволит более комплексно, бережно и целесообразно использовать имеющийся в распоряжение у человека ресурс (время, внимание, психофизиологические и культурно-поведенческие особенности) если откажется от технических требований скорости, количества, простоты (т.е. того что может сделать субъект) в пользу экзистенциальных изменений в самом субъекте, увеличение его роли, значения, этической силы, чувства присутствия, возможности отслеживать результаты своих действий, более глубокого осознания их результатов. Статья рассчитана на медиафилософов, антропологов и теоретиков цифровой культуры.

Ключевые слова

бихевиориальный дизайн; благоговение перед жизнью; экзистенциальный дизайн; политики контроля; политики заботы; цифровая реальность; культурная логика интерфейсов; медиафилософия; когнитивный капитализм

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ЗАБОТА — ПОТЕРЯННАЯ ЭНЕРГИЯ?

Что происходит в нас, когда включаются экраны наших устройств? Поставленный вопрос — выражает современные тенденции теории медиа, когнитивных исследований, социологии и психологии, а также восстанавливает древний смысл философии как практики включенных наблюдений над изменениями способа существования. Имена ее семиотически избыточны и семантически неэквивалентны: платоновское ἐπιστροφή, патристическое μετάνοια, латинско-католическое conversio, контрреформаторское-модерновое meditatio, но в том числе и близкие к нам die Kritik и die Dialektik. Какое бы имя мы не выбрали для практики включенных наблюдений, предварительный ответ на вопрос легко наметить: когда включаются экраны наших устройств в нас выключается внимание — мы вступаем в те способы существования в которых еще не умеем жить и которые даже не замечаем. Британский фантаст Дж. Баллард описывает моральную и эпистемологическую слепоту ученых в романе «Затонувший мир» (1962), где экологический кошмар стал реальностью — глобальное потепление вызывает таяние ледников, увеличение водной массы, возвращение флоры и фауны из доисторического прошлого Земли в день сегодняшний. В ситуации экстремальных изменений, ученые действуют согласно усвоенным эпистемическим добродетелям: отмечают факты «внешней» экологии, удивляются возвращению к жизни древних растений и животных, фиксируют координаты наблюдений, составляют тщательные описания, каталогизируют их — но все это бессмысленно, ведь под воздействием тепла и вместе с увеличением водной территории изменяется «внутренняя» экология — обратную эволюцию испытывают сами люди, становясь существами с иным чувствованием, иным мышлением, иным образом мира. Их тело изменяется быстрее чем успевает приспособиться к изменениям их мысль. Увеличивающийся разрыв обесмысливает их наблюдения, стратегии, решения, любую модель поведения. Как и персонажи Балларда мы сегодня оказываемся в той ситуации, когда внешние изменения, их многочисленность и сложность — отвлекают от изменений, имеющих место в нас самих.

С перемещением в цифровые среды жизни меняемся мы сами, но мы еще недостаточно внимательны к этим изменениям. Тело со времен Дарвина мыслилось более приспособленным к прошлому, чем к настоящему, поскольку несло в себе память о биологической адаптации и случившихся катастрофах. Технологии со времен Маркса мыслились скорее, как конструкторы социаль-

ного будущего, а не инструменты приручения настоящего, адаптивные решения уступали место стохастическим сценариям. Но сегодня наше тело изменяется быстрее, чем наши ментальные привычки и навыки, ведь наше тело сегодня — это наши технологии, а они не столько укоренены в прошлом, сколько открыты будущему. А потому нам необходимо в новых условиях актуализировать ту практику внимания, которая под различными именами: *προσοχή*, *cogito*, *die Genealogie*, *Die Hermeneutik* — являлась одной из ключевых добродетелей, культивируемых в целом ряде философских дискурсов, ставших определяющими для типа мышления, дальними наследниками которого мы являемся. Все перечисленные выше имена философской практики включенного экзистенциального внимания к изменениям способам существования — с древности имели корнем заботу, *ἐπιμέλεια*. При увеличении забот наблюдается хронический дефицит заботы. Забота — оказывает потерянной энергией, которая при невнимании в ней работает против нас. Забыв про нее, мы просто не сможем использовать ее в освоении нового цифрового мира, а значит наша задача — вернуть ее.

В чем же состоит дефицит заботы? Проведем параллель. В космологии скрытая масса (или потерянная масса) — проблема, указывающая на противоречие между наблюдаемым поведением видимых объектов и расчётных законов, которые не были бы полны учитывая лишь эти объекты. Большая часть Вселенной — это X, черная материя и черная энергия, о которых ничего неизвестно. Наблюдаемые объекты ничего не объясняют, ненаблюдаемые отношения объясняют все, но о них ничего неизвестно. Если космологи, а затем по их образцу социологи (Латур, 2006, стр. 199–223), искали потерянную массу для того, чтобы объяснить видимые явления, то философы медиа ищут потерянную (скрытую) энергию, для того чтобы объяснить видимую логику действия, модели поведения, а также возможный спектр их модификаций (вплоть для искаженных и превращенных форм). Характерно, что вопрос потерянной массы и потерянной энергии — в XX веке приобрел аксиологическую и этическую размерность. В. Флюссер заметил, что в мире, где человечеству грозит захлебнуться собственной жаждой, целый ряд исследовательских направлений: археология, этимология, психоанализ, экология и т.д. сосредоточены вокруг проблемы вышедшего из употребления — неактуализируемого в утилитарных координатах разума (2016, с. 118). Действительно, в современном мире природа больше не рассматривается как ресурс. «Биологический жизненный процесс, активный обмен веществ человека с природой, как он осуществляется в труде, смог достичь такой

чудовищной интенсивности, что его растущая результативность в конечном счете угрожает самостоятельности самого мира и продуктивной способности, которой он обязан своим возникновением» (Арендт, 2017, сс. 394-395). Там, где искали мощь — контроль природных сил, организация, повышения темпов производства, усиление используемых энергоресурсов — была обнаружена слабость, угроза всеобщего истощения. Но в том, что касается природы внутренней — т.е. заботы о нашем психофизиологическом ресурсе в цифровой среде ситуация не столь однозначна. Фактически в деле выживания в новой среде мы признаем и принимаем технические решения и правила, адаптируясь к машинному ритму, но оказываемся морально и эпистемологически слепы к энергии, направленной на адаптацию.

Парадокс всемогущества Бога вставал в раннехристианской рефлексии, ведь обладая неограниченным могуществом Бог мог мыслиться и как существо, бесконечно множащее собственные невозможности, силой, создающий сущности, с которыми невозможно справиться. В постсекулярную эпоху мы приходим к тем же противоречиям: не умножает ли наше могущество наши немощи? Августин сумел разрешить парадокс не менее парадоксальной формулировкой: «Потому-то нечто и невозможно для Него, что Он всемогущ» (Августин, 1998, с. 209). Не стоит ли применить этот парадокс сегодня в анализе отношения человека к технологиям? Мы должны обратить внимание не на наши силы и возможности, а на наше бессилие, невозможности и упущения — иначе наша природа даст сдачи.

ИНТЕРФЕЙС КАК БИОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Современные технологии и их развитие неотделимы от политических, экономических и социокультурных тенденций: все они воплотились в интерфейсе как привилегированной форме доступа к жизненному миру. Но если интерфейс дает привилегированный доступ к жизненному миру, то это означает, что интерфейс влияет и на то, как человек ведет диалог с миром, с жизнью и какие вопросы ей адресует. Следовательно, правомерен вопрос: насколько продуктивен этот диалог и на каком языке он ведется?

Согласно Агамбену, решающий политический конфликт в нашей культуре — конфликт между животностью и человечностью, а потому политика, как и искусство управления и контроля, в т. ч. лежащее в основе наших технологий — есть изначально биополитика. Его теорию подтверждает экономическая антропология еще во второй половине XX века, показавшая, что прежняя экономическая аналитика

была формально-, а не субстанциально-ориентирована (Поланьи, 2014, с. 147), т.е. переносила модели производства, обмена, потребления товаров, характерные для рыночных условий и общественных отношений, сложившихся в Западной Европе на определенном временном отрезке на весь мир, не учитывая игры, праздники, ритуальное взаимное одаривание, ритуальный круговой обмен, т.е. существенные качественные отличия в понимании ценного и престижного, в т. ч. от экономики до сих пор ускользали техники тела. В этом ключе Ж.-П. Вернан совместно с религиоведом М. Детьеном описали греческую категорию «metis» («хитрость», «уловку») как особое «телесное» знание, установив параллель между целым рядом институционных «надстроек» и общественных взаимодействий и соответствующих им «настроек» культурного тела, показав искусство политики как ансамбль поведенческих и телесных техник: от ритуальных празднеств и состязаний до публичных выступлений (Détienne & Vernant, 1974). В 1957 году историк Э. Канторович перевел проблему телесности в область того, что он сам охарактеризовал «политической теологией» показав, что юристы, историки и теологи Средневековья и раннего Нового времени фактически удвоили короля (по аналогии с богочеловеческим телом Христа) понимая его как смертного индивида и как сакральную институцию; тело короля с одной стороны продукт природы и с другой стороны — ритуалов и церемоний (Канторович, 2013). В 1649 г., когда Палата общин казнила природное тело короля Карла I Стюарта, она же унаследовала его политическое тело: в этом смысле теология не перестала существовать, а скорее стала материальной силой, превратилась в технологию управления и контроля для реальной политики над телами и душами. Агамбен, опираясь на указанную традицию, полагает, что политика понятая теологически — есть специфическая форма «бездеятельности», иными словами, действие, превращающее все остальные действия в отсутствие деятельности (Агамбен, 2019, с. 12).

Если отнестись всерьез к приведенным здесь тезисам: 1) решающий политический конфликт в нашей культуре проходит между «животностью» и «человечностью» человека; 2) теология не исчезает, а становится материальной силой — технологией; 3) политика понятая теологически — есть действие, превращающее все виды деятельности в ничто, в бездеятельность — то напрашивается вывод о том, что технология становится теологической силой, которая обесмысливает действия человека, т.е. все менее делает человека субъектом собственного действия.

Археолог Эндрю Шеррат предположил, что революция в человеческой истории (или даже начало истории) лежит в переоценке ценностей в отношении к животным — в определенный момент их стали использовать не как материал, но как энергию — то, что работает на человека в долгосрочной перспективе, дает человеку «вторичный продукт» — тягловую силу, тепло, удобрения и т.д. (Манко, 2019, стр. 138). Человек стал не просто убивать животных, но держать их про запас. В определенном смысле революция вторичных продуктов оказалась перманентной и постоянно интенсифицировалась: в случае с животными стали использовать не только живые тела, но и мертвые, переработанные в недрах земли (нефть); в случае с людьми стали использовать не только их тела, но и души, не только их знания (сознательное действие), но и незнания (бессознательное поведение, желание). Древняя философская проблема — «душа», эмансипированная от теологии в конце XVIII века попадает в XIX веке (т. е. при указанном превращении теологии в технологию управления и политику контроля) под влияние физиологии, а потому ключом к ее пониманию становятся экспериментальные техники, эмпиризм и позитивизм, даже мышление в XX веке начинает рассматриваться в бихевиориальном ключе как сумма операциональных навыков, а потому изменение поведенческих стратегий, через опосредование операций новыми техническими условиями рассматривается как ключ к новому мышлению. Субъект мышления не в «Я» или в теле, он в условиях поведенческих практик. Симптоматичным примером (и ключевым для понимания цифровой революции) служит то, как Ванивер Буш — ученый, работающий в системе обороны США отразил дух времени в своей статье «Как мы можем мыслить?», опубликованной в 1945 году в журнале *Atlantic Monthly* (Bush, 1991, pp. 85-112). Буш фактически представил современный дизайн интерфейсов, описав воображаемую машину, похожую на стол с прозрачными экранами и работающую с текстами и изображениями. Все ключевые метафоры на месте: рабочий стол, файлы и папки, иконки приложений и изображений. За ставшим уже энциклопедическим фактом («долгоиграющей» модели Буша, до сих пор обнаруживаемой и в наших устройствах), часто сложно заметить, чем обусловлена эффективность этой модели — ее бихевиориальную ориентацию. Дизайн наших интерфейсов до сих пор бихевиориальный дизайн: его суть, как и в опытах Скиннера — в вознаграждении за поведение, а это значит, что он по необходимости аттрактивен и аддиктивен. Он провоцирует жажду, не ведя к ее утолению. В таком случае компьютеры скорее не технологии взаимодействия, а технологии влияния,

производства аффекта и управления эмоциями: они изначально на уровне дизайна дают нечто сделать для того, чтобы спровоцировать и подчинить. Если изобретение Раймонда Луллия было машиной, на которой человек задавал вопросы Богу, то изобретение Буша, стало машиной, на которой новая реальность, получившая статус божественной, предписывала человеку императивы. Б. Дж. Фогг из Стэнфордского университета обосновал исследовательское направление «каптологию» (акроним от computers as persuasive technologies, компьютеры как технологии влияния) и создал целую лабораторию, изучающую как веб-сайты, программные приложения и мобильные устройства можно использовать для изменения отношения и поведения людей (Fogg, 2002). Вопрос о новых возможностях таким образом превращается в вопрос о новых формах влияния, где животное начало в человеке сведено к моделям поведения и к вознаграждению за выбранную модель: компьютеры не наделяют человека расширенным разумом, а третируют его как животное. Диалог с животным началом в человеке ведется не на основании предпочтений и ограничений (или заботы), а на основании интенсификации контроля и результата (или эксплуатации). Если тело — это набор поведенческих программ, а их техническая модификация — это возможные способы взаимодействия и мышления, то все что ускользает от технической модификации поведенческих программ не является ни мышлением, ни действием, ни даже восприятием «...Если бы я захотел точно выразить перцептивный опыт, мне следовало бы сказать, что некто во мне воспринимает, но не я воспринимаю» (Мерло-Понти, 1999 сс. 276-277). Техника при таком подходе не позволяет предпринять действия, а убеждает действующего в том, что он всегда делает недостаточно, а все сделанное им мгновенно превращаются в ничто.

Если в дизайне цифровых сред благоговение перед жизнью как учет различных способов отношения к спектру модусов телесного существования в касании и затронутости не придет на смену бихевиориальной эксплуатации, то любые действия, совершенные в интерфейсах наших устройств, грозят превратиться в специфическое отсутствие деятельности, хроническую неудовлетворенность, невозможность в полноценном смысле быть. Например, Клаус Шваб прогнозирует (Шваб, 2018), что четверка ключевых технологий современности: блокчейн, 3D-печать, нейросети, Big Data — создадут ситуацию, где машины будут принимать решения, которые человек не сможет понять, а возможно и принять, несмотря на их формальную правильность. Юваль Ной Харрари убедительно показывает (Харрари, 2020), что поскольку организмы — это алгоритмы, а сила *homo sapiens*

в создании интерсубъективных конструкторов, способных упорядочивать, репрезентировать и модифицировать данные опыта, то в ситуации, где большие данные и соответствующие технологии, становятся парадигмой человек утрачивает лидирующую роль. Более того согласно его прогнозам, технологические разработки напрямую угрожают способности человека придавать жизни смысл. Символично, что предшественником Шваба и Харарри был Беньямин сначала показавший, что: протестантизм, восстав против различных форм иерархий опустошил мир, уничтожив миф и оставив только ритуал (Беньямин, 2002, с. 139), а затем объяснивший, что капитализм стал не просто продолжением протестантской этики, а — новой религией основанной на фетишских ритуалах (Беньямин, 2012, сс. 99-107), где чем больше мы делаем, тем дальше мы от результата. Цифровая реальность — реальность когнитивного капитализма и бихевиориальной этики — в такой постбеняминовской интерпретации становится новой формой религиозного фетишизма, где ритуал (потенциально любое действие) работает не на создание смысла, а на его изгнание: получая более мощные инструменты человек как бы лишается целей (и даже инструкций) их использования. На уровне экологии медиа проблема потерянной энергии — превращения заботы в контроль, действующего в подопытного сохраняется. Л. Манович определяет цифровую среду как продолжение бюрократии иными средствами (Манович, 2017, сс. 70) — иначе говоря, избыточность правил, следуя которым действие противоречит себе или даже парализует себя. В. Флюссер задавался вопросом об этике промышленного дизайна — о том, к какому способу существования подталкивают нас среды обитания и к каким действиям (и катастрофам) используемые инструменты (Флюссер, 2016, сс. 75-79). Ф. Киттлер отмечал связь оптических условий видения в современных цифровых средах со взглядом снайпера, с оптикой военного видения вещей — где открытость, потенциально означает и большую уязвимость, а совершенство — хрупкость. Баллистические, криминалистические и криптографические решения в области оптики, продолжают жить в наших цифровых медиа и обживать наши тела — а мы словно еще сильнее влюбляемся в их власть. «Мы все еще находимся на Второй Мировой войне» (Киттлер, 2009, сс. 246). Все, что мы делаем в цифре, таким образом цифрой же может оборачиваться против нас, если мы не учитываем возможности цифры изменять и превращать отношения. Тогда видимые элементы становятся совершенно необъяснимы вне принятия в учет возможных структур. Бихевиориальные технологии перечисляемые Фоггом: сужение взгляда и упрощение действия

(Simplification), руководство (Guidance), кастомизация (Customization), вмешательство (Just-in-time intervention), принуждения к самоконтролю (Self-monitoring), коррекция поведения через отслеживание действия (Surveillance), формирования привычек, через создание условий для действия (Conditioning) — во многом полезные в медицинском мониторинге — в других случаях становятся избыточно дисциплинарными, вступая в противоречие с такими формами человеческого капитала как комплексное решение проблем, критическое мышление, креативность, умение управлять людьми, взаимодействие с людьми, эмоциональный интеллект, умение анализировать и принимать решения, навык ведения переговоров, гибкость мышления (Fogg, 2002).

ИНТЕРФЕЙС КАК БИОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Интерфейс — как перформативная визуальная грамматика цифрового мира был надстроен над бихевиористским истолкованием природы — но это не значит, что он ей исчерпывается. Напротив, он изменяет наши способы жить — демонстрируя, как и в чем мы до сих пор ограничены, используя наивную прикладную интерпретацию бихевиористской программы. Обращение к природе, к животному — традиционная реакция на кризис культуры. Сегодня — это реакция на обращение происходящее в существе самого человека или с человеком как существом: реакция на кризис бихевиориального дизайна оболочек наших устройств, в которые мы все больше переводим нашу жизнь. Человек до сих пор не смог осмыслить животное начало в себе и выстроить диалог с ним иначе как на языке алгоритмов, и оно мстит ему — закрываясь от него им же созданными технологиями, отделяя его от самого себя. Бихевиориальный дизайн интерфейсов — создание условий возможности, подталкивание к их осуществлению действия, вознаграждение за выбранную модель поведения и повторение вплоть до истощения, а не до результата — свидетельство глубинного сбоя в том, что Дж. Агамбен называет антропологической машиной как совокупности концептуальных схем, сил и аппаратов управления, которая была способом для человека приостановить собственную животность — создать чрезвычайное положение, свободную и пустую зону. Антропологическая машина служила мотором историзации человека, но вместо свободы, чрезвычайное положение создало отделенную от себя самой и исключенную жизнь — «голую жизнь» (Агамбен, 2012, сс. 50). Единственным отношением становится — предельно интенсивное использование животного/тела как ресурса, оборачивающегося принуждением и насилием.

Именно эти моменты и подлежат деконструкции. Следует поставить вопрос: что если дело не в том, будто человек все еще слишком животное для того, чтобы войти в новый мир алгоритмов, а напротив, — в том, что он недостаточно животное, поскольку продолжает мыслить живое как набор алгоритмов и поведенческих программ нацеленных на эффективность? Тогда «провал биополитики» — контроля живого в новых интерфейсах (имагинативной и перформативной грамматики цифрового мира), оказывается требованием новых концептуальных схем, сил и аппаратов — возникновением новых форм жизни при изменении знаков (Барт, 1994, сс. 278).

Обратимся к биосемиотике как одному из исследовательских направлений способным объяснить возникновения новых форм жизни и новых способов жить (в т.ч. числе среди технических образов и знаков). С точки зрения биосемиотики организм имеет тенденцию к превращению внешнего информационного взаимодействия во внутренний бессознательный процесс (Ямпольский, 2019, сс. 32).

«Главное для живого существа — это селекция того, на что оно должно реагировать и что игнорировать. Чтобы осуществить эту селекцию, любое существо должно быть способно “читать”, отбирать информацию, что-то извлекать из “информационного шума”. <... > По мере передачи информации что-то изменяется в сети, а затем происходит стабилизация системы. Информация в биологических системах в конце концов превращается в энергию. Мы видим еду, реагируем на нее как на сигнал, съедаем и в конце получаем энергию. Картинка, на которую реагирует животное (ягоды, плод, убитое существо), в какой-то момент все равно ведет к энергии» (Ямпольский, 2019, сс. 17-18).

Итак, основная забота живого с биосемиотической точки зрения — селекция: она начинается из взаимодействия между животными видами, а затем — продолжается на уровне взаимодействия с изображениями. Из совокупности взаимодействия с животными — по аналогии с интерсубъективностью и интеробъективностью ее можно назвать интеранимальностью — создалась особая экосреда и иммуносреда, обеспечивающую коллективный иммунитет. Психологическими и социальными двойниками этой эко- и иммуносреды (и следствием интеранимальности) были ментальные техники работы с собственными эмоциями — знаки, впечатанные в тело, коллективный иммунитет в области эмосферы (отсрочка гнева, желания и т.д.). Так, например, в эссе «О добывании огня» Фрейд мифопоэтически показывает изменение в психофизиологии человека: поддержание огня в общине возможно только при отказе от аутоэротического удовлетворения, получаемого человеком при гашении пламени

струей мочи (Фрейд, 1995, сс. 339-342). Животные в их буйстве (не зря мифологическое воображение соотносит их со стихиями) — то же пламя, а потому от человека требуется соответствующее внимание как к их возможной агрессии, так и к своим удовольствиям. Если он хочет получать от них нечто — он должен дать им больше. Отсроченное потребление — результат сосуществования с животными в том же смысле, что и отсроченный аффект. Скорее животные приручили человека, чем он животных. В этой связи Агамбен обращается к Хайдеггеру, напоминая, что «животность» человека может быть понята не только как то, что необходимо взять под контроль посредством техники, но и как то, что фундаментально сопротивляется господству, что мыслится в человеке как чистая оставленность (Агамбен, 2012, с. 96).

«Dasein — это попросту животное, которое научилось скучать, которое пробуждается из собственно оцепенения в собственное оцепенение» (Агамбен, 2012, с. 85).

Скучающее животное, животное, смеющее ждать — все эти характеристики называют бихевиориальный недуг человека, отсрочку действия. Но если бихевиориальный дизайн интерфейсов как продолжение биополитики средствами цифровых технологий есть действительность, обращающая все формы действия в ничто, то такие «ничтожные» действия как скука, оставленность, оцепенение — собственные человеку могут, напротив, оказаться действиями, обращенными на себя, значимыми сами по себе. Если животные «приручили» человека дав реализовать его «непродуктивное» искусство ждать, то какие возможности открывает коммуникативная и семиотическая среда интерфейсов для реализации потенциала человека? Какие его «недуги» еще не получили статус добродетелей только потому, что мы по инерции следуем поверхностно понятым бихевиориальным решениям? Возможно, что задача интерфейсов не вести к умножению результата и закрепления поведения, но, наоборот, работу с осознанием и принятием собственных несовершенств? Возможно в новых условиях они могут дать больше? Антропологическая машина как модель власти и контроля, обрекла нас на мышление о жизни в терминах алгоритмов, но сейчас она требует новой биосемиотической программы: иного взгляда на природу — вместе с введением новых знаков и перформативных практик. Homo Sapiens, даже этимологически не только человек разумный, но человек «чувствительный», чуткий — он укоренен не в продукте и контроле (праксисе), но в заботе и даре (поэзисе). Даже intersubjective конструкты, способные

моделировать данные опыта — это не столько результат расчета и прогноза (праксис), сколько поэзис и эстетизис, игра и праздность, изначальное внимание к границам, чуткость: любой образ, модель, схема — есть проявление этой чуткости, которая глубинно уходит к священному переживанию границы между животным и человеком. Граница эта больше становится ясна не из логики контроля и управления, а из глубинного эстетизиса соприкосновения, сопереживания, в расширенном смысле, определенном А. Швейцером как «благоговение перед жизнью», восприятию животного начал в себе как жизни, находящейся в бедствии и одновременно священной. А. Пшера анализируя новые цифровые возможности в экологической перспективе предлагает модель «интернета-животных», которые благодаря коммуникативным сетям и новым связям между человеком и животным могли бы технологически реализовать эсхатологический идеал А. Швейцера и М. Бубера: обращения объективистских отношений «Я»-«Оно» к сочувствующим «Я»-«Ты». «Единственное, что имеет смысл — это сопереживание» (Пшера, 2017, с. 151). Но можно пойти и дальше, прогнозируя, что внимание к новым технологиям и новым связям изменят отношения между человеком и животным в самом человеке: бихевиориальный дизайн, основанный на позитивистском, эмпирическом истолковании жизни и практической эксплуатации животного начала в человеке как ресурса, будет уравновешен (если не заменен в новой биосемиотической ситуации) экзистенциальным дизайном, имеющим в основе благоговения перед жизнью во всей ее полноте, в т. ч. ко всем ее несовершенствам. Цифровой век — век тотальной коммуникации, а значит век растущей неопределенности: мы все чаще имеем дело с редкими и уникальными событиями, которые можно прогнозировать только всерьез относясь к несовершенствам человека. В противном случае даже экономический рост, который традиционно соотносится с усилением в обществе роли новых технологий остановится стандартизацией форм коммуникации.

СМЕНА ПАРАДИГМЫ: ОТ КОНТРОЛЯ К ЗАБОТЕ

Если благоговение перед жизнью — возможная альтернатива бихевиориальному дизайну, то в чем она могла бы состоять? Прежде всего необходимо избавиться от распространенной идеологической предпосылки — аргумента «от реальности». Легко принять на веру призывы обратиться к самим вещам, т.е. увидеть в дизайне цифровых приложений деятельность конкретных компаний, коллективов, авторов, в сетевой коммуникации — «реальных» адресатов и отправителей, а в требованиях к пользователю — конкретные юридиче-

ские и экономические ситуации, с которыми вынуждено считаться цифровое человечество. Тем не менее такая установка — глубоко идеологична, т. к. «конкретные» люди и ситуации, в не меньшей степени результат цифрового взаимодействия, чем акторы и условия. Поэтому в данном случае не так важно анализировать кто и зачем действует, как понять принципы и возможные результаты действия. Именно эти принципы и возможные результаты — есть сама реальность. Следовательно техники заботы о себе в цифровой реальности, по необходимости, не столько психологические, сколько экзистенциальные установки — способы быть, которые следует учесть в дизайне цифровых интерфейсов.

Благоговение перед жизнью — не стоп-кран для действующих стратегий, а комплексный взгляд, осознание того, что животную природу человека до сих пор использовали не целесообразно. Замыкание жизни в бихевиористской матрице привело к тому же, что и предметное отношение к природе, выраженное в росте производительности и потребления — к истощению. Наступление на природу в технологиях, должно смениться ее открытием: иначе цифровая реальность — всего лишь продолжение техно-бюро-милито-кратии, а не новый уровень экзистенциального онтопоэзиса. До сих пор «забота» в отношении к технологиям мыслилась как легкость и доступность, как скорость и производительность, но это все еще технические, а не экзистенциальные добродетели — которые могут, наоборот, привести к катастрофам, т.к. предполагают неисчерпаемость возможностей, или садизм псевдоморальных требований. Цифровой дизайн, напротив, мог бы учесть феномен слабой силы, т. е. начаться с отношения к животному началу, или к самой жизни как к тому, что находится в бедствии, крайне ограничено и ценно, и, тем самым, были бы актуализированы новые стороны человеческого бытования в цифре. Но каковы же экзистенциальные установки, которые вводя чрезвычайное положение — т. е. фиксируя ограниченность и ценность человеческого капитала — могли бы стать основаниями для цифрового дизайна в модусе благоговения перед жизнью?

О, ДИВНЫЙ БЕСКОНТАКТНЫЙ МИР

Поскольку цифровой интерфейс — наша биосемиотическая программа и биополитическая парадигма, то изменяются наши способы взаимодействия с миром, а это означает, что изменяемся мы сами, причем прежде изменения интеллекта происходит адаптация к новым условиям, развитие нового инстинкта. Меняется наша телесная схема, т.е. способы устроенности в собственном теле и

возможные модусы его использования. «Самый простейший визуальный аппарат — это рука. Уже на самых ранних стадиях, когда ее применение было совершенно недифференцированным, создавались ментальные образы, сделанные рукой, *main images*, как говорит французский исследователь Лева. На более высоких стадиях развития рука через прикосновения, повторяя контуры, нащупывая форму и схватывая чужие тела, создает первые искусственные и художественные формы, которые выделяются из мира практических действий и маркируют независимый от него порядок» (Гебауэр, 2013, с. 101). От Аристотеля и вплоть до Гуссерля (Husserl, 1952, S. 143–161), проблема касания — проблема способов данности мира, функционального отношения и различных конфигураций, складывающихся между жестом, взглядом, переживанием¹. Для Хайдеггера, Деррида и Нанси, касание — это и проблема затронутости: всякое касание затрагивает и нас, а затронутость определяет возможное касание (Landes, 2007, pp. 80-92). Но цифровой мир — мир бесконтактный. Это не значит, что мы больше не взаимодействуем ни с кем, это значит, что наше взаимодействие опосредовано технологией, т.е. уже не технологии продолжение и развитие руки, но рука — продолжение и развитие технологий. Нащупывание схватывание, прикосновение, повторение контуров — не отношение руки к вещам, а скорее вещей к нам: сканер

1 Касание и сопутствующую ему затронутость — важно понимать в контексте высказывания Хайдеггера: *Der Mensch «hat» nicht Haende, sondern die Hand hat das Wesen des Menschen inne* — «Не человек «имеет» руки, а именно рука владеет существом человека» (Хайдеггер, 2006, с. 96) и сопутствующего комментария Деррида: «Во-первых, *on the one hand* [с одной стороны], как обычно говорят по-английски, все выглядит (насколько мне известно) так, как будто единственное предложение, в котором Хайдеггер говорит о руках человека во множественном числе, касается как раз момента молитвы или, во всяком случае, жеста, в котором складываются (*sich falten*) обе руки, чтобы в *Einfalt* [односложности] объединиться. Хайдеггером постоянно привилегирована *Versammlung* [собранность]. Во-вторых, *on the other hand* [с другой стороны] никоим образом ничего не говорится о ласке или о вожделении. Делается ли любовь, занимается ли человек любовью рукой или руками? И как обстоит дело в этом отношении с сексуальным различием? Можно вообразить себе протест Хайдеггера: этот вопрос носит выводной характер — то, что вы называете вожделением или любовью, имеет своей предпосылкой появление (*avènement*) руки из слова, и с того времени, как я указал на руку, которая дает, подается, заверяет (*verspricht*), отдается, предоставляет, вручает и обязывает в уговоре и клятве, вы располагаете всем, что вам нужно, чтобы осмыслить то, что они вульгарно называют занятием любовью, лаской или вообще вожделением. — Может быть, но почему нельзя об этом сказать?» (Деррида, 2006, с. 298). Если Хайдеггер делает акцент на собранности руки (в смысле молитвы, жеста прощения и прощения, единения и внимания, экзистенциальной расположенности, заботы). Деррида замечает, что открытость руки, приходящая на место собранности есть противоречие — сужение горизонта ее интенционального конституирования — от заботы к вожделению. Тот же ход мысли необходимо применить и в оценивании интерфейсов как биосемиотической парадигмы для выживания в цифровом мире: их открытость — чаще всего не экзистенциальная расположенность, а предопределенность к действию, через мотивацию и поощрение — т.е. касание и вживание оказываются обратнопропорциональны на практике и прямопропорциональны в теории. В идеале собранность должна показывать возможные модели открытости, а открытость — и необходимые принципы собранности.

отпечатка пальца, лица, распознавание голоса: биополитические, криминалистические, криптографические решения. Наше первое отношение к технике сегодня — поверхностно тактильное. Мы чаще не давим на кнопки и не жмем на рычаги — мы даже не касаемся, а скорее отдаемся касанию/сканированию. Легкость прикосновения обеспечивает скорость и невесомость, проникновение заменено скольжением по поверхности. Мы более не связываем технику с отсрочкой аффекта и началом мысли, напротив, на собственном опыте познаем, что мысль есть страсть. Скольжение по поверхности — это прежде невозможность зацепиться и охватить — поэтому техника как сканер должна нас «объять». Следствия очевидны: касаются друг друга уже не тела и технологии, но технически-усиленные мысли, страсти, чувства, фантазии — их любовное трение есть игра, ставка в которой тело, не в смысле субстанциальной воплощенности, а в смысле укорененности в пространстве, времени, причинно-следственной связи. Сегодня мы оказываемся в странной ситуации — касание нас не затрагивает, а затронутость — нас не касается: т.е. мы собственным касанием будто бы вбираем мир, а на деле исторгаемся из собственного тела. Американский журналист Мэтью Пауэрс, погибший при расследовании в Уганде, за полгода до своей смерти в 2013 году показал социологам, как в отсутствии физической угрозы для жизни эмоционально выгорают операторы беспилотных дронов, испытывая стрессы более мучительные, чем те, кто непосредственного и телесно вовлечен в боевой контакт (Вахштайн, 2017, стр. 2): эмоции освобожденные от тела стремительно интенсифицируются и напротив, повышенная интенсификация эмоций означает актуальность, а вместе с ней — вещьность, материальность, фактичность. Новые технологии следует развивать не по логике больших возможностей, а по логике большей затронутости и ответственности. Касание без затронутости — превращается в скольжение или болезненную реакцию, т.е. в невозможность удержаться, воздержаться и поддержать, в выключенность из мира. Д. Бутройд вслед за Левиным и Деррида подчеркивает нарциссизм дизайна, существующих технических интерфейсов: они обеспечивают легкость и доступность, но не экзистенциальную открытость, ставя на карту механизмы конституирования этической предметности — т.е. встречу с Другим (Boothroyd, 2009, pp. 330-345). В ситуации биополитической эксплуатации тела средствами бихевиориального дизайна, когда мысль становится страстью, а страсть — мыслью, страстям не хватает именно «тягости», т.е. чувства веса, лишившись, которого они неконтролируемо разрастаются. Бесконтактность оборачивается замыканием на фантазме, а рост эмоций — скорее аутоэротическим

фактором, чем основанием к действию. Альтернативу видят в возвращении затронутости, т.е. ограничение нейрофизиологического истолкования «кожи», и возвращение ей экзистенциальной размерности (Elo, 2012 pp. 1-12). Через обратную связь, отдачу, возвращается не только ответ на действие, но и чувство того, что всякий эффект имеет вес. Следует отметить, что на уровне практики данные решения уже давно начали опробоваться в игровой среде (Ленкевич, 2019, стр. 20-33) — авангарде цифровой реальности, а новейшие технические решения уже запатентованы компанией Sony под говорящим именем контроллера PlayStation 5 — DualSense.

SLOW LIFE MATTERS

Поскольку цифровые интерфейсы уже — по крайней мере в игровой индустрии — смещаются от количества функциональных возможностей и способов означивания к акцентуации проблемы присутствия, стоит ожидать, что со временем и в других областях цифрового мира чуткость и внимание к переживаемому должна прийти на смену скорости, количеству и точности отклика. В данном случае важно отметить, что проблема скорости вместе с оцифровыванием мира становящаяся сквозной для всех сфер жизни — уже побудила тревогу и подготовила условия для противодействия. Достаточно напомнить о slow life — «субкультуру, основанную на ценности замедления ритма жизни. Со временем движение распространилось на различные сферы и области, возникли идеологии, акторы и адепты «медленных путешествий», «медленного искусства», «медленного телевидения», «медленного производства», «медленных денег», «медленной медицины», «медленного образования» и т. д. Последователи slow полагают, что их реализация возможна благодаря активному применению принципов, заимствованных из различных дисциплин научного знания. Во всем используется качественный подход (делать все, как можно лучше, а не как можно быстрее) и индивидуалистическая философия уникальности каждого субъекта. Движение ориентируется на созерцательный и вдумчивый образ жизни, считает непродуктивным взятие на себя лишних обязательств и многозадачность, но при этом отрицает какой-либо аскетизм. Адепты slow life действуют на различных социальных площадках: блоги, сообщества, например дизайнеров (slow design), рестораны slow food, журналы slow living и пр. [...] Инструментарий slow living заимствован из таких направлений современных кросскультурных исследований, как: интегральная теория (Integral Theory) и целостный подход (A Holistic Approach) в саморазвитии; бихевиоральная экономика (поведенческая эконо-

мика) — наука о том, как мы делаем потребительский выбор; теория спиральной динамики развития человека (Spiral Dynamics); исследования, касающиеся нашего отношения к времени (Time Studies); теория «вдумчивого» моделирования и анализа принятия решений и стратегического планирования в бизнесе и различных организациях (Appreciative Inquiry); несколько теорий новейшей экзистенциальной и межличностной психологии» (Николаева, 2016, стр. 25-26).

Современный цифровой мир определен не столько свободой действия, сколько необходимостью действия: с помощью новых средств, оболочек, плагинов, приложений, гаджетов и т.д. ты можешь делать больше и лучше, а, следовательно, вынужден делать больше и лучше. Мы до сих пор видим достоинство в том, чтобы делать дальше и лучше, и этому научили нас технологии, традиционно опознаваемые как неморальные средства. Латентным образом они вели свою морализаторскую работу — демонстрируя нам, что если ты не успеваешь, значит не понимаешь, а значит — бесполезен. Сейчас речь идет напротив о том, чтобы морализовать технологии — т. е. показать, что граница, остановка, предел, начало не стыда, а рефлексии. Интерактивный дизайн интерфейсов, ориентирован больше на реакцию, но введение элементов темпорального и рефлексивного проектирования (Hallnaes, Redstroem, 2001, pp. 201-212), могло бы способствовать тому, что эффективность обнаруживалась не в реакции, а в отсрочке — внимании, вживании и размышлении.

Culturally Embedded Computing Group — группа исследователи из Нью-Йорка, сосредоточенная на культурно-ориентированных технологиях, проанализировала колоссальный массив литературы, проектов технологий и исследовательских тенденций и показала (Sengers, Boehner, David, Kaye, 2005, pp. 49-58), что такой переход от рефлекса к рефлексии, от агрессии действия к понимающему сопереживанию на уровне дизайна цифровых сред возможен при учете следующих моментов: 1) совместное проектирование (participatory design) — т.е. более тесное и открытое взаимодействие, не только предоставлению пользователю нового, но и привлечение его внимания к тем навыкам, которые уже у него есть, их новое открытие; 2) чувствительность к ценностям (value-sensitive design) — т.е. принятие в учет, того, обстоятельства, что каждое действие это еще и манифестация ценностей, которые разделяет и которым сочувствует пользователь; 3) критически-ориентированные установки (critical design) — т. е. заимствованные у арт-критики методы выведение пользователя по ту сторону потребительской культуры, через деконструкцию того, что они знают и ценят, а также через провокацию воображения, 4) людо-

гические функции ludic design — т.е. указание альтернативных возможностей и предоставление большей свободы действия; 5) практика критического использования техники (critical technical practice) — т.е. внимание к тому, какие метафоры и метонимии в интерфейсах определяют способы понимания и переживания технически-обусловленного опыта; тактика рефлексивного действия (reflection-in-action) дизайн должен избегать овеществления опыта и вместо этого поддерживать диалогический характер, то есть делать акцент не на ситуации, а на обстоятельствах, которые к ней привели. Ключевая тенденция состоит в том, чтобы возвращать пользователя к себе, тем самым возвращая ему из эксплуатационного — экзистенциальный статус, а вместе с ним — ценности и смыслы. Замедление, здесь основание для обращения внимания на себя, на причины и следствия собственных действий, на условия формирования событий и ситуаций в которых развертывается экзистенция.

КОГДА МЕНЬШЕ, ЗНАЧИТ БОЛЬШЕ

Х. Арендт, исследуя основания современности, замечает, что человек в своей активности — сократив расстояния и наладив техническую коммуникацию — стал больше обитателем Земли, чем своего места и времени на ней. Мы отчуждены не от самих себя, как полагал Маркс, а — от мира (Арендт, 2017, стр. 313-323). Мир оказывается потерянным измерением и эта утрата компенсируется экспансией себя, избыточностью себя, граничащей с фантазмом. Современный мир избыточной активности — экспансия фантазматического «Я». Поскольку все действия направлены на его подкрепление мы все менее способны к поступку, т.е. к открытию этического измерения стояния перед Другим. Эффективность, следовательно понимается как манифестация Я, а не принятие Другого — чем больше мы делаем, тем больше мы замыкаем себя в координатах здравого смысла (или в интерпретации Арендт, в *cogito* без *dubito*, в сознании, лишенном сомнения, для которого каждое последующее действие подтверждает правоту предыдущего). Следовательно, многочисленные экзистенциальные основания действия и поступка в схемах трудовой (сегодня главным образом — цифровой) действительности оказываются дискредитированы как неэффективные: скука, боль, одиночество, страх — должны быть блокированы. Втянутые в координаты общества принудительного счастья, мы приговорены к искаженным формам *vita activa*, деятельной жизни, где деятельность — скорее иной род пассивности. Вынужденные встраиваться в технические способы взаимодействия и приспособляясь к их требованиям, мы просто не замечаем

утрату множества необходимых моментов этического поступка. Так, например, мы лишены скуки — ее приостанавливают и подавляют новостные ленты, события, мероприятия, дедлайны; лишены боли — не только фармакологически, новыми болеутоляющими, но и тем, что невозможно переживать боль одному — социальные сети всегда дадут сочувствующих и позволят пережить работу траура коллективно; лишены одиночества — за нами присматривает наш друг смартфон, мы гладим его, говорим с ним, спим с ним, а просыпаясь — первым делом берем его в руки. Наверно, и самый распространенный диалог в современном мире начинается с: «Привет, Сири!», а заканчивается на: «Ок, Гугл!».

Фактически мы лишены того, что со времен античных и иудеохристианских истоков европейской культуры было началом бытия и мышления, мы отказываемся от нашего биологического основания в той же мере, что и от нашего культурно-исторического наследия, а значит — они начинают работать против нас. Фармакология современных интерфейсов состоит в том, чтобы не дать почувствовать нам ни боли, ни одиночества, ни тоски, ни страха и возможно вместе с этими потерями, мы теряем те связи с миром, которые удерживают нас во времени, пространстве, в собственном теле. Отсюда значимая задача — принять всерьез контрэффективность, т.е. учитывать не только скорость, количество операций, многозадачность, адаптивность (мимикрия, напомним, — влечение к смерти, поскольку она растворяет в среде), но и другие тенденции, часто рассматриваемые как негативные, но необходимые для остановки, внимания, оценки, понимания, для укоренения во времени, пространстве, причинно-следственных связях с целью более полного их переживания, прочувствования, продумывания. Интерфейсы цифровых устройств работают в режиме экстаза (ἔκστασις), исступления — но они должны получить и режим эпохэ (ἐποχή) воздержания.

Прежде всего не стоит бояться действия без содержания, нуль — необходим для выстраивания координат. Герой Уилла Смита в комедии *Hitch* (2005) объясняет принципы коммуникации: «60 процентов в общении между людьми составляет невербальная часть. Язык тела. И 30 процентов - звучание голоса. Таким образом, 90 процентов того, что Вы выражаете, не связано с речью». Нулевая степень коммуникации или пустой контакт — необходим для запуска коммуникации. Хотя о нем самом ничего сказать нельзя, он делает возможной не только сообщение, но и сообщество, т.е. не только передачу данных, но и экзистенциальную включенность. Р. Якобсон говорил о таком пустом контакте как о фатическом (лат. *Fatuus* —

глупость) акте речевой коммуникации, при котором речевые высказывания, не неся смысловой нагрузки направлены на установление контакта с собеседником (Якобсон, 1975, стр. 201). Все это говорит о том, что моменты, которые традиционно рассматриваются как неутилитарные, а потому избыточные и неэффективные — необходимы. Они дают силу и значение контакту, т.е. потенциально — ответственность за него, наделяют его этическим измерением.

Кроме того, любой момент неудовлетворённости — самоценен. Удача, психологически мотивирует к действию воспитывая автоматизм повторения, неудача — к осознанию причин. Нас выбрасывает к самим себе и иногда это повод впервые установить с собой диалог. Добавим: приостановка счастья компенсируется более комплексным взглядом на жизнь. Мир возвращается к нам и там, где мы испытываем неудачу, потому что, теперь мы чувствуем его присутствие, а не только свое. «Мы ничего не имеем против счастья, речь идет не о самом этом хрупком чувстве, а о его превращении в какой-то коллективный наркотик, который все обязаны принимать в том или ином виде: химическом, духовном, психологическом, информационном, религиозном. <...> А молодому Мирабо я бы ответил так: «Я слишком люблю жизнь, чтобы желать одного лишь счастья» (Брюкнер, 2011, стр. 14).

Если принять всерьез цитированное выше положение Хайдеггера о том, что человек — скучающее животное, то скука необходима. Когда не совершается ничего значительного вовне, нечто меняется в нас самих — мы обращаемся к себе и учимся быть с собой. Во многом это необходимо для начала бытия с другими, ведь терпеливость ожидания воспитывает терпимость по отношению к другим. Эффективность современных технических средств может обернуться катастрофической нетерпимостью, если с помощью этих средств человек не научится управлять собой, а будет видеть цель лишь в побуждении других, скуку воспринимать как отсутствие действия, а отсутствие реакции на действия как неприятие и обиду. Принятие скуки в учет цифрового дизайна — возможный ответ на угрозу разрастания *ressentiment*.

Нерешительность, также необходимо перестать рассматривать как проявление слабости. Бихевиориальный дизайн цифровых оболочек поощряет одни типы поведения и оставляет без внимания другие, но часто мы не замечаем, что наша решимость — скорее подталкивание, а техническую обеспеченность подталкивания, принимаем за собственную решительность. Мы настойчиво действуем не в своих интересах. Напротив, нерешительность как *dubito* — является осно-

вание *cogito* (мы вспоминали это в связи с Х. Арендт), ограничение себя — дает место для события. Цифровой мир не стал пространством диалога, напротив, породил внутренние требования и критерии к оформлению высказывания, которые сказались и на содержании мысли. Нерешительность в данном случае не слабость, а эмпирический скептицизм — возможная ценностная установка, отказывающаяся от вознаграждения за поведение, в пользу анализа альтернативных моделей. Установку на «сделать любыми средствами» следует заменить на установку «оценивания достойности целей»: механизмы цифрового поведения, на телеологию цифрового поступка. Если все действия, не отданные интерфейсу — обращаются в отсутствие деятельности, то отсутствие деятельности мы должны, напротив оценить как начало мышления.

В этом смысле цифровое взаимодействие должно определяться не только открытостью к возможным действиям, но и осознанностью того, что происходит с нами и в нас. «Эпохэ», приходящее на смену «экстазу» в дизайне интерфейсов (и в целом — в практике цифрового действия), — это внимание к причинам и следствиям, к способу конституирования события и условиям его возможности. Важно помнить, что всякое действие — не только изменяет нечто вне нас, но и изменяет нечто в нас, т.е. определено сопротивлением или даже болью. Принять боль всерьез означает перейти от эстетической стадии к этически прочувствованному переживанию себя, своей мотивации и ценностной ориентации. Цифровая реальность может выводить из мира, но она при правильном ее использовании может и столкнуть человека впервые с собой. Важно помнить, что капиталистическая мораль — вещественная мораль, исторически продиктованная отношением к имуществу и имущественным правом. Цифровая реальность превращает вещь в программу, меняет понимание вещи — а вместе с ней и формы морали, показывая, что вещи все менее принадлежат нам, как и время, как и пространство — все это скорее арендуется, берется взаймы. Но вместе с этими изменениями технологии цифровой реальности открывают нам истину нашего существования, показывая, что мы никогда не являлись теми, за кого часто себя принимали, что дело человека заботиться о себе, а не о вещах, в т. ч. не о том, что может быть овеществлено. Бездействие в цифре важнее, чем активность, т.к. оно открывает возможность иных моделей деятельности, иных типов действительности, этически (а не только эстетически) расширенного мира. Техника вынуждает умножать активность, но она может и пригвоздить к бездействию (поскольку все делает сама). Отсюда ее эсхатологическая задача — принудить к бездействию.

Не к нулевой степени действия, а действия — которое как нуль является началом координат, т.е. показывает ряд возможностей и ставит вопрос об альтернативе. Ведь принимая на себя из сферы поведения и мышления только то, что может быть переведено на язык практических операций, техника осуществляет специфическое эпохэ, показывая, что существо человека не сводится к алгоритмам (раз уж они могут быть заменены машинами и программами), и пробуждая онтологическое беспокойство, необходимость искать иные экзистенциальные проекты. Предоставляя возможности для бездействия она учит нас новой боли — боли быть человеком и не скрываться от нее в ложно понятой активности с которой неплохо справляются и программы.

ВЫВОДЫ

«В миланской Амвросианской библиотеке хранится еврейская Библия XIII века с ценнейшими миниатюрами. <...> Миниатюрист представил увенчанные главы праведников не с человеческими, а с несомненно звериными лицами. <...> Почему же предстатели человеческого совершенства изображены со звериными головами? <...> Ученые до сих пор не нашли удовлетворительного ответа. <...> Между тем, не является невозможным то, что миниатюрист Амвросианской рукописи, наделяя остаток Израиля головами зверей, имел в виду то, что в последний день отношения между животными и людьми примут новую форму и что сам человек примирится со своей животной природой» (Агамбен, 2012, стр. 9-11). Для того, чтобы наша природа (животность) средствами технологий не была усилена и обращена против нас, нам следует быть более внимательными к собственным ограничениям и слабостям. В стремительно меняющихся условиях они могут стать новой силой. Мы должны перейти от парадигмы контроля к парадигме заботы в наших цифровых средах. Цифровое взаимодействие во многом обусловлено бихевиориальными принципами, которые в дизайне интерфейсов оказались соотнесены с критериями эффективности, скорости и продуктивности как «технологическими добродетелями». Однако в условиях совершенствования технологий эти критерии все больше показывают свою ограниченность, поскольку скорее подавляют, чем раскрывают человека. Наоборот, ограничения человеческой природы, контрпродуктивные ее проявления — становятся все более привлекающим внимание феноменом, поскольку позволяют выделить специфику человеческого существа в мире разумных машин. Открытость интерфейса может обернуться падением в вихревые потоки принуждением

к действию, истощением, обесмысливанием, а потому парадоксальным образом потоковому переживанию, мотивации к действию, вознаграждению за выбранный порядок действий как ключевым моментам бихевиориальной матрицы, должны быть найдены контртенденции в виде замедления, или даже скуки, заострения внимания, возвращению к себе, в собственное время и место, в собственное тело. Меньше значит больше. Такой парадокс следует принять в учет для понимания экзистенциального дизайна цифровых оболочек: цифра должна не только увлекать вовне, но и давать возможность вернуться, обратиться к себе, традиционно табуированные в цифровом дизайне моменты — замедления, скука, боль — существенны и должны быть допущены для возвращения экзистенциальной чуткости, в конечном счете для возвращения к собственному телу, которое и будет означать примирение человека с собственной животностью (сейчас речь идет скорее о наступлении на нее). Иными словами, цифровой дизайн может способствовать не тому, что нечто будет сделано субъектом действия, но тому, что нечто изменится в самом субъекте действия, причем он будет открыт принципам и причинам этого изменения. Вызванная технологиями борьба за выживание в условиях растущих скоростей, многообразной сложности взаимодействия и фрагментарности событий, средствами самих же технологий (при соблюдении условий экзистенциального, а не бихевиориального проектирования) может быть обращена в более тонкую, прочувствованную и осознанную жизнь.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МК-169.2021.2. СПбГУ

Список литературы

- Boothroyd, D. (2009). Touch, time and technics: Levinas and the ethics of haptic communications. *Theory, Culture and Society*, 26(2–3), 330–335. doi: 10.1177/0263276409103123
- Bush, V. (1991). As We May Think. The Atlantic Monthly. In J. Nyce & P. Kahn (Eds.), «As We May Think». *From Memex to Hypertext: Vannevar Bush and the Mind's Machine* (pp. 85–112). London: Academic Press.
- Détienne, M., & Vernant, J. P. (1974). *Les ruses de l'intelligence [The wiles of intelligence]*. Paris: La métis des Grecs. Flammarion (In French).
- Elo, M. (2012). Digital finger: Beyond phenomenological figures of touch. *Journal of Aesthetics & Culture*, 4(1), 1–12. doi: 10.3402/jac.v4i0.11511

- Fogg, B. J. (2002). *Persuasive Technology: Using Computers to Change What We Think and Do*. Burlington, Massachusetts: Morgan Kaufmann.
- Hallnaes, L., & Redstroem, J. (2001). Slow Technology: Designing for Reflection. *Personal Ubiquitous Computing*, 5(3), 201–212. doi: 10.1007/PL00000019
- Husserl, E. (1952). *Ideen zu einer reinen Phaenomenologie und Phaenomenologische Philosophie. Zweites Buch: Phaenomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Haag: Martinus Nijhoff.
- Landes, D. A. (2007). Le Toucher» and the «Corpus» of Tact: Exploring Touch and Technicity with Jacques Derrida and Jean-Luc Nancy. *Contact!: The Art of Touch / L'Art Du Toucher*, 47(3), 85–92. doi: 10.1353/esp.2007.0052
- Sengers, P., Boehner, K., David, S., & Kaye, J. (2005). Reflective Design». In O. W. Bertelsen, N. O. Bouvin, P. G. Krogh., & K. Morten (Eds.), *Proceedings of the 4th Decennial Conference on Critical Computing: Between Sense and Sensibility* (pp. 49–58). Aarhus, Denmark: ACM.
- Августин, Бл. (1998). О граде Божьем. В *Творения в 4-х тт* (Т. 3). Санкт-Петербург; Киев: Алетейя. УЦИММ-пресс.
- Агамбен, Дж. (2012). *Открытое*. Москва: РГГУ.
- Агамбен, Дж. (2019). *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. Москва; Санкт-Петербург: Издательство Института Гайдара, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Арендт, Х. (2017). *Vita Activa, или О деятельной жизни*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Барт, Р. (1994). Литература и значение. В Р. Барт, *Избранные работы: Семиотика, Поэтика* (сс. 276–296). Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс».
- Беньямин, В. (2002). *Происхождение немецкой барочной драмы*. Москва: Аграф.
- Беньямин, В. (2012). Капитализм как религия. В И. Чубаров & И. Б. В. Беньямин (Ред.), *Медиаэстетические произведения. Сборник статей* (сс. 99–107). Москва: РГГУ.
- Брюкнер, П. (2011). *Вечная эйфория: Эссе о принудительном счастье*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- Вахштайн, В. (2017). Пересборка повседневности: Беспилотники, лифты и проект ПКМ-1. *Логос*, 117(2), 2–48. doi: 10.22394/0869-5377-2017-2-1-44
- Гебауэр, Г. (2013). Тело, созданное аппаратом, и аппарат, создающий тело. *Логос*, 95(5), 97–107.
- Деррида, Ж. (2006). Geschlecht II: Рука Хайдеггера. В М. Хайдеггер, *Что зовется мышлением?* (сс. 263–315). Москва: Издательский дом «Территория будущего».
- Канторович, Г. (2013). *Два тела короля*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Киттлер, Ф. (2009). *Оптические медиа: Берлинские лекции 1999 г.* Москва: Логос; Гнозис.
- Латур, Б. (2006). Где недостающая масса? Социология одной двери. В В. С. Вахштайн (Ред.), *Социология вещей*. Москва: Издательский дом «Территория будущего».

- Ленкевич, А. С. (2019). На пути к медиаэстезису: Производство присутствия в компьютерных играх. *Международный журнал исследований культуры*, 34(1), 20–33. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00002
- Манко, Дж. (2019). *Как заселялась Европа. От первых людей до викингов*. Москва: Языки славянских культур.
- Манович, Л. (2017). *Теории софт-культуры*. Нижний Новгород: Красная ласточка.
- Мерло-Понти, М. (1999). *Феноменология восприятия*. Санкт-Петербург: Ювента, Наука.
- Николаева, Ж. В. (2016). Slow life. Новая философия неспешности. *Обсерватория культуры*, 1(1), 24–30. doi: 10.25281/2072-3156-2016-1-1-24-30
- Поланьи, К. (2014). *Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Пшера, А. (2017). *Интернет животных: Новый диалог между человеком и природой*. Москва: Ад Маргинем.
- Флюссер, В. (2016a). Не-Вещь II. В В. Флюссер, *О положении вещей. Малая философия дизайна* (сс. 118–123). Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Флюссер, В. (2016b). Существует ли этика промышленного дизайна? В В. Флюссер, *О положении вещей. Малая философия дизайна* (сс. 75–79). Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Фрейд, З. (1995). О добывании огня. В З. Фрейд, *Художник и фантазирование (сборник работ)* (сс. 339–342). Москва: Республика.
- Хайдеггер, М. (2006). *Что зовется мышлением?* Москва: Издательский дом «Территория будущего».
- Харрари, Ю. Н. (2020). *Ното Deus. Краткая история будущего*. Москва: Издательство Синдбад.
- Шваб, К. (2018). *Технологии четвёртой промышленной революции*. Москва: Эксмо.
- Якобсон, Р. (1975). Лингвистика и поэтика. В М. Я. Поляков (Ред.), *Структурализм: «за» и «против». Сборник статей* (сс. 193–230). Москва: Издательство «Прогресс».
- Ямпольский, М. (2019). *Изображение. Курс лекций*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

- Agamben, J. (2012). *The Open*. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian).
- Agamben, J. (2019). *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government*. Moscow, St. Petersburg, Russia: Publishing House of the Institute of Gaidar, Faculty of Liberal Sciences and Arts, St. Petersburg State University. (In Russian).

- Arendt, H. (2017). *Vita Activa, or On the Active Life*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
- Augustine, the Blessed. (1998). About the City of God. In *Works in 4 volumes* (Vol. 3). St. Petersburg; Kiev: Aletheia. UCIMM Press. (In Russian).
- Barth, R. (1994). Literature and meaning. In R. Barth, *Selected works: Semiotics, Poetics* (pp. 276–296). Moscow: Progress Publishing Group, Univers. (In Russian).
- Benjamin, W. (2002). *The Origin of German Tragic Drama*. Moscow: Agraf Publ. (In Russian).
- Benjamin, W. (2012). Capitalism as a religion. In I. Chubarov & I. Boldyrev (Eds.), *The doctrine of similarity. Media aesthetic works. Selected articles* (pp. 99–107). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian).
- Boothroyd, D. (2009). Touch, time and technics: Levinas and the ethics of haptic communications. *Theory, Culture and Society*, 26(2–3), 330–335. doi: 10.1177/0263276409103123
- Brueckner, P. (2011). *Perpetual Euphoria: On the Duty to Be Happy*. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. (In Russian).
- Bush, V. (1991). As We May Think. The Atlantic Monthly. In J. Nyce & P. Kahn (Eds.), «As We May Think». *From Memex to Hypertext: Vannevar Bush and the Mind's Machine* (pp. 85–112). London: Academic Press.
- Derrida, J. (2006). Geschlecht II: Heidegger's Hand. In M. Heidegger, *What is Thinking?* (pp. 263–315). Moscow: Publishing House «Territory of the Future».
- Détienne, M., & Vernant, J. P. (1974). *Les ruses de l'intelligence [The wiles of intelligence]*. Paris: La métis des Grecs. Flammarion (In French).
- Elo, M. (2012). Digital finger: Beyond phenomenological figures of touch. *Journal of Aesthetics & Culture*, 4(1), 1–12. doi: 10.3402/jac.v4i0.11511
- Flusser, V. (2016b). Is there an ethics of industrial design? In V. Flusser, *On the state of affairs. Small design philosophy* (pp. 75–79). Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
- Flusser, V. (2016a). Non-Thing II. In V. Flusser, *On the state of affairs. Small design philosophy* (pp. 118–123). Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
- Fogg, B. J. (2002). *Persuasive Technology: Using Computers to Change What We Think and Do*. Burlington, Massachusetts: Morgan Kaufmann.
- Freud, Z. (1995). On making fire. In Z. Freud, *Artist and Phantasy (collection of works)* (pp. 339–342). Moscow: Republic. (In Russian).
- Gebauer, G. (2013). The Body Made by Machines, and Body-Making Machine. *Logos*, 95(5), 97–107. (In Russian).
- Hallnaes, L., & Redstroem, J. (2001). Slow Technology: Designing for Reflection. *Personal Ubiquitous Computing*, 5(3), 201–212. doi: 10.1007/PL00000019
- Harrari, Y. N. (2020). *Homo Deus. A brief history of the future*. Moscow: Publishing House Sinbad. (In Russian).

- Heidegger, M. (2006). *What is Thinking?* Moscow: Publishing House “Territory of the Future”. (In Russian).
- Husserl, E. (1952). *Ideen zu einer reinen Phaenomenologie und Phaenomenologische Philosophie. Zweites Buch: Phaenomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Haag: Martinus Nijhoff.
- Jacobson, R. (1975). Linguistics and Poetics. In M. Ya. Polyakov (Ed.), *Structuralism: pros and cons. Collection of articles* (pp. 193–230). Moscow: Progress Publishing house. (In Russian).
- Kantorovich, G. (2013). *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).
- Kittler, F. (2009). *Optical Media: Berlin Lectures 1999*. Moscow: Logos Publ.; Gnosis Publ. (In Russian).
- Landes, D. A. (2007). Le Toucher» and the «Corpus» of Tact: Exploring Touch and Technicity with Jacques Derrida and Jean-Luc Nancy. *Contact!: The Art of Touch / L'Art Du Toucher*, 47(3), 85–92. doi: 10.1353/esp.2007.0052
- Latour, B. (2006). Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts. In V. S. Vakhstein (Ed.), *Sociology of things*. Moscow: Publ. House “Territory of the Future”. (In Russian).
- Lenkevich, A. S. (2019). On the Way to Media Esthesis: Production of Presence in Computer Games. *International Journal of Cultural Research*, 34(1), 20–33. doi: 10.24411/2079-1100-2019-00002 (In Russian).
- Manco, J. (2019). *Ancestral Journeys: The Peopling of Europe from the First Venturers to the Vikings*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russian).
- Manovich, L. (2017). *Theories of Soft Culture*. Nizhny Novgorod: Red Swallow. (In Russian).
- Merleau-Ponty, M. (1999). *Phenomenology of Perception*. St. Petersburg: Juventa, Science Publ. (In Russian).
- Nikolaeva, Zh. V. (2016). Slow life. A New Philosophy of Slowness. *Observatory of culture*, 1(1), 24–30. doi: 10.25281/2072-3156-2016-1-1-24-30 (In Russian).
- Polanyi, K. (2014). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Pshera, A. (2017). *Internet of Animals: a new dialogue between humans and nature*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
- Schwab, K. (2018). *Shaping The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
- Sengers, P., Boehner, K., David, S., & Kaye, J. (2005). Reflective Design». In O. W. Bertelsen, N. O. Bouvin, P. G. Krogh., & K. Morten (Eds.), *Proceedings of the 4th Decennial Conference on Critical Computing: Between Sense and Sensibility* (pp. 49–58). Aarhus, Denmark: ACM.
- Vakhstein, V. (2017). Reassembly of Daily Life: drones, elevators and the PKM-1 project. *Logos*, 117(2), 2–48. doi: 10.22394/0869-5377-2017-2-1-44 (In Russian).
- Yampolsky, M. (2019). *Image. Lectures*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-75 215 since 07 march 2019

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414 056

Address of Editorial board: 57, Granovskiy per. apt. 2, Astrakhan, Russia, 414 038

Editor-in-Chief: Rastyam T. Aliev, PhD

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: admin@galacticamedia.com

or galacticamedia@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2019 Galactica Media: Journal of Media Studies. e-ISSN: 2658-7734

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75 215 от 07 марта 2019

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие "Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414 056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414 038, Астраханская обл., г. Астрахань, Грановский пер., д. 57, кв. 2

Главный редактор: к.и.н. Растям Туктарович Алиев

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: admin@galacticamedia.com

или galacticamedia@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2019 Галактика медиа: журнал медиа исследований. e-ISSN: 2658-7734